

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Декабрь 2021

№ 4(6), ДЕКАБРЬ 2021

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи просим направлять в электрон-
ном виде на адрес:

snmakarova@mail.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.
Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терёхин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):
В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Хроники	3	Поэзия	67
Краевой литературный фестиваль "Цвет памяти"	3	Ольга Немыкина О чём бы я с тобой поговорила. Стихи	67
"Золотая роза" в Курганинске	3	Светлана Курач И проступит мир нежней и резче... Стихи	70
В литературном музее Кубани	4		
Наталья Ламосова	4	Светлана Супрунова	
Мир земной красоты Л.М. Пасенюка	5	Возвращение. Стихи	76
К 95-летию со дня рождения			
"Я точно знаю, что не буду старым..."			
К 80-летию со дня рождения В. Горского			
Неизвестным солдатам вернул имена...	7	Проза	80
Андрей Пономарёв. Некролог		Фаина Кузнецова	80
Учреждена ежегодная премия журнала "Краснодар литературный"	8	Первые шаги. Свидание с Эльбрусом. Рассказ	84
		Геннадий Майоров Кисель со взбитыми сливками. Рассказ	84
Новые книги	9	Константин Чиганов Рыжая-бесстыжая. Рассказ	90
Сергей Зубарев. "Молитва о свирели"	9		
Григорий Блехман. "О чём поведал фрон- товик"	9	Поэзия	93
Светлана Медведева. "Становление"	9	Поэтическая аллея	93
Михась Болсун. "Родное, близкое"	10	Наталья Поколода	93
Юрий Бирюков. "Чаша", "Из чрева молча- ния", "Ключи от неба"	10	Игорь Щербань	93
Сборник произведений литературного объ- единения "Авангард"	10	Дмитрий Бледнов	93
	10	Людмила Карпенко	93
	10	Ольга Новожилова	94
	10	Галина Уфимцева	94
	10	Ольга Безлепкина	95
	10	Роза Воеводина	95
	10	Анатолий Симонов	96
Имена и даты	11		
К 95-летию со дня рождения Бориса Тума- сова	11	Литература и общество	97
Там была молодость. Отрывок из повес- ти		Валерий Румянцев	97
Светлана Макарова-Гриценко	22	Поэзия звучит как колокол. Очерк	
От князя Репнина до поручика Держа- вина. К юбилею Людмилы Бирюк		Алексей Смоленцев	101
		Возмездия... украденные и свершившие- ся. Очерк	
Проза	24	Иван Бойко	113
Андрей Новиков	24	Вдохновлённые степным раздольем	
Если повстречаете золото. Рассказ			
Степан Деревянко	28	Семейное чтение	116
Рассказы		Анна Шарапова	116
Людмила Бирюк	31	Две сказки. Стихи для детей	
Река времён. Исторический роман (Продолжение)		Итоги краевого фестиваля-конкурса "Семья"	118
Анатолий Ильяхов	62		
Комсорг. Быль			

КРАЕВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ "ЦВЕТ ПАМЯТИ"

Краевой литературный фестиваль "Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки, учреждённый Краснодарским региональным отделением Союза писателей России, открылся 14 октября в Краснодаре. Фестиваль призван сохранить память и стимулировать изучение творческого наследия кубанского поэта всероссийского масштаба Вячеслава Александровича Динеки, лауреата премии Администрации Краснодарского края им. Епистимии Степановой, Международной премии "Пять хлебов" им. Вадима Нарбута, всероссийского конкурса "Казачья слава".

Подполковник запаса, кавалер государственных наград, много лет Вячеслав Динека много лет являлся членом правления Краснодарской краевой писательской организации Союза писателей России, ответственным секретарём газеты "Кубанский писатель", руководителем краевого литературного объединения "Верность", членом жюри международных и региональных конкурсов-фестивалей, руководителем краевых семинаров начинающих литераторов.

В этот день в гостиную Литературного музея Кубани собрались друзья, ученики и коллеги поэта: председатель Краснодарского краевого отделения СПР Светлана Макарова-Гриценко, член правления организации Любовь Мирошникова, поэты Любовь Деткова, Ольга Сафронова. Пришли "верновцы", с которыми долгие годы Вячеслав Динека щедро делился мастерством, был редактором-составителем авторских и коллективных поэтических сборников. В мероприятии также приняли участие молодые авторы из Клуба молодых литераторов – Совета молодых литераторов Кубани под руководством Людмилы Мурашовой.

Несмотря на все санитарные ограничения, в зале свободных мест не было. Три часа звучали удивительно сильные, стилистически неповторимые при абсолютной классичности построения, мудрые и лиричные стихотворения Вячеслава Александровича, звучали песни на его стихи и посвящения. Конечно же, молодые внимательно слушали воспоминания друзей, коллег и тех, кому Динека помогал войти в литературу.

Хотя поэт ушел из жизни 30 апреля этого года, но, благодаря Первому литературному каналу Кубани и проекту "Видеолитература. Писатели Кубани – 21 век", Вячеслав Александрович с экрана сам, смущаясь, рассказывал о себе, взволнованно читал пронзительные строки, посвящённые любимой жене Светлане.

Выражая благодарность всем участникам памятной встречи, особо нужно выделить поэтессу и переводчицу Ольгу Сафронову, которая вместе с мужем Петром приехала из Таганрога, чтобы почтить память поэта и друга. Очень значимо то, что на открытии фестиваля "Цвет памяти" прозвучали молодые голоса – ведь Вячеслав Александрович, работая в семинарах, в жюри всероссийских и международных литературных конкурсов, буквально каждую строчку семинаристов и конкурсантов пропускал через своё сердце, сопровождал разбор начинающих авторов подробнейшим анализом. Спасибо вам, Алексей Ткаченко, Евгения Баксараева, Анна Пивоварова и Марна Сольвейг, решившимся впервые представить своё творчество взрослой аудитории.

Открытие Первого фестиваля "Цвет памяти" имени Вячеслава Динеки прошло при поддержке Литературного музея Кубани. Далее эстафету памятных мероприятий подхватят библиотеки Анапы и Тихорецка.

"ЗОЛОТАЯ РОЗА" В КУРГАНИНСКЕ

22 октября в Курганинске при участии Краснодарского регионального отделения Союза писателей России в 15-й раз прошёл литературно-художественный фестиваль "Золотая роза".

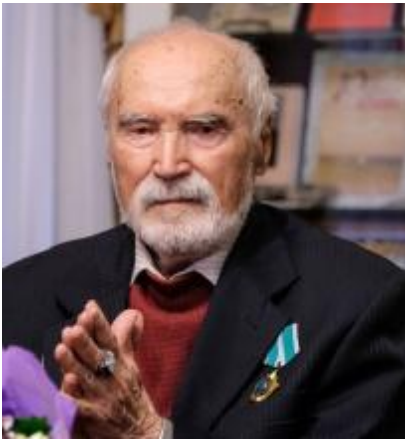
Его инициатором и организатором на протяжении 14 лет была Галина Александровна Кондакова, основатель и руководитель ЛИТО "Лель". В этом году фестиваль был посвящён её памяти. Галины Александровны не стало год назад. А фестиваль живёт! И значит, жива её мечта: снова собрались литераторы, снова звучали стихи и песни, выступали "лельцы", участники Литературной гостиной "С поэзией в душе". И, конечно, гости фестиваля, председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России С.Н. Макарова-Гриценко и член краснодарского ЛИТО "Верность" О.В. Новожилова.

Получился большой яркий праздник. Были представлены новые книги, а также выставка мастеров прикладного искусства. Новый руководитель ЛИТО "Лель" Татьяна Григорьевна Клинова поделилась планами работы на 2022 год.

Очень хочется верить, что традиция проведения фестиваля "Золотая роза" продолжится! Курганинск останется местом притяжения для литераторов Кубани и любителей поэзии.

В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ КУБАНИ**"МИР ЗЕМНОЙ КРАСОТЫ Л.М. ПАСЕНЮКА"**

(к 95-летию со дня рождения)

10 декабря 2021 года исполнилось 95 лет со дня рождения крупного советского, российского писателя, исследователя, путешественника, участника Великой Отечественной войны Леонида (Леонарда) Михайловича Пасенюка. К этой знаменательной дате Литературный музей Кубани подготовил выставку, названную "Мир земной красоты Л.М. Пасенюка". Писателю с уникальной судьбой были хорошо знакомы Северная Якутия (он искал там с геологами алмазы), вулканы Камчатки, почти все острова Курил, Командор и Врангеля, чукотское побережье Ледовитого океана.

Леонид (Леонард) Михайлович Пасенюк родился 10 декабря 1926 года в Житомирской области (Украина) в учительской семье. В канун Великой Отечественной войны окончил сельскую семилетку – и на этом завершилось его стационарное образование. 15-летним подростком он участвовал в Сталинградской битве, в дальнейшем –

в освобождении Донбасса и Крыма. В послевоенные годы был занят на строительстве стартовых площадок и полигона для запуска первых баллистических ракет на Капустином Яре. После демобилизации Л.М. Пасенюк работал токарем на Сталинградском тракторном заводе, рыбачил на Чёрном и Азовском морях, копал очистные каналы на нефтепромыслах Баку, работал на строительстве Краснодарской ТЭЦ. С 1955 года посвятил себя профессиональной писательской работе, через год был принят в Союз писателей СССР, был членом правления Литературного фонда.

Рассказы, очерки, повести Л.М. Пасенюка печатались в журналах "Огонёк", "Октябрь", "Москва", "Молодая гвардия", "Смена", в альманахах и сборниках "На суше и на море", "Бригантина", "Полярный круг", "Ветер странствий", "Писатель и время" и др.

В 1956 году Л.М. Пасенюк впервые побывал на Камчатке, через год в журнале "Огонёк" был опубликован его рассказ "Хозяйка Медвежьей реки", впоследствии экранизированный на Центральном телевидении. Первая книга, вышедшая в 1960 году в издательстве "Молодая гвардия", – путевые записки "Лёд и пламень", потом был роман о вулканологах "Спешите опалить крылья". Камчатка привела Леонида Пасенюка к увлечению фотосъёмкой. Но особое внимание и многолетний интерес вызвали у него Командорские острова, что подтверждается его многочисленными книгами и очерками, приведшими к тому, что один из мысов на этом острове к исходу XX века был назван картографами его именем. Командорам, этой замечательной океанической земле, посвящён и прекрасный фотоальбом – "Тихое чудо в океане – Командоры" – с фотографиями Леонида Михайловича, который, вместе с книгой "Власть и чары вулкана Толбачик", его ружьём для подводной охоты и образцом вулканической лавы, представлены в постоянной экспозиции Литературного музея Кубани.

К достижениям писателя-путешественника можно отнести фоторассказ о массиве волнистых, изначально очень жидких и текучих базальтовых лав так называемого гавайского типа, изверженных на Камчатке ещё тысячи лет назад (побывав на Гавайях, их воспел в одной из своих книг Марк Твен). Л.М. Пасенюк осуществил на свой страх и риск несколько походов к массиву вулкана Толбачик и запечатлел на цветной фотоплёнке фантазмагорию красок и курьёзов причудливо застывших лав, а в 2011 году издал фотоальбом "Красота и хаос древних лав Толбачика".

На Командорских островах Леонид Михайлович прожил в общей сложности 5 лет, совершил на маленькой шхуне "Геолог" трудное и увлекательное путешествие по островам Курильской гряды. Из 36 островов Курил он исходил с рюкзаком за плечами 24 острова.

Л.М. Пасенюк написал более 40 книг: "Цветные паруса", "Отряд ищет алмазы", "Нитка жемчуга", "Лёд и пламень", "Хозяйка Медвежьей реки", "Иду по Огненному кольцу", "Съешьте сердце кита", "Спешите опалить крылья", "Четверо на голом острове", "Люди, горы, небо", "Островок на тонкой ножке", "Глаз тайфуна", "Чай с моршшкой на берегу океана", "Берег скупого солнца", "На гарпуне кефаль!", "Путешествие на белой шхуне", "Белые ночи на реке Мамонтовой", "Власть и чары Толбачика", "Попытка жить почти как Хемингуэй", "Иду по Командорам", "В одиночку на острове Беринга", "Часы Джеймса Кука", "Русский зверобой в Америке", "Котлубань-42" и др. Книги и отдельные произведения Л.М. Пасенюка выходили за рубежом на чешском, польском, эстонском и английском языках.

Заслуги Л.М. Пасенюка, как участника Великой Отечественной войны, писателя, исследователя отмечены многими наградами: орденами Отечественной войны II степени, Дружбы; медалями "За оборону Сталинграда", "За победу над Германией" и др., премиями им. академика С.П. Крашенинни-

кова, доктора исторических наук Б.П. Полевого (Камчатка), юбилейной медалью Русского географического общества, Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Писатель являлся заслуженным работником культуры РФ, действительным членом Русского географического общества.

При жизни Л.М. Пасенюк, кроме помещённых в экспозицию музея предметов, также передал свои фотографии, книги с дарственными надписями, геологические образцы минералов и зоологические находки, сделанные в окрестностях Командорских островов (китовый ус, зубы кашалота, сивуча и косатки).

Литературный музей Кубани подготовил и провёл несколько юбилейных выставок писателя, последняя из которых состоялась в 2016 году, к его 90-летию юбилею. Все они вызвали большой интерес и самые положительные отзывы у посетителей музея, так как, кроме книг, рукописей, документов и других предметов, демонстрировали высокохудожественные авторские фотографии, знакомившие жителей нашего города и края с незнакомой им природой Камчатки, Курил, Командорских островов (вулканами, растительным и животным миром тех мест).

В честь 95-летнего юбилея крупного писателя, исследователя, путешественника, замечательного фотографа, ушедшего из жизни 26 мая 2018 года, музей подготовил новую выставку, для проведения которой большая часть материалов была передана его супругой Идой Никитичной и дочерью Татьяной. Посетители смогут увидеть более 60 фотографий Леонида Михайловича, его награды, природо-ведческие находки и другие экспонаты. Интересна экспозиция и тем, что она рассказывает о его замечательной семье, в том числе, сыне Сергее, самобытном художнике, отважном путешественнике, в одиночку на маленькой яхте пересекшем Берингово море. Дневник этого рискованного перехода впоследствии стал книгой "Соло через Берингово море", выпущенной в 2001 году. Судьба Сергея Пасенюка, живущего уже более пятидесяти лет на Командорах, не менее уникальна, чем судьба его отца. Помимо осмотра экспозиции, посетители услышат увлекательный рассказ о жизни и творчестве писателя и его семье.

"Я ТОЧНО ЗНАЮ, ЧТО НЕ БУДУ СТАРЫМ..."

(к 80-летию со дня рождения Валерия Горского)

28 ноября исполнилось бы 80 лет нашему земляку, одному из лучших лирических поэтов края Валерию Леонидовичу Горскому. Мечтатель, живший в воображаемом мире, так и не перешагнувший порог юности, он прожил короткую жизнь – неполные сорок шесть лет.

Стихи мои, они со мной шагали,
От хмурых будней нежно берегли.
Они меня от холода спасали.
От голода, наверно б, не смогли...

Я точно знаю, что не буду старым.
Я по земле пройду, как по весне.
Пусть будет мне бесценным гонораром,
Та молодость, что с нами и во мне.

Валерий Горский родился и вырос в Тихорецке, где познакомился и подружился с Александром Федорченко и Юрием Кузнецовым. Окончил историко-филологический факультет Краснодарского педагогического института, где сложился круг талантливых литераторов-единомышленников. Особенно близкими его друзьями стали Вадим Неподоба и Юрий Кузнецов, сохранившие память о нём до конца своих дней. После института Валерий Леонидович работал учителем в сельской школе, в газете "Комсомолец Кубани", в бюро пропаганды художественной литературы Краснодарской писательской организации. Заочно окончил Высшие литературные курсы при Московском литературном институте им. М. Горького. Его стихи публиковались в журналах "Смена", "Наш современник", альманахе "Кубань", коллективном сборнике "Мир молодой". При жизни самобытного поэта в свет вышли только две его книги: в 1967 году в Краснодаре – поэтический сборник "Бесконеч-

ность", через десять лет в московском издательстве "Молодая гвардия" – книга "Синий колокольчик". Мягкий, ранимый, застенчивый человек, неустроенный в бытовом плане, прошёл "по земле, как по весне", уйдя из жизни 21 мая 1987 года.

После смерти поэта, в 1989 году, увидела свет его последняя книга "Под небом восхода", предисловие к которой ("Слово о друге юности") написал Юрий Кузнецов. Заканчивалось оно такими строками: "Его стихи негромки и целомудренны. В них нет сильных страстей. Его степь без вихря, его море без бури, его небо без молнии и грома. Он любил тишину, тепло и свет. Поэтому в его стихах нет шума, холода и тьмы. Любимый его цвет – зелёный. Цвет жизни и надежды. Его тянуло не низкое, а высокое: "Взлетит над вечностью минута..."

Минута превыше вечности! Взлетела звездная минута его надежды и ушла в память о нём. Но да будет светла эта память!".

Юрий Кузнецов в 1973 году посвятил своему другу стихотворение "Только выйду на берег крутой...", а после смерти Валерия Горского – поэтический "Некролог" (1987):

Стихи Валерия Горского очень мелодичны, даром на многие из них геленджикским композитором Владимиром Шаблием написана музыка. Краевое телевидение совместно с фирмой "Атлант" из Санкт-Петербурга выпустило киноленту "Жил-был поэт" (режиссер Лев Солнцев). Посвящения Валерию Горскому создали поэты Кронид Обойщиков, Генрих Ужегов, Татьяна Соколова, Алексей Голдобин, Иван Даньков, Виктор Домбровский и другие, а Нелли Василинина в память о В. Горском написала целый цикл стихов (вот одно из этого цикла, "Памяти поэта Валерия Горского"):

Твой холм
На краю ненасытного поля.
Две цифры "тринадцать"
В табличке подряд:
Участок – тринадцать,
Тринадцатый ряд.
Как знак, под которым
Прошла твоя доля...
А рядом
Натужно гремит экскаватор –
Готовит кому-то
Сырую постель.
И слышен сквозь скрежет
Вдали коростель.
И плачет душа
Без вины виновато.

Мы хотим, чтобы наши читатели открыли для себя тонкого, лирического поэта Валерия Горского, и предлагаем вам одно из его стихотворений:

Подходит счастье,
Как курьерский поезд,
К весеннему перрону моему.
И я к чему-то новому готовлюсь,
Но ничего на свете не пойму.
Лишь прокляну
Сомненья и неверья
И вновь доверюсь песням и стихам.
Весь май поют
Зелёные деревья,
Крылами птиц махая облакам!
Как горы, годы встали за спиною,
И стали дали близкие тесны,
И захлестнут,
И скроют с головою
Поля, что до безумья зелены.

Старший научный сотрудник Литературного музея Кубани,
кандидат педагогических наук Н.В. Ламосова

НЕИЗВЕСТНЫМ СОЛДАТАМ ВЕРНУЛ ИМЕНА...

Сердце отказывается верить в случившееся. Вечером второго декабря 2021 года на 59-м году жизни перестало биться сердце нашего товарища, известного писателя Андрея Николаевича Пономарёва. Невосполнимая утрата для кубанской литературы...

Словно наяву, мы видим его – серьёзного, по-военному собранного и подтянутого, с умными тёмными глазами, энергичного, но внутренне сдержанного. Андрей Николаевич был талантливым прозаиком и настоящим советским офицером. В 1983 году, окончив Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко, он служил на различных воинских должностях во многих гарнизонах нашей страны и за рубежом. В 1997 году вернулся в родное училище на преподавательскую работу, был удостоен правительственных наград. Воевать Андрею не довелось, но всё-таки он имел полное

право сказать о себе: "Я знаю, что такое война". С 1988 по 2000 годы Пономарёв возглавлял военно-патриотическую группу "Поиск". За это время солдатами и офицерами его группы были преданы земле с отданием воинских почестей останки свыше 1300 бойцов и командиров Красной Армии, найдено около 250 их смертных медальонов.

Работа в "Поиске" дала будущему писателю бесценный материал для творчества. Первый рассказ Андрея Пономарёва "Звёздочка" был напечатан в газете "Литературная Кубань" в 2004 году. Немудрёная история о безымянном бойце, подарившем мальчику-сироте красноармейскую звёздочку, вызвала горячие отклики читателей. В тот же год Андрей Николаевич представил на краевом семинаре литераторов Кубани рукопись своего художественно-документального романа "Возвращение", получившую высокую оценку руководителей семинара. Городская администрация приняла решение о публикации этого романа, отметив его "документальную достоверность и яркую публицистическую направленность". В январе 2007 года на общем собрании краснодарской писательской организации Андрей Николаевич был принят в члены Союза писателей России.

Новая повесть "Тучи уходят с дождём" и военные рассказы Андрея Пономарёва вошли в сборник "Старый окоп", тепло встреченный не только читателями, но и многими маститыми писателями Кубани: Виктором Логиновым, Виталием Бакалдиным, Борисом Тумасовым. Лучшие его рассказы – "Исповедь", "Фронтовик", "Однофамильцы" и другие неоднократно публиковались в краевых газетах и журналах.

В своих произведениях Андрей Николаевич Пономарёв поведал нам о любви к Родине, о мужестве и доблести советских воинов-освободителей, о неразрывной связи поколений, заставил нас ощутить сопричастность с теми, кто отдал за нас свою жизнь.

Писатель ушёл от нас в расцвете творческих сил, не достигнув 60-летия. Но "ничто на земле не проходит бесследно"... По случайности, а быть может по высшему предопределению, случилось это как раз накануне Дня Неизвестного Солдата – того самого, которого воспел Андрей Пономарёв в своих патриотичных, духоподъемных произведениях.

Редакция журнала "Краснодар литературный", Краснодарское региональное отделение СП России, все кубанские писатели глубоко скорбят о безвременной кончине Андрея Николаевича Пономарёва и выражают искреннее соболезнование его родным и близким.

Вечная ему память!

Писатели Кубани

**УЧРЕЖДЕНА ЕЖЕГОДНАЯ ПРЕМИЯ ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ "КРАСНОДАР ЛИТЕРАТУРНЫЙ"****Лауреатами премии журнала за 2021 год стали:****Поэзия**

Сергей Зубарев за подборку стихов "Метаморфозы" – №1, март.

Генрих Ужегов за подборку стихов – №1, март.

Нина Орлова-Маркграф (Москва) за подборку стихов "В России, в Сибири – зима..." – № 3, сентябрь.

Проза

Ирина Иванченко за подборку рассказов – № 1, март.

Владимир Гаврилович (Гомель) за рассказ "Не ссорься с небесами" – № 2, июнь.

Виктор Логачёв (Донецк) за повесть "Звезда упала" – № 3, сентябрь.

Новые книги

Николай Ивеншев за книгу "Органика" (повести и рассказы) – № 1, март.

Геннадий Пошагаев за книгу "Найти себя" (повести и рассказы) – № 3, сентябрь.

Дмитрий Нестеренко за книгу "12 подвигов Маврика" (повесть) – № 3, сентябрь.

Имена и даты

Татьяна Немчинова за статью "Философия нравственности" – № 3, март.

Валерий Латынин (Москва) за очерк "Атаманская глава писателя Гария Немченко" – № 3, сентябрь.

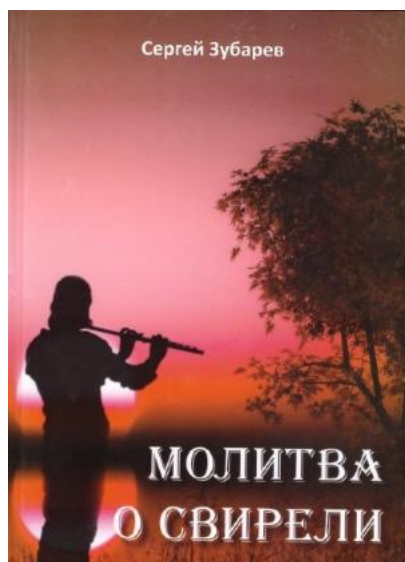
Память священна

Татьяна Штейник за статью "Поэтические посвящения Ивана Вараввы" – № 2, июнь.

Иван Бойко "Память людская хранит", №2, июнь.

Семейное чтение

Владимир Нестеренко за подборку стихов для детей "Дорожка" – № 3, сентябрь.

В поэтический сборник "Молитва о свирели" поэта Сергея Зубарева, члена Союза писателей России, лауреата премии им. Николая Гумилёва, вошли стихотворения последних лет. Автору удалось передать пульс времени, в его поэтических строках не только тревога и боль за происходящее вокруг, но и вера в то, что свет одолеет тьму.

В книге известного поэта и прозаика Григория Блехмана документальные повествования и стихи, написанные в разные годы. Писатель исследует истоки великого подвига фронтового поколения, пытается донести до нас ту высокую правду о Великой Отечественной войне, которая только и может стать опорой для нашей веры в будущее России.

В книге стихов кубанской поэтессы, отличника просвещения СССР, народного учителя Российской Федерации и члена Союза писателей России Светланы Афанасьевны Медведевой нашли своё отражение вечный поиск истины в постоянном противостоянии добра и зла, а также любовь к Родине и русскому языку.

Что может дать "древний остов материка" начинающему путь молодому читателю, открывающему "солнцу ставень", а также читателю опытному? Исторические знания с мифологическим звучанием подарит мини-книга "Становление", проникнутая глубоко народной мудростью, выражающей суть русского человека — "Я за добро плачу добром и становлюсь повыше ростом...".

Поэтический сборник белорусского поэта, Почётного члена Союза писателей Беларуси, Почётного гражданина Чечерского района Гомельской области, лауреата литературных премий Михася Болсуна издан в рамках международного проекта "Берега дружбы" в Таганроге. Кубанские переводчицы Ольга Немыкина, Лидия Железовская, Ольга Худякова, Надежда Никулина, Ольга Новожилова, Галина Тарасенко представили русскоязычным читателям стихи поэта, воспевающие просторы белорусского Полесья. И нельзя не отозваться на поэтические образы, нельзя не восхититься красотой земной и теплотой сердечной, с которой написаны и переведены стихотворения.

Книги Юрия Бирюкова "Чаша", "Ключи от неба", "Из чрева молчания" представили читателям стихотворения поэта в их тематической многогранности. В книге "Чаша" размышления о назначении поэта, его путь к обретению гармонии. "Ключи от неба" продолжают творческое исследование, здесь разговор идёт о женской сущности, красоте мира и его познании. В книге "Из чрева молчания" автор предлагает осмысление библейской истории и мифологии Древнего Египта и Древней Греции.

Сборник произведений участников народного молодёжного литературного объединения "Авангард", Анапа. Книга вышла из печати в ноябре 2021 года и стала итогом десятилетней работы объединения, творческого роста авторов, многочисленных публикаций и побед в литературных конкурсах и фестивалях.

"Авангард" удостоен почётного звания лучшего литературного объединения страны, присвоенного объединению Союзом писателей России, финансирование сборника также осуществлено Союзом писателей России. В книгу вошли проза Екатерины Годовых, Ирины Иваськовой, Сергея Кропотина, Дарьи Лакизы, Сергея Лёвина, Анны Ходотай, Алины Хомич, Ольги Хомич-Журавлёвой и Константина Чиганова, стихи Ильины Горковенко, Алины Евлюхиной, Татьяны Ефимовой, Натальи Ивановой, Марии Казаковцевой, Екатерины Меркурьевой и Михаила Янкилевича, а также публицистика Елены Сухановой и Дарьи Тоцкой.

Вступительные слова к изданию написаны заместителем председателя Правления – генеральным директором Союза писателей России Василием Дворцовым и председателем Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главным редактором журнала "Краснодар литературный", заслуженным деятелем искусств Кубани Светланой Макаровой.

К 95-ЛЕТИЮ БОРИСА ТУМАСОВА

В неполных семнадцать лет ушёл на фронт Боря Тумасов, мальчишка из станицы Уманской... Наравне со взрослыми бойцами пришлось ему испить всю горькую чашу военных испытаний. Когда, истекая кровью, он лежал на койке в полевой медицинской палатке, до его слуха донеслись слова врачей: "Вряд ли этот парень выживет...". Но он выжил! И впоследствии написал книгу "За порогом – юность" о погибших друзьях-одноклассниках. Словно живые, они сошли к нам со страниц его книги и вновь стали говорить, смеяться, мечтать...

Он всё выдержал, всё преодолел. Стал профессором Краснодарского технологического университета, читал лекции по истории, которые до сих пор с теплотой вспоминают его бывшие студенты. А его многочисленные читатели помнят Бориса Евгеньевича как выдающегося писателя, открывшего им "землю неизвестную" – великий, загадочный и прекрасный мир истории нашей Родины... Тумасов был одним из самых востребованных писателей своего времени. Общий тираж его книг составляет шесть миллионов экземпляров!

Междоусобные распри русских князей, Смута, воцарение Лжедмитрия, подвиг Минина и Пожарского, восстание Ивана Болотникова... Захватывающие сюжеты романов Бориса Тумасова написаны самой историей. Когда писателя спрашивали, откуда ему всё известно, он отвечал с улыбкой: "Всё очень просто. Я жил в то время...".

Но в последние годы жизни память всё чаще уносила его в родную станицу Уманскую, в отчий дом, к ровесникам, не вернувшимся с войны. Уже будучи тяжело больным, Борис Евгеньевич начал писать новую повесть о своей молодости, которая так и осталась незавершённой. Отрывок из неё мы публикуем сегодня.

Борис Тумасов

ТАМ БЫЛА МОЛОДОСТЬ

Как быстро уходят годы... Будто вчера была юность, молодые лета, и вот уже только воспоминания о них. Годы мои юные, опалённые войной! Война унесла три десятка миллионов жизней, война унесла и дорогих моему сердцу товарищей, моих друзей. В моей памяти они остались мальчишками, подростками. О ней, о нашей молодости это малое повествование.

* * *

На рассвете порожний товарняк, обогнув станцию Атамановскую, медленно миновал переезд, насыпь и туннель, выложенный булыжником. Помню, как сюда, на экскурсию, приводили нас, учеников начальных классов, и мы отыскивали у ручья сланец. Здесь по весне было поле из мелкой травы и первых цветов.

Лязгнув буферами, поезд выполз на станцию Уманскую. Позади остался прогнивший пакгауз, красного кирпича здание вокзала. Приземистое, крытое черепицей. Перрон и дорожки, усыпанные ракушечником, на лавке бачок, на цепочке кружка. Медный колокол у вокзала, в какой начальник станции в красной фуражке ударял дважды: один раз встречая поезд, другой – провожая.

Но так бывало до войны. В военную пору пассажирский поезд не ходил.

Товарняк шёл в Ейск, а по каким надобностям, мне было неизвестно. Поезд остановился на моей станции, куда я добирался долгих девять суток! Добирался из далёкого Берлина.

Я выскочил из порожняка и замер. Передо мной станица. Три фронтовых года я не был на родине, в моей Уманской.

Сердце застучало, а память унесла в ту далёкую пору. Здесь прошли мои детство и юность.

На высокое, чистое небо всходило солнце. Лучами оно разбежалось по станции, коснулось вокзала, высоких тополей, пробежало по двум пустым полкам станционного базарчика, краем коснулось почтовой телеги и деревянного багажного отделения, редких людей на вокзале.

Станица моя Уманская, моя малая родина. Я стою у вокзала, на перроне и взошедшее солнце тепло греет. Утро бросило меня в далёкое детство, я спозаранку выскакивал во двор и подставлял спину солнцу.

Бабушка топила уличную печку, что-то готовила. Но что? Может, варила борщ с рыбой? Но нет. Меня бы она позвала, чтоб я съел головы от карасей. А может, варила картошку, и тогда отец уже отправился на базар, чтоб купить ржавого сазана, и у нас будет завтрак с рыбой.

Но нет, отец ещё не вернулся с фронта. Он ушёл туда в начале войны.

На вокзале я снова осмотрелся. Бачок с питьевой водой, тополя, пустые полки... В стороне барак, для станционных рабочих. Когда-то здесь жил мой школьный товарищ, талантливый художник Андрей.

Сейчас я пойду домой в родную станицу, с которой меня разлучила фронтовая судьба...

Как пойду? Каким путем? Если направо, то миную элеватор и взорванный арсенал, но если другой дорогой? Она с полверсты от станицы. Там начиналось поле пшеницы. Тяжёлый колос гнулся к земле. Колос ждал своих косарей. И я вспомнил, как окрепли колхозы, а перед войной собрали столько зерна, что не знали, где его хранить.

Но всему этому предшествовали трудные, порой тяжёлые годы. Сейчас я пойду по этой улице, хоженной в юности много раз, где хаты под камышом, мимо редких домишек под черепицей или железом, где давно уже нет заборов...

Но сады! Яблоневого, вишнёвого, слива и алыча... Люблю цвет садов и запахи. Как давно это было? Три тяжких года не видел я всего этого...

Я закинул вещмешок за спину, сказал сам себе: сейчас я пойду по этой много раз хоженной улице мимо хатёнок и домишек, мимо разрушенных сараев, мимо сыроваренного завода и ветлечебницы. Помню, как в первый военный год мы ходили в очередь за сывороткой к тому сырзаводу, и она была мне слаще молока...

Улица выведет меня на станичную площадь, где прежде стояла дряхлая деревянная церковь из прелых досок. Церковку давно развалили. Моя старая площадь, она памятна мне. Здесь был маленький обелиск партизану, некогда героически погибшему. Но кто он, этот партизан, кем поставлен маленький обелиск, обмызганный, каменный...

Позже на этой площади красноармейцы кавалерийского полка устраивали скачки, джигитовку, рубку лозы. Так бойцов готовили к будущим лихим боям...

Жизнь моя, родина моя любимая! Станица степная, но для нас её сады, воинский лагерь и дубовая роща со множеством вороньих гнёзд, галочным граем и фанерными домишками, где в летнюю пору селились семьи донского полка из станицы Пролетарской, позволяло нам считать станицу самой приглядной и красивой...

Об этой удивительной станице и моё малое повествование. Она, Уманская, всегда предмет моего душевного беспокойства. Сейчас, сойдя с поезда, я увижу станицу глазами моего детства и юности. Здесь, в этой станице, рождались первые колхозы, подчас силой, под угрозой раскулачивания, здесь я пережил голод и террор...

Но об этом по порядку, по ступенькам, по годам...

На перроне, откуда мне было знать, какой будет моя жизнь? К ответу я не был готов. Но к нему я пришёл очень скоро, спросив себя: где мои школьные годы, где те элементарные знания, каким меня пытались обучить мои прекрасные учителя? Вероятно, я был нерадивым учеником...

Паровоз, пыхтя и пуская пары, лязгая буферами, потянул пустой состав. Застучали колеса на стыках.

Я посмотрел ему вслед, но мысль была одна: передо мной моя станица, где я не был долгих три года. Чем она встретит меня?

Вернулся домой неожиданно, уходил здоровым, а теперь инвалид. Но я должен жить, ибо мне надлежало выполнить заветы моих погибших товарищей... Пусть не все, пусть хотя бы часть того, что они могли сделать, оставшись живыми... Когда я уходил на фронт, я не мог даже подумать, что уготовано судьбой моим товарищам, какие погибнут в суровых боях...

Я видел станицу и спрашивал: "Станица моя, отчего ты так запустела? Ужели сказались военные годы? Поросла травами, повалились заборы, не стало той красоты, какая покоряла меня в детстве".

Я шёл улицей, и редких встречных мне уже не узнать. Но я люблю свою станицу, люблю её трудолюбивый народ, какой всегда холил землю, а она платила ему...

Я шёл разорённой улицей, и жизнь моя проносилась вспышками. Как вернуть её? Как вернуться к тем юным годам? Но я знал, жизнь не воротить...

Сейчас я выйду на пустынную площадь, поросшую бурьяном. Увижу остов старого разрушенного здания Ейского отдела, развалины которого служили местом сборищ озорных мальчишек.

Вспомнилось, как из этого Ейского отдела мы, новобранцы, уходили на фронт. К тому времени здание было наспех восстановлено.

Наискось от развалин здания стоит начальная школа, в какую меня привели мои родители. Я и сейчас добром вспоминаю моих учителей, мою незабвенную любимую Марию Агеевну Лапшину. Она зримо стоит передо мной.

На площадь выходило и здание Дома офицеров, куда по вечерам сходились парни и девчата и под звуки баяна, иногда духового оркестра, танцевали...

Эта наша главная площадь. Но если пойти мимо бани, через мосток, то окажемся на второй площади, где школа, а на площади совершались все революционные праздничные мероприятия. Мы шагали школами, организации – колоннами, с транспарантами. Играл оркестр, проходили колхозы, их колёсные тракторы тянули комбайны с лозунгами-призывами "За стопудовый урожай!".

А с трибуны демонстрантов приветствовали руководители района. Они стояли на деревянном помосте-трибуне, что-то кричали и махали руками...

От площади, дальше, правления первых колхозов. Но не о них речь. Тем более, дальше за колхозами уже шла степь. Рассказывали, что на краю станицы колхозы ставили армейские палатки, где организовывали пионерский лагерь, на зависть всем станичным мальчишкам.

Мысленно я медленно проходил, минуя сыроварню, ветлечебницу, дом Осовиахима, мою начальную школу, развалины казачьего Ейского отдела. Вышел к Дому офицеров и спустился к центру, к зданию партпроса, где обучались председатели колхозов, работники первичных партийных организаций, актив, вчерашние малограмотные, кого жизнь выдвинула в лидеры района, кому суждено было строить новую станичную жизнь...

По левой стороне улицы будет просторный двор правления инвалидов, их мастерские, холодильная яма, куда зимой свозили глыбы льда и прикрывали жмыхом или соломой, чтоб сохранить лёд до лета...

На этой улице я мысленно видел кинотеатр "Горн", где шли кинофильмы: "Чапаев", "Путёвка в жизнь", "Мы из Кронштадта" и другие. Их крутили месяцами. На сеансы являлись колоннами, трудящиеся пели под гармошку или баян, несли кумачовые транспаранты. Говорливые, весёлые. Экая жизнь, радость! Откуда им было знать, какая жестокая судьба им уготована в недалёком будущем...

И снова мои воспоминания. Они навалились на меня, захлестнули...

Если спуститься вниз от Дома офицеров, попадём в самый центр станицы, где стоит та самая школа партпроса.

Напротив – мозг и центр станицы – райком партии, к райкому прилепился большой парк, где дорожки усыпаны ракушечником и стоял никогда не работающий фонтан, а в центре парка деревянный помост для духового оркестра.

Станица моя любимая, я помню каждый дом, каждую улицу и людей, людей станицы. Где в центре красивый, каменный собор, его каменная паперть, а обочь собора – могилы и склепы наших предков, к огорчению, редко вспоминаемых. Церковь и склепы с могилами обнесены кованым ограждением. Оно охватывает весь квартал.

Против собора – школа, главная средняя школа, куда я перешёл из начальной. Я запомнил всех моих учителей, даже их привычки...

Рядом со школой был банк и школьный клуб. С тем клубом связано много горького. Но об этом позже.

На этой улице, по дороге к банку – педучилище. Двухэтажное здание, а к нему вела обсаженная туями аллея. В войну здесь находился госпиталь, а педучилище перевели в одно из зданий школы.

Почему я вздумал перейти из школы в педучилище? Да чтобы избежать алгебры и иностранного языка. Первый курс педучилища я с трудом одолел. Но музыка, игра на скрипке, мне давалась с трудом. Не потому ли учитель бил меня смычком по голове и кричал: "Куда тянешь?".

Выше от педучилища – станичный базар, магазины, галантерейный и универмаг, книжный и база райпотребсоюза.

Левее от базара – поликлиника и мельница, где всегда стучал моторчик и тускло горела лампочка, стояли телеги с привозом и всё было забелено мучной пылью. За базаром – заброшенное кладбище, поросшее синим ирисом, амбары и неполная средняя школа. Отсюда тянулась дорога через станицу, по которой наша длинная колонна призывников уходила из станицы в военную неизвестность.

Родина моя милая, близкая сердцу! Я мысленно шагаю по главной улице мимо общежития педучилища, турлучного здания, к Кущёвскому мосту, где стояла хата моего деда по матери, и где я родился. Луг у дамбы. Здесь, помню, стояли цыганские шатры, и в первый военный год луг заминировали. Скот, попадавший на минное поле, гиб от разрывов мин.

От моста, в стороне, омут, где в прежние, давние лета находилась водяная мельница и шлёпало лопастями водяное колесо... Всё, всё помнится: и коллективизация, и первые нищие колхозы. Через голод и террор поднималась моя станица с колен...

Голод! Я вспомнил об этом, ибо прошёл через него. То был 32-й – 33-й год. От хаты к хате переходили оперативные отряды, щупали землю и скирды, забирали зерно и всё продовольствие, оставляя семьи голодными. Урожай же на полях был крайне малый, да его забирали, чтобы продать в Европе и купить станки и оборудование для новостроек. Начинался голод и мор. Мёртвые валялись на дорогах и в оврагах. Люди пухли от голода.

Морозный ветер мёл по земле. От хаты к хате ходила смерть. По лютой позёмке, снегу и морозу подъезжали подводы, арбы, из хат выводили женщин и детей, сажали на телеги и увозили на вокзал, чтобы загнать в заиндевшие скотские вагоны и увезти на север или степи Казахстана. Многие ссыльные приняли там свою смерть...

Станица на "чёрной доске", ни въезда, ни выезда. Давно свели лошадей и скот в маломощные колхозы, кони истощённые, ревут недоенные коровы.

Помню, как забрали мою бабушку за то, что она посмела испечь в кружке пасху из отрубей. "Где взяла ты отруби?", – спрашивали её...

Станица моя любимая. Я не забыл, как явились из ОГПУ и забрали моего отца, выгребли всё, что у нас было. За что арестовали отца? Кем он был? Сапожником! Его обвинили в саботаже, как написали в его "деле".

А мне было в ту пору пять лет. Голод и нищета навалились на нашу семью. Мать послала меня в сарай. Я наскрёб из ящика, где прежде была мука, маленькую тарелочку, отыскал несколько завалявшихся картофелин. Мать испекла лепёшек, и мы, взявшись за лямки, потянули санки.

За те голодные годы, мы, лишившиеся отца, сменили шесть квартир. Бывало, мать променяет чего-нибудь, принесёт кринку заквашенного молока и кусок кукурузного хлеба, разделит между нами. Я и сегодня помню вкус того кукурузного хлеба.

В тридцатые годы наш родственник, парень, вёз на поле посевное зерно. Оно было травленное, но голодный парень съел горсть и умер от отравы.

Из комнатного окна квартиры, где мы жили, я каждый день видел проезжавшие дроги с мертвецами. Их собирали по станице, везли в вырытую кладбищенскую яму и сбрасывали в неё...

Так мы строили социализм, так строили мы светлое будущее...

В станицу завезли из центральных губерний переселенцев. Они занимали лучшие пустые хаты. Станица разрушилась, запустела. Она на "чёрной доске".

Помню, как в первый послеголодный год намерились в нашей начальной школе сварить кабачную кашу и накормить учеников. Нас, несколько мальчишек, послали в колхоз, чтобы отпустили немного сливок. Мы ходили за теми сливками. Ходили далеко в бригаду, но нам их так и не дали. А есть-то хотелось!

Из окна моего класса виделся земляной холм, поросший травой. Говорят, когда отряды красного комдива Жлобы ворвались в станицу, командир второго Уманского полка с семьёй отбивались ожесточённо от жлобинцев и не сдались, сгорели в своём доме. Гражданская война, мужество, вера в свою правду... А она, правда, у одних была горестью жития, у других – потерей Родины, родной земли. Но в ранней юности это мне понять было не суждено...

Кем мы хотели стать, когда вырастем? Помню, как повели наш класс в районную газету на экскурсию. Редактор провёл опрос, кем вы хотите быть?

Вручную текст набрали и дали нам листы: (Кем вы хотите стать). Мальчишки и девчонки, у всех один ответ: врач, учитель, летчик, инженер...

Ну, а какие еще специальности нам мерещились?

Жаль листок этот у меня исчез. А перечитать его забавно.

А как мне забыть то давнее время, когда дедушка брал меня на поиски его лошадей. Мы находили их за рекой. Дед сажал меня верхом, бил коня хворостинкой, и он возил меня по камышам, балке, а

я, уцепившись за гриву, единственно чего боялся, когда конь привозил меня и, нагибаясь, пил воду из колоды. Упаси Бог мне упасть через гриву!

Тихая наша речка Сосыка. Она поросла камышом и кугой. А за дамбой, по течению, в кушире и водорослях водились раки и рыба.

По майскому теплу мы открывали купание.

Станица, любовь моя! Помню, как Осовиахим в летнем парке построил деревянный тир. В нём из воздушного ружья "расстреливали" движущиеся фигурки. Как мы завидовали нашему однокласснику, мать которого продавала пульки...

А в год террора через станицу, из милицейских подвалов, вели под конвоем арестованных. Вели большими партиями. Вели на вокзал, чтоб отправить Бог знает куда...

Добрались в станице и до святого. Рушили кирпичный собор, что рядом с нашей школой, сбрасывали колокола. Они бухали о землю, плакали. Выли и собравшиеся вокруг них женщины. Кирпич и щебёнку везли телегами, пытались засыпать улицу Красную, сделать её "мощёной". Но в грязь, в дожди, щебёнка забилась, смешалась в лужах, исчезла, утонула.

Вот такая закавыка!

С разрухи поднималась моя станица, с нуля начинала строиться

Медленно оживали колхозы. Появились первые тракторы и комбайны, а позже – и редкие грузовики. Создали машинно-тракторную станцию, но вскоре её директора арестовали и расстреляли. Но за что?

Находилась в станице школа механизации, где проходили обучение первые трактористы и комбайнёры. Обучались в ней и будущая знатная трактористка Прасковья Ковардак, и известный комбайнёр Константин Борин. После войны он получил Героя труда, стал учёным и работал в Тимирязевской академии.

Позже мне доведётся видеться с этим замечательным тружеником.

Основали в районе первые свиносовхозы... Но время приближалось к грозным военным годам... Расширялось наше государство, росло число союзных республик...

Но наше гордое мальчишеское "я" было выше всего этого грозного лихолетья. Мы жили беспечно, знали непобедимую нашу страну, нашу доблестную Красную Армию и пели: "Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!".

И ещё вспомнилось, что книги были моей страстью. Я брал в библиотеке их стопками, читал днями и ночами и жил судьбами героев книг.

На пустыре, где стоял каменный собор, разрушенный по указаниям свыше, рядом со школой находился банк. Во второй половине этого здания – школьный клуб. В период оккупации гестапо приспособило клуб для расстрелов. Через проём в стене заезжали их машины, и под рёв моторов гестаповцы и наши полицаи вели расстрел.

Я помню, как после изгнания оккупантов раскапывали зарытых казнённых. Среди них был и завуч школы, Глеб Григорьевич. Руки его были скручены проволокой...

Но то было после оккупации. А что же перед войной?.. Перед войной была наша безмятежная юность. Мы, мальчишки, не ведали, какая гроза нависла над страной! Красная Армия освободила западную Украину и западную Белоруссию, затем Прибалтику, вступила в Молдавию и Бессарабию, вела войну в Финляндии. От нас скрывали горькую правду, какой ценой шла Финская кампания...

Мы кричали "Ура!" и орали "Ни пяди родной земли не отдадим!", торжествуя победы Красной Армии, отразившей атаки на Халхин-Голе.

После тех побед над самураями мой друг, рыжий Жека, пел: "На Дальнем Востоке акула охотой была занята, злодейка-акула дерзнула напасть на соседа кита!".

Жека был рыжий, носил фуражку войск НКВД, и никто из нас не знал, как она оказалась на рыже-белобрысой его голове... Но это не мешало нам горланить: "На Хасане, на Хасане наломали им бока...".

За станицей стояла воинская часть. "Могучие" фанерные "ишачки", обтянутые дерматином, И-16 и У-2, военные двукрылые "кукурузники" – самолёты, а в воинском лагере воинская часть, где пулёмётные тачанки и конники с саблями были в нашем представлении самой грозной силой.

Мы, мальчишки предвоенных лет, жили, одурманенные силой советского оружия и её победами. Нам не страшны были ни самураи, ни фашисты. Мы будем бить их на чужой земле!

Однажды я даже летал на самолёте У-2. Прилетел в станицу "кукурузник" и за определённую сумму катал желающих. Вот и мне родители выделили деньги, и я поднимался в воздух.

Была станица и была её жизнь. Суровая, безжалостная, но нам непонятная. Воспоминания о той жизни возвращают меня в мою молодость, в дни, когда я бегал по её улицам, ходил на речку ловить

раков, где моим честным учителем был рыжий Жека. Он заходил за мной ещё на рассвете, орал, вызывая, а его пёс Джим, стриженный под львенка, заливисто лаял.

Жека заикался, но пел он без заикания. И мы шли или на реку, или в рощу. По дороге к нам присоединился Иван.

Но я запомнил тот день, когда Жека прибежал ко мне, сияющий, и закричал:

– Смотри! Мне дали наган и коня! Меня взяли в противотанковую батарею!

То был первый год войны. Наши отступали... Жека погиб в первом бою. И было ему в ту пору пятнадцать лет...

Моя станица! Я помню её ещё в предвоенные годы, когда мы гурьбой ходили в рощу, жгли костёр, Ваня полез драть вороньи гнезда. Вороньё стаями налетело на него, и он кубарем скатился с дерева...

Ваня погиб в семнадцать лет. Он сгорел в танке, направив горящий, как факел, танк на немецкий окоп...

Станица моя незабвенная! Школа, медучилище – госпиталь для раненых, гармошка и голосистые "страдания". Двор военкомата, засыпанный яичной скорлупой, плач и завывания провожавших на фронт. Знали, навеки прощаются. Была война лютая и беспощадная. Немногие, да и те калеками вернулись с фронта...

Моя родная Уманская! Господи, какие беды поджидали её, мою страну, и какие унижительные документы подписывались, унижительные пакты...

Но была и довоенная станица. Шли уроки в школе, когда землю вокруг сотрясли рухнувшие со звонницы многопудовые колокола. Падая и ударяясь о землю, они ревели и плакали. А может, то рыдали толпы женщин, окружившие собор, когда мужики кирками и ломami крошили кирпич и били стёкла собора? Вероятно, так проводили в народе антирелигиозную пропаганду, безбожную...

Но мы так и не уразумели, зачем разрывали могилы вокруг собора, снимали двери склепов. Не доходило до нас, что то были могилы наших предков...

В те далекие предвоенные годы мы, мальчишки, толпой бежали за телегой мороженщика, кричавшего: "Аба, аба, мороженое!". У кинотеатра "Горн" толпился народ. Аляпистые картины, рисованные местным художником, вешали о кино, какому суждено будет прожить месяцы на станичном экране.

Коновязь и шарабаны у райкома. Колонна машин и телег с зерном у элеватора...

Споры до хрипоты на уроках, что главнее на войне – танки или пулемётные тачанки? Из песни: "Красный маршал Ворошилов, погляди на казачьи богатырские полки"...

Но вскоре наступило время, когда вражеские танки давили и расстреливали наши конные полки, железными клиньями врезались в Родину.

Настал день, когда исчезли с прилавков соль и сахар, продавали хлеб по карточкам, и один гражданин в очереди сказал запомнившиеся мне слова:

– Хлеб наш насущный, мы тебя едим, а ты нас!

Наступило время выдачи продуктов по талонам.

Родная моя Уманская! Не забыть, как покидали станицу воинские части. С нашего пристаничного аэродрома улетали "ишачки". Пронеслись стайкой и не стало. Видно, разбились или сгорели в первых схватках. Покидали станицу и воинские части. Они отправились куда-то в Белоруссию или на Украину, в те округа...

Моя предвоенная станица. Вечерами были ещё танцы в станичных домах культуры и в парке, где дорожки усыпаны песком с ракушечником. Временами раздавалась музыка духового оркестра, голосистого баяна.

Ещё не началась жестокая война, а мы, мальчишки, уже "воевали". Выпиленные из досок наганы, сабли из обручей были "грозным" оружием. Бились "насмерть", отряд на отряд. И нашими "врагами" были парни из соседних улиц...

А на западных границах уже копились силы, проверялись моторы танковых громад, летчики одевали шлемы, обсуждая, на какой город или объект они сбросят свой смертоносный груз, а миллионные армии готовились к победному маршу.

Откуда было знать мальчишкам нашего класса, что многие из них погибнут, защищая свою Родину. В классе было много красивых девчонок, но я ни в одну не влюбился. Видно, ещё не созрел для этого. Но для войны я созрел.

Мне не забыть моего друга, рыжего Жеку, который учил меня ловить раков и делить их честно: "Это моё, то твоё"...

А вот другой вечер. Это уже в первый военный год. Мы провожали на поезд моего друга, длинного Женю. Он уезжал в далёкий Ереван, в училище, чтобы, окончив его, попасть на Сандомирский плацдарм и там остаться навеки...

Но сейчас Женя висел на подножке вагона и кричал: "Я вернусь, и мы ходим в степь за воронцами!".

А на вокзале стоял спаренный пулемет и грозно смотрел в небо...

Но пока не рвались снаряды и бомбы, не свистели пули, и грозная война не докатилась до станицы, мы, мальчишки, делали бомбочки из ворованного пороха и швыряли их в балке...

Стада! Их гонят через пыльную станицу из прифронтовых колхозов. Мычат коровы, оставшиеся без дойки. Блеют овцы. Пыль и крики. Коровы заходят на минное поле, взрываются, гибнут.

И всё это угоняют из фронтовых областей. А они уже захватили Прибалтику, огромную часть Украины и Белоруссии.

В первые дни войны уходил из станицы на фронт кавалерийский полк из переменного состава. Все как на подбор: и люди, и кони. Что обмундирование, что оружие: сабли и винтовки, пулемётные тачанки и пулемёты "максимы".

Ушли и как в воду канули. А было там более тысячи бойцов. Мясо для войны...

Часто через станицу на Кавказ пролетали "хенкели". Они шли на нефтяные районы. Высоко летали, моторы с подвыванием. Но иногда пролетали и наши ТБ – тяжёлые бомбардировщики. Медленно и низко летели, хоть палкой или рогаткой их сбивай...

Моя Уманская. Станица казаков первого и второго Уманских казачьих полков. Но это было давно, ещё до революции, расколовшей станицу...

Я же помню сарай с красными воротами, где размещалась пожарная команда. Но чаще пожарные рассаживались у ворот на лавках и дули в медные трубы...

Во дворе пожарной стояла тюрьма с забелёнными окнами. А когда её снесли, заключённых держали в милицеских подвалах. Оттуда их гнали этапом на вокзал, мимо собора и школы.

В малом кирпичном помещении были школьные учебные мастерские, где проходили классные уроки столярного дела. Позже здесь размещался авиакружок, где старшеклассники строили из бамбуковых реек авиамодели. А однажды они смастерили летающего змея. Он поднялся в небо, пока хватило шпаклята.

Родина, любовь моя. Это может сказать каждый, ибо нет милее края, где родился и прожил юность. Знаете ли вы, чем пахнут грибы шампиньоны – печерица, выросшая на полигоне? Мне этого не забыть. Или яблоневый дух, или цвет вишни, какая обычно росла в нашей станице...

Где-то на Украине я оказался в яблоневом саду. Дух был такой густой, что валил с ног. Забылись даже недавние бои...

Далёкое детство. И оно в памяти. Цыганские шатры, костры цыганские. И рассказы моей бабушки о бандах, гулявших на тачанках по степным хуторам и станицам. А днями бандиты становились мирными, пахали землю, ждали темноты...

Вспомнилось мне то утро, когда я бежал улицей, и мать мне крикнула: "Куда?". Не успел ответить, как велосипедист ударил рулём мне в зубы. Но и со щербинкой я так и побежал к товарищу.

Не помню, за какие заслуги мне купили велосипед и фотоаппарат "Фотокор". Это были замечательные подарки, но, едва началась война, как их пришлось отдать за долги.

А вот как осуществлялась электрификация станицы. С вечера начинала давать ток электростанция. На всю станицу стучал мотор, включался движок, а свет был едва-едва. Светилась опломбированная лампочка. Отец, сапожничая за верстаком, зажигал ещё керосиновую семилинейную лампу, чтоб было ярче. Свет горел до одиннадцати, потом лампочка тускнела, "предупреждала", наконец гасла до утра. Электростанция переставала стучать. А рядом с электростанцией маслозавод, здесь всегда пахло жареными семечками и макухой, нашим любимым лакомством.

У нас в школе учился сын местного священника. Отца его расстреляли, но, когда началась война, сын оказался на крупном крейсере. Он вырос до комиссара, но почему он должен был скрывать своё происхождение? Боже, сколько же пришло в партию честных, открытых людей! Но после войны партия обросла балластом, карьеристами...

Родина, малая родина. Как забыть её, искалеченную, но поднявшуюся с колен... Помню праздничные демонстрации и новогоднюю елку. Первую, разрешённую. А с каким нетерпением ждали мы выступления товарища Сталина. Все льнули к висаящим на стенах тарелкам. Но они молчали. А может, товарищ Сталин так ничего и не сказал?

Нам ли было до отца народов, когда в соседнем дворе уже собиралась наша "воинская" команда? Война настойчиво стучала в нашу дверь, но мы, мальчишки, к ней готовы. "Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!", – оралы мы в мальчишеские глотки.

У нас в станице организовали Дворец пионеров. Вот это событие! Во Дворце пионеров шашки и шахматы, любимые книги о пограничнике Никите Карацупе, "Остров Сокровищ" и другие.

Станица Уманская. В воинских лагерях между деревьями строгий порядок красноармейских палаток, дорожки, конюшны и кони, один другого лучше. А в стороне хоздвор, брички, сено в тюках, рабочие кони. Огибает лагерь речку, неподалеку бойня. Здесь множество раков. Иногда нам удаётся выпросить лошадей, которых мы купаем и чистим с удовольствием.

Здесь же неподалеку полигон, где красноармейцы учатся верховой езде, скачке, рубке лозы. Мы, мальчишки, диву даёмся. Вот это бойцы, вот она, Красная Армия, сильнее всех на свете! Кому победить её?

Под станицей на полигоне стоит планер Осовиахима. Планеристы, парни и девчата в шлемах из кусочков кожи, летают поочередно. Один из них садится в кабину, другие дружно растягивают резиновый трос. Планер срывается с крючка, иногда взлетает, но чаще планер зарывается в землю носом. Планерист сконфуженно вылезает, уступает место товарищу.

Но вот как я уходил в армию, помнится смутно. В ту холодную, дождливую ночь, когда рассылный из военкомата принёс мне повестку, мать собрала в мешок продукты: хлеб ячменный, варёную картошку, кусок сала, варёные яйца, соль...

Тогда-то я навсегда взял память о ней, о моей станице... Сейчас я пройду мимо здания Осовиахима, где нас обучали перед призывом. Мы маршировали строем, познавали владение оружием, приёмами: длинным коли, коротким отбей...

В ночь перед уходом на фронт мы спали в отстроенном здании Ейского отдела. А накануне нас обследовала медицинская комиссия. Врачи за общим столом, мы, призывники, подходим поочередно. Врачи спрашивают: "Здоров? Здоров! Следующий!". Один парнишка на глаза пожаловался. Ему говорят: "Вон в углу окулист". Паренёк подходит к врачу. Тот ему показывает палец.

– Видишь?

– Вижу.

Врач хлопает парня по плечу:

– Годен!

Мне шестнадцать, но я говорю, здоров, чтобы уйти на фронт с товарищами...

И теперь, три года спустя, я припомнил, как меня инвалидом возили в Армавир.

Врачи говорили:

– Зачем привезли? Ему жить осталось неделю!

Но я выжил.

Теперь, у вокзала, мне вспомнился холодный мартовский вечер, когда наша длинная колонна покинула станицу. Скрипели колеса телеги, где везли "сидоры" – мешки с едой. Мы, призывники, шли всю ночь. А когда явились в соседнюю станицу, нам сообщили, что состав для погрузки стоит в другой станице. И мы снова пошли...

Ночная станица. Налетели "хенкели". Свист бомб и разрывы. Гудят паровозы. Эшелон с ранеными паровоз, пыхтя, вытянул за семафор. Но бомбы рвутся, и им не до раненых...

Утром пути восстанавливают. Мы грузимся в теплушки, и наш состав трогается. Под стук колёс нас повезли, но куда? Кто-то говорил: в пехотное училище! Но колёса говорили своё.

Станица, боль моя! Мне ль забыть то утро, когда немцы вступали в станицу. Горел элеватор, рвались снаряды в арсенале. А люди бежали на элеватор, чтобы нагрести хотя бы полведра прокопчённого дымом зерна.

В станицу вошла их разведка, солдаты двигались цепочкой, прижимаясь к заборам. Потом двинулась техника, солдаты на машинах, мотоциклах, в зелёных мундирах, в прорезиненных плащах...

Они заняли станицу в первые августовские дни, хозяйские крики огласили улицы: "Матка, млеко, матка, яйки..."

Жарили на сковородах, на кострах в котелках кипело масло, тушили капусту, разрезанную на четвертинки. Жарили кур и гусей. Немцы отъедались на колхозных харчах.

Мысль моя снова перебралась на то время, когда поезд увозил нас на Кавказ. Мы пробуждались и засыпали под стук колёс, под лучи холодного дня, какой врывается в распахнутую дверь теплушки (тактичное название скотского вагона). Но какой там теплушки, когда холод лез под стёганую куртку. Так куда же везут нас, куда тянет паровоз? Клубы дыма и копоти стелятся по холодной земле...

На станциях из теплушек выбегали не солдаты, а вчерашние мальчишки. Они бежали на станционные базарчики, раскупали всё, что можно поесть.

И снова паровоз увозил нас. Вёз упрямо. Но однажды, когда в вагоне все ещё спали, дверь распахнулась, и громкий командный голос прогремел:

– Выходи из вагонов! Стройся!

Был рассвет. Но прониравый Колька, мой сосед, сообщил:

– Друзья, станция Солдатская!

В станице Солдатской, где нас ждал запасной пехотный полк на реке Малке... Станица Солдатская, станица терских казаков. Предгорная станица, в виноградниках. В одной хате я увидел на фото группу старых, бородатых казаков в георгиевских крестах. Хозяйка сказала, что это её дед, с конвойной сотней Её императорского величества.

Да, это были ещё те казаки, каких так хорошо описал Лев Толстой. Но кто из них Ерошка, а кто Урван?..

Мы строили свои казармы, поднимались по игре горниста... Шли на завтрак к построенной нами кухне, ели по маленькому куску хлеба и солёной, ржавой небольшой селёдке.

Но скоро Колька пронюхал, что селёдку можно поменять на полкотелка молока у соседской хозяйки. Колька брал причитавшуюся селёдку и мигом возвращался с молоком. Это был наш завтрак.

Когда я пил молоко, то вспоминал, как в детстве стоял с чашкой, когда моя бабушка доила корову. Боже, было ли такое?..

На полигоне нас муштровали, а мы ждали, когда приедет кухня и будет солдатский обед – зелёная железная тарелка с борщом из конского щавеля на двоих.

Скучно, но терпели. Терпеть мы начали уже с той поры, когда наша серая колонна призывников вытянулась из станицы. Был сырой вечер марта месяца. Совсем недавно немцы покинули станицу и зацепились за Тамань, за таманские плавни. Мы уходили, твёрдо убеждённые, что попадём на Тамань, где кипели бои, где уже полегли многие наши одноклассники, но судьба сжалась над нами, нас повезли на Кавказ.

Мы шли ночью, а идти в потёмках, да ещё когда спишь на ходу, трудно. Но вот кто-то догадался: один спит на ходу, двое ведут его под руки.

И так поочередно.

Господи, а нам ещё идти и идти...

В запасном пехотном полку мы принимаем присягу. Я подвернул гимнастёрку на шее на четверть, а штык моей винтовки немного выше моей головы. Мы принимаем присягу. Присягу на верность Родине: "Я, гражданин..."

После присяги нам дали полдня свободных. Я выхожу в степь, уже покрывшуюся мелкой зеленью, ложусь на холодную землю и вспоминаю нашу степь, степь кубанскую, куда мы ходили за воронцами. Мы шли в степь, шли станицей, хаты утопали в зелени садов, и дышалось так вольготно, ибо это были наша степь, наша станица, наш вольный край.

То было время, когда я ещё был мальчишкой и не умел плавать, и моя речка казалась океаном. Я тонул в нашей речке, и вытащил меня старшекласник...

Здесь, в станице Солдатской, степь не такая, как на моей родине, но это всё-таки степь! Я вспоминаю станицу, и мне приходит на память, когда изгнали немцев, из ямы, что за оградой церкви, раскопали расстрелянных казнённых. Их много, и всех я знаю. Вот достают нашего завуча, Глеба Григорьевича Терещенко... Руки его скручены проволокой. Он такой маленький-маленький. Какие же муки вынес он?

А расстреливали его в его же школе, где в клубе гестаповцы устроили камеру пыток и расстреливали заключённых...

Милая станица моя Уманская. Летом пыльная, по весне и осени тонущая в грязи, а зимой занесённая снегом. Весь конный транспорт преобразовывался в санный. Мы, мальчишки, на коньках или самодельных лыжах цеплялись крючьями за сани и получали удовольствие...

А в тёплую пору, сложив учебники в стопку, – условные ворота, гоняли футбол, забыв об уроках.

Станица Солдатская и наш запасной полк – на реке Малке. Горная, холодная, она огибала станицу, и мы ранним утром бегали к ней умываться.

Мы уходили из станицы на учебный полигон повзводно.

На выходе из станицы играл духовой оркестр. Музыка полкового оркестра должна была подбодрить солдат. Ведь до полигона идти добрый десяток километров. А солнце поднималось, и ночной холод сменяла знойная жара. Нашему взводу не повезло. Наш младший лейтенант лютый. Он и сам не знает покоя, но и нас гоняет до предела. Его гимнастёрка на спине побелела от солёного пота: до полигона путь долог, младший лейтенант не даёт нам перерыва. Мы слышим голос: "Запевай!". Но взвод молчит. И тут же: "Бегом!". И мы бежим.

А пить хочется. Но нет привала, и ни глотка из арыка. Во втором взводе лейтенант прошёл бои на Халгин-Голе. И он мягче к своему взводу. Его взвод поёт дружно.

У нас все по-иному с самого подъёма. Утром за завтраком старшина Ширяев орёт:

– Поели, выходи строиться!

Ему нет дела, поел ли ты, не поел...

И занятия с винтовкой, как прежде: "Длинным коли, коротким отбей!..."

А ужин – кружка кипятка и кусок хлеба... Не оттого ли через месяц запасного весь полк просится на фронт...

Наконец, спустя два месяца, нас повезли на Сталинград, через кубанские степи. Мы проезжали неподалёку от нашей станицы, мимо моей Уманской. Но поезд везёт нас через Сталинград в Камышин, а оттуда к Харькову... Но и там мысль моя, думы всегда о станице. В ту пору мне было неведомо, что ждёт меня на фронтовых дорогах, да я о том и не размышлял...

Дни войны. Тревожные. Горькие. Похоронки, похоронки... Они мало какой двор миновали. Удавалось ли какому калеке воротиться, к нему бросались, авось прознают что о своём?..

Налетала на станицу "рама". Она появлялась назойливо. Летела уверенно. Загрёт на мгновение, повиснет и снова летит. А что фотографировать, когда в станице и военных объектов нет...

Как-то налетела на военный лагерь стая "юнкеров". Стали кругом, принялись бомбить. Бомбы летели со свистом и воем. Отбомбится "юнкерс" и снова в кольцо. И так, пока все не сбросили свой груз. А в лагере-то безлюдно.

В первый год войны в станице шла формировка кубанского казачьего полка. Его образовали казаки-добровольцы старшего поколения. В колхозах для них подбирались кони, шорники шили сёдла, портные из шинельного сукна – черески.

Под станицей, на Её, казачий добровольческий корпус показал чудеса героизма. В конной атаке, с саблями казаки бросились на танковый корпус и одержали победу...

Через станицу пыльными августовскими дорогами уходили войска, запylённые, уставшие. Всё больше пехота, обоз...

Но вот последним отступал казачий корпус, тархтели пулемётные тачанки с "максимами", санитарные двуколки. Седоусые старики сурово покидали свою Кубань.

Позже на фронте меня одолевала мысль, отчего наш российский народ рабски покорный. Такая дума у меня появилась, когда проходил по нищенски бедным станицам и деревням. Уж ли такое ещё с крепостной поры? А может ещё раньше, когда крестьяне-смерды арендовали землю у бояр, своих бояр, а те закабалили их всякими "уложениями", а власть советов продолжила террорами и разными репрессиями? Так где же пресловутая демократия, где свобода мысли и действий?

Раздумья эти отступили и снова вернулись к фронтовым будням. Как-то был такой случай. В Полтаве мы грузились в эшелон. Накануне нам прислали в каждый взвод девушек-связисток.

Полк стоит поротно. Метёт позёмка, но мы ждём нового командира полка. Он приехал, в шинели, с маузером через плечо. Прошёлся перед строем.

Прошёлся, встал перед полком. Крикнул с армянским акцентом:

– Командиры батальонов, ко мне!

И подбежали, рапортуя. А полковник обвёл полк рукой, сказал резко:

– Всех на пересыльный!

И всех наших девушек-связисток, а их было по две-три во взводе, тут же построили, отвели на пересыльный пункт. Не добровольно, большинство по призыву пошли на фронт.

И зря полковник так о них. Мог ли я забыть, как погибли девушки-солдатки из нашего полка? А было то в Казатине, когда убили начальника штаба. И два гроба зарыли рядом: майора и связистку Градскую, красавицу из Краснодара. С ней погибла и неизведанная любовь и наверно неизведанное материнство.

Вспомнилось, что в дни оккупации станицы не только гестаповцы расстреливали, но и сыскалось немало карателей из полиции. Они объявились с приходом немцев. Тихо сидели в прошлом. Один ловил рыбу, другой, сын мясника, укрывался на шахтах, третий – в глухом хуторе.

Однажды мы, мальчишки, шли улицей, и нас увидел немецкий патруль. Немцы заметили среди нас Юру Паукова. Был он типичный еврей. Один из патрульных, тыкая в Юру, закричал:

– Юда, юда!

Но Юру не расстреляли, его мать была русская...

И снова мысль моя перекинулась на военные года.

Мы вошли в Белоруссию, партизанский край, лесистый, но бедный. Где народ гостеприимный, не то, что на Западной Украине, где на стенах хат и на заборах читали: "За самостийну Україну!". Где схроны и бандеровцы, столь враждебные нам и советскому строю... И очи недобрые, стреляли из-за угла...

Белоруссия моя, подумал я, когда же ты оправишься, разбогатеешь не только своей картошкой, столь урожайной и вкусной бульбой, где от красавицы-белоруски я услышал: "Вот женишься, хоть ложкой хлебай!".

Но на фронте и мерзлой картошке мы рады. Доставили нам замороженную в лёд картошку. Мы бросали её в воду, обдирали лёд и снова в воду, пока не отмерзала.

А сварились, съели. Хороша, но сладкая.

Когда долго не привозили сухой паёк, оставшийся сахар мы смешивали со снегом, так получалось и больше, и вроде вкусней.

Но вот удивительно хорошей была американская тушёнка. Во взводе сыскался свой повар. Этот солдат варил из банки тушёнки щи. И были те щи, вкус каких я и поныне ощущаю...

А ещё я слышу голос ротного. Он был не громкий, но все его слышали. То было в разгар боя. Шли танки. Их было несколько. Они напозали на нашу роту. За танками шла пехота. Немцы жались к технике. И голос ротного:

– Отсекай! Пехоту отсекай!

Когда удалось отсечь пехоту, танки с рёвом прошли через наши окопы. Но их забросали гранатами и бутылками. Подбивали из противотанковых ружей.

Страшно! Страшно, когда на тебя с рёвом напозает танк...

За три фронтовых года я познал многое, попробовал и самый дрянный, самый никудышный табак украинского производства "Пробиг". Он давал один дым, но никакой крепости. А вот когда мы сушили листья табака и мяли его, прежде чем скрутить сигарку, табак был лют и ядрён.

Из фронтовых будней многое стёрлось в памяти, но встречу с отцом я запомнил.

На станции Белосток сошлись наши эшелоны. Отца я не видел три года и едва его узнал. Около часа, пока стояли эшелоны, мы больше смотрели друг на друга, обменивались восклицаниями.

Однажды к нам во взвод пришел новый помкомвзвода Пирцхалашвили. Был он с Кавказа из горного города Гори. Пирцхалашвили показал нам фото своей жены-красавицы, похвалялся лучшим вином и звал всех нас в гости после войны. И мы знали, Пирцхалашвили всех бы нас радушно принял...

Когда и как мы шагнули за рубеж? Вступили в чужие края?

Мы стоим в Праге. Это предместье Варшавы, на правом берегу Вислы. Но команды на переправу нет. А там, в Варшаве, немцы бьют, расстреливают восставших варшавян. Они давят их танками, бомбят и строчат из пулемётов. Но почему нам не велено переправляться через Вислу, почему не подерживаем восставших славян? Вот это удивительно!

Нет, нам этой политики не понять. Когда мы, в родной станице, шли на речку, лезли в чужие огороды за помидорами или огурцами. Это не считалось воровством, это было озорство. Но тут жизни не одной тысячи людей...

Моя Уманская, станица казаков, верных воинскому долгу, они с саблями бросались на механизированные чудовища...

А ещё вспомнилось, как мы с рыжим Жекой сдавали на значок ПВХО. Как, получив желанные значки и выпятив груди колесом, выкатывались из комнаты приёмной комиссии. Что нам была война, что нам враги? Теперь я помню, как на нейтралке, земле, простреливаемой из окопов наших и немецких, темнели и разлагались трупы: немецких ли, наших солдат...

Фронт! Это залпы орудий, треск пулемётов и птичий посвист пуль. Это огни прожекторов и рёв самолетов, это лязг танковых траков и автоматчики, бегущие за танками. Они льнут к броне...

Мы наступали от села к селу, от города к городу. А сколько ещё шагать, оставляя своих товарищей?

Всё помнится, всё...

Настал день, когда наша армия вступила в Европу, и диву дались, на Европу глядя. Где война прошла стороною, стояли аккуратные особняки-коттеджи, ухоженные дворы, зелень лесов, искусственно посаженные деревья. Множество диких коз, и всё не так, как у нас в России...

Но солдаты шли, приближая Победу. Шли с жестокими боями...

И вот сегодня я на родине, в родной станице. Сейчас я направляюсь домой, где мне всё знакомо, каждая улица, каждый дом. Где светит солнце, и оно греет землю.

В юности мне казалось, что центр государства – это моя станица. Но сегодня я в станице, и мне стало страшно, страшно встретиться с родными моих погибших товарищей. Я знал, встреча со мной напомнит им о погибших сыновьях...

И ещё я пока не знаю, как мне жить дальше? Но жить я должен. И я буду жить!

К ЮБИЛЕЮ ЛЮДМИЛЫ БИРЮК

ОТ КНЯЗЯ РЕПНИНА ДО ПОРУЧИКА ДЕРЖАВИНА

Будущий автор историко-приключенческих повестей, романов и литературоведческих статей Людмила Бирюк (Хоруженко), родилась 12 ноября 1946 года в Ростове-на-Дону, в семье военного. Но её литературное творчество возросло на Кубани. "Моя девичья фамилия – Хоруженко. А хорунжий – первый офицерский чин в казачьих войсках", – рассказывает она в одной из статей.

С детства Людмила зачитывалась книгами, зовущими в неизведанные края, бескрайние моря, таинственное далёкое прошлое, пыталась сочинять сама. В 1962 году по совету любимой учительницы, Евгении Владимировны Бакалдиной, Людмила отнесла свой рассказ "Урок литературы" в редакцию журнала "Кубань". Так появилась первая публикация 15-летнего автора.

Как и многие собратья по перу, Людмила, выбирая профессию, и не мечтала, что когда-нибудь станет настоящей писательницей. Получив на руки диплом Краснодарского педагогического института, она уехала по распределению в Омскую область, в далёкое сибирское село Нагибино, где преподавала русский язык и литературу в средней школе. Позже, вернувшись в Краснодар, вышла замуж и стала матерью двоих замечательных сыновей. Изменилась и профессия: после окончания Краснодарского техникума сахарной промышленности Людмила Бирюк работала в проектно-институте.

Но все эти годы влечение к литературному творчеству не покидало. И вот в 1998 году в Краснодаре вышло первое большое прозаическое произведение – романтическая повесть "Война в кружевах". Герой повести князь Репнин так запомнился и полюбился читателям, что вдохновил автора на следующую книгу, и даже не одну. Последовали "Князь Репнин" (2000), "Серебряные трубы" (2007), рассказывающие о событиях войны с Наполеоном. Затем выходит книга "Созвездие капитана Измайлова" (2008), описывающие времена русско-турецкой войны, времена героических морских сражений адмирала Ушакова. В московском издательстве "Вече" эта книга кубанской писательницы была издана в 2011 году в серии "Русский авантюрный роман" и, на мой, взгляд, достойна экранизации, как впрочем, и предыдущие и последующие произведения Людмилы Бирюк, мастера насыщенных событийных сюжетов. Но в отличие от остальных книг именно "Созвездие капитана Измайлова" представлено в Интернете аудиоверсией, доступно для прослушивания. Не остался без внимания московских издателей "Вече" и следующий историко-приключенческий роман писательницы из Краснодара – "Карнавал обречённых" (2014), роман со стремительным сюжетом, смелыми, благородными героями. В том, что он посвящён декабристам, есть вполне обоснованная логика. Кем мог стать отважный гусар Кирилл Репнин, любимый персонаж Людмилы Бирюк и её читателей, после событий 1812 года? Конечно, участником восстания декабристов. Не желая расстаться с героем, Людмила Дмитриевна помогает всем нам увидеть и пережить трагедию декабристов.

А был ли прототип у Кирилла Репнина? По признанию писательницы, самый главный герой для неё – отец, боевой офицер Великой Отечественной войны, Дмитрий Павлович Хоруженко. О нём и его товарищах-ветеранах, участниках кровопролитного сражения под станицей Куцёвской, Людмила Дмитриевна рассказала в очерке "О казаках-гвардейцах и моём отце", опубликованном в газете "Литературная Кубань" в 2002 году. За этот очерк она была удостоена звания лауреата краевого литературного конкурса. Очерк вошёл также в книгу "Русское слово ПОБЕДА", изданную краевой писательской организацией к 75-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков.

Литературная биография писательницы складывалась вполне благополучно. С 2000 по 2008 год Людмила сотрудничала с краснодарской газетой "Литературная Кубань", на страницах которой печатались её критические и литературоведческие статьи. Этот род её творчества высоко оценил выдающийся русский прозаик Юрий Бондарев. После статьи о его романе "Бермудский треугольник" он лично поблагодарил автора, завязалась переписка. Письма Юрия Васильевича стали реликвией для Людмилы Дмитриевны и всей её семьи.

С 2004 года Людмила Бирюк – член Союза писателей России, более десяти лет она состояла в правлении КРО СП России, была руководителем секции прозы, членом редколлегии газеты "Кубанский писатель". Много сил отдано работе с молодыми и начинающими авторами, она ведёт краевые семинары для прозаиков, является членом жюри краевых литературных конкурсов, а также Всероссийского фестиваля-конкурса "Поэзия русского слова" (Анапа).

В 2006 году из-под её пера выходит книга "Острова нашей юности", посвящённая проблемам детского и юношеского чтения. За эту книгу, а также за активную общественную работу, в сентябре 2007 года Людмиле Бирюк присуждена муниципальная литературная премия им. Анатолия Знаменского.

На протяжении всего своего творческого пути Людмила Дмитриевна постоянно пишет статьи, посвящённые писателям Краснодарского края. Однажды, на юбилее Виктора Логинова, она сделала писателю оригинальный подарок: довольно толстую самодельную книгу, в которую вошли десятки её статей о жизни и творчестве Виктора Николаевича, детальный анализ его рассказов, повестей, романов... Издана книга "Кубанские писатели" (2014) – сборник очерков о двадцати известных современных прозаиках и поэтах Краснодара.

Людмила Дмитриевна Бирюк интересуется не только кубанской литературой. Много статей написано ею о советских русских писателях: Михаиле Шолохове, Николае Островском, Самуиле Маршале, Борисе Житкове, Агнии Барто, Константине Симонове, Евгении Носове, Юрии Бондареве... А также статьи о советской и зарубежной детской литературе.

Огромное влияние на творчество Людмилы Бирюк оказали её старшие друзья-наставники – Виталий Бакалдин, Виктор Логинов, Борис Тумасов. К сожалению, никого из них уже нет в живых...

Сюжет своего любимого романа "Евгений Онегин" А.С. Пушкина Людмила Бирюк положила в основу фантастической повести для школьников "Ольга", вышедшей в 2016 году, где представлена оригинальная версия, указывающая на виновника гибели Ленского.

В 2020 году на столе у писательницы уже лежала готовая к изданию рукопись историко-биографического романа "Гвардии Державин" о великом поэте XVIII века Гаврииле Романовиче Державине. Отрывок из этого произведения опубликован в журнале "Север" (Петрозаводск, февраль, 2020). А в 2021 году в том же издании в Карелии вышла полная версия романа, параллельно рукопись представлена и кубанским читателям, более расширенная, под первым названием "Река времён" публикуется в нашем журнале. В 2022 году с романом сможет познакомиться и всероссийский читатель. Издательство "Вече" выпустит книгу "Поручик Державин".

Несомненно, это заслуженный успех писательницы. Живое яркое повествование захватывает читателя, стремясь раскрыть глубины таланта поэта и то восхождение его дара, которое помогло Державину стать на одну из высших ступеней литературного отечественного Олимпа. Главный герой романа предстает не в привычном образе патриарха, "старика Державина", о котором известно лишь, что он заметил лицеиста-Пушкина и, "в гроб сходя, благословил"... Истинный сын золотого века Екатерины II, Державин прошёл очень трудный, но яркий и честный жизненный путь от рядового гвардейца до министра юстиции. Его судьба полна испытаний и неожиданных поворотов.

Жизнь и творчество Державина разворачиваются в романе на фоне крупных потрясений русской истории конца XVIII века: приход к власти Екатерины II, пугачёвский бунт, который энергично поддерживали европейские страны, жаждущие ослабления России. Становится понятна и выдающаяся роль А.В. Суворова, и мудрость Г.А. Потёмкина в русско-турецкой войне. Доступный не только взрослой аудитории, но и юношеству, роман, на мой взгляд, как раз очень полезно прочитать школьникам. Он побуждает юного читателя к размышлениям над историческими событиями, к стремлению ценить и беречь своё Отечество, переданное ему великими предками. Это можно отнести ко всему наследию писательницы, ведь она создаёт произведения в жанре историко-приключенческой прозы, которая адресована в основном подросткам – самым сложным и требовательным читателям, чьи сердца ещё открыты для романтики. Тем самым подросткам, что моментально замечают малейшую фальшь и надуманность, не терпят нравочений и излишней патетики. Именно с ними, прежде всего, ведёт откровенный разговор Людмила Бирюк, рассказывая о великом прошлом России, без знания которого нельзя понять ни её настоящего, ни заглянуть в будущее...

В ноябре 2021 года Людмила Дмитриевна отметила юбилей, она встретила его в кругу большой любящей семьи. У писательницы есть и семья литературная, есть друзья, есть те, кому она помогла войти в литературу, стать признанными авторами. Сегодня Людмила Дмитриевна активно работает в редакционном совете литературного журнала "Краснодар литературный", помогает советами молодым и начинающим авторам и, конечно, обдумывает новые замыслы.

В юбилейный год Людмила Дмитриевна Бирюк награждена памятной медалью "М.А. Шолохова", учреждённой Союзом писателей России, и Почётной грамотой СПР.

Хочется от всего сердца пожелать Людмиле Дмитриевне новых творческих высот. МНОГАЯ БЛАГАЯ ЛЕТА!

Светлана Макарова-Гриценко

АНДРЕЙ НОВИКОВ

Липецк

Поэт, прозаик, публицист А.В. Новиков родился 26 декабря 1961 года в селе Алабузино Бежецкого района Тверской области. Выпускник факультета поэзии Литературного института им. А.М. Горького (семинар В. Кострова). Работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах "Липецкие известия", "Липецкая газета", "Провинциальный репортёр", специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты "Город Лип". Первая серьёзная публикация Андрея Новикова состоялась в журнале "Подъём" в 1984 году. Публиковался в "Литературной газете", в "Московском комсомольце", в "Российской газете"; в центральных и региональных журналах; в альманахах: "Истоки", "Поэзия", "День поэзии", "День поэзии – XXI век", "Академия поэзии". Автор шести книг. С апреля 2015 года возглавляет Липецкое региональное отделение СП России. На XV съезде СПР 15 февраля 2018 года был избран секретарем Союза.

ЕСЛИ ПОВСТРЕЧАЕТЕ ЗОЛОТО

Рассказ

Девятнадцатилетняя Настя жила в небольшой избе в два окна. Жильё ей выделили после интерната соцработники в небольшом северном посёлке возле золотоносной реки. Конечно, Насте была положена квартира, но давать благоустроенное жильё одинокой, забитой и юридически неграмотной девушке никто не собирался. В соцзащите лукаво улыбнулись и выдали детдомовке бумагу на этот дом. Сказали разыскать главу местного поселения. Настя нашла его, он провёл девушку по всему посёлку. У одиноко стоявшего на окраине дома нарочито театрально открыл дверь, протянул ей ключи и весело крикнул:

– Владей, всё твоё!

Насте показалось, что глава был немного пьян. Она в первую ночь хорошо натопила печь, на ужин обошлась пачкой "роллтона" и банкой килек в томате. Но всё равно в новом жильё было сыро, прохладно, и всё вокруг казалось чужим. В доме громко скрипели облупленные половицы. Настя понимала, что дело плохо; если лаги под полом стали двигаться, то домишко долго не простоит. Тогда у Насти был парень, Виктор, но ехать в посёлок, пусть из небольшого районного города, он не захотел, и девушка осталась одна. Она всю ночь не могла уснуть, смотрела в окно и, дыша на холодные стёкла, писала его имя. Настя осторожно мечтала, мечты были просты – спать каждый день на чистых простынях, чтобы их стирал кто-то другой, гладил и стелил, но только не она. И пусть будет волшебный шкафчик, в который кто-то неведомый станет складывать стиранные и глаженные носки, трусы, футболки для Насти. И печку пусть топит тоже кто-то другой. Пусть он пилит и колет вечно сырые дрова. Впрочем, она понимала, что строить с ним будущее было невозможно. Виктор был молодым, отчаянным, матерым вором, на память он оставил Насте охотничий карабин "Сайга".

Их общение окончательно закончилось, когда он уприсил Настю поучаствовать в гоп-стопе. В посёлок приехали богатые охотники-москвичи. Насте нужно было только попасть на их гулянку и вовремя открыть дверь Виктору и его местной шпане, что затаились в соседнем доме. Столичные гости были лощёные по-городскому, сладкие до ужаса, при деньгах, у всех ногти на руках холёные и чистые. Настю они сами позвали в гости, увидев на улице. В доме стоял уже дым коромыслом, богатая закуска. К Насте тут же подсел здоровый пожилой пьяный мужик, кожа на его красном лице была бугристой, похожей на фрикадельку. "Фрикаделька" всё пытался Настю тискать, шепча в ухо липкими, толстыми губами: "Пошли ко мне. У меня тут комната есть свободная", – а девушка пьяно смея-

лась, запрокинув голову: "Погоди! Давай выпьем ещё, а потом уже пойдём". Он кивал в ответ, а у самого глазёнки искрились от нетерпения.

Настя смотрела на него и думала: "Дурак! На тебя сейчас нож точат в соседнем доме, а ты раз мечтался о моих сиськах!". Затем она сделала вид, что идёт в туалет, а сама юркнула в коридор и открыла замки входной двери. Приятели-разбойники мигом влетели в дом и поставили всю компанию под ружья и ножи. Москвичи отдали всё, что было, и ранним утром исчезли из посёлка. Тогда Виктор и подарил Насте за удачный гоп-стоп карабин "Сайга". А может просто хотел избавиться от улики и отвести от себя подозрение, но больше Настя его не видела. Удивительно, но в милицию москвичи так и не обратились.

Глава администрации ещё несколько раз заходил к ней, спрашивал, как устроилась, приносил чай и сахар. Один раз они даже сыграли в карты, Настя заметила, что у него длинные и тонкие нервные пальцы, они дрожали, когда он держал в руках помятую колоду. Потом он куда-то пропал, уехал, а главой поселения стала подозрительная, тихая пенсионерка, которая практически не выходила из дома.

Настя, оставаясь в своем неуютном доме, часто всматриваясь в чужие ночные окна, пытаясь представить, что там, за шторами. Ей казалось, что там другая, интересная, беззаботная жизнь, и всё чаще она вспоминала своё такое же неуютное детдомовское детство, при живых пьющих родителей, взрослых братьях и сёстрах, которых судьба близких людей почему-то совершенно не интересовала. Деревянный, старый, обшарпанный одноэтажный детский дом, где стойко пахло кухней и половой тряпкой. Старая мебель, старая одежда, старые неуклюжие игрушки. Кормили одним и тем же: суп, тошнотворное, ссохшееся гороховое пюре, слипшиеся макароны, синюшные варёные яйца, серое пюре из подмороженной картошки, кисель с чёрным хлебом. Съедали всё до крошки, а хлебом набивали карманы. А ещё они хорошо умели врать, сваливать всю вину на другого. Они словно ждали, чтобы ты споткнулся, чтобы наябедничать: мол, посмотрите – я хороший, а он плохой. До поры до времени Настя верила в чудо: что вот откроется дверь, войдёт воспитательница и скажет: "За тобой пришла мама". Настя любила мечтать об этом моменте, пока не поняла, что всё впустую. Однажды, когда Настя была в шестом классе, удочерили девочку Веру, с которой она дружила. Втайне от всех Настя месяц ночами ревела в подушку. Она всё понимала, но от этого ещё больше душила бессильная обида. День в детском доме начинался с линейки, на которой директор говорил одну и ту же фразу: "Запомните, вы – никто и вы не нужны никому. У вас нет прав, у вас одни обязанности".

Настя слушала его совсем не по-детски и уже тогда понимала, что жизнь – странная вещь. Её текущесть подобна реке. Посёлок был буквально умирающий, некогда богатого сырьевого района. Промышленная выработка золота закончилась ещё лет двадцать назад, но в отвалах, которые находятся на реке прямо за огородами, ещё можно намыть приличное количество драгоценного металла. Участок реки давно негласно поделён между местными жителями, нравы сибирские суровые, появится чужак золото мыть, даже предупреждать не будут, сразу берутся за ствол. Местный участковый на реку даже носа не суёт, понимает, что народу нужно как-то выживать. Золото закончилось, заканчивается и жизнь. Кто-то ещё работает на драге, кто-то хищничает, кто-то охотится, кто-то пьянствует. Добытое золото не пошло на пользу ни посёлку, ни району. Причём, как при царях и коммунистах, так и при олигархах. Ни нормального жилья, ни дорог.

Чтобы не было скучно, Настя пустила жиличку-поселянку, бывшую воровку на доверии Светлану, она отбывала теперь уже на полувольных хлебах трёхлетний срок. Дом был старый. Печка вела себя скверно, её приходилось зимой всё время подтапливать. Подруги пытались её отремонтировать, но ума и умения так и не хватило. А печка, будто живое существо, казалось, издевалась над ними, заунывно шумела и требовала больше дров. Они понимали, даже по звукам, что есть трещина на чердаке между жестяными коленами, тепло предательски уходит. Не только уходит, но может и убить. Однажды, в морозную ночь, изрядно намучившись с печкой, да и хорошо выпив, подруги решили пораньше закрыть заслонку на трубе и уснули. Если бы не собака Найда, которую от мороза пустили ночевать в дом, скорее всего Настю и Свету нашли бы утром мёртвыми. Собака настойчиво будила девчонок, лаяла, покусывала и всё же заставила подняться. Настя с тяжёлой головой сразу поняла, что происходит, еле дошла до двери в сени и, широко распахнув её, практически в бессознательном состоянии осела на пороге, глотая живительный морозный воздух.

Собаку, породистую немецкую овчарку, Настя случайно выиграла в карты у солдат в тюремном питомнике. Тогда на кону было много чего, играли долго. Солдаты кинули на кон сотовые телефоны, ноутбук, деньги. Настя кинула весь золотой песок, который намыла за полгода. Карта у неё была хорошая, но и тюремные солдаты улыбались. Настя предложила кинуть им на кон щенка овчарки, она знала, что в питомнике недавно ошенилась молодая сука. Но солдаты тупо мотали отрицательно головами, дескать, их за такого щенка под суд отправят. Насте давно хотелось породистую овчарку. И она неожиданно поставила себя на час против щенка. Господи! Как она тогда боялась! Один только боро-

датый мужик на небе был в курсе, как она испугалась своего голоса, когда это предложила солдатам. Солдаты смотрели на Настю страшно, гадливо улыбаясь... Карты вскрыли, солдаты всё проиграли.

Найда была забавной и крошечной, Настя долго спала с ней в одной койке. Беспросветность жизни Настя полностью ощутила, когда заболела и поехала в районную больницу на приём к врачу. Она шла по улице и ощущала чужие холодные взгляды на своей старенькой фуфайке, потёртых спортивных брюках, неуклюже подшитых валенках. Ей казалось, что во всяком встречном взгляде она видит только одно: "Нищая!". Она словно сама себе говорила: "Не делайте мне больно, не селите в моём сердце злобу и гнев. И самое главное – не селите в моём сердце зависть! Я ведь завидую вам". Несколько рецептов, которые ей выписал молодой симпатичный терапевт, она тут же смяла и выбросила в снег, выходя из больницы. Денег на лекарства у неё не было. От этого и от общения с красивым врачом, который ей показался человеком из другого мира, ей ещё больше не хотелось жить.

В райцентре она зашла только к своему бывшему однокашнику по интернату. Как оказалось, этот бывший детдомовец неплохо в жизни устроился. Насте он никогда не нравился. Нос у него был большой и широкий, как у китайского заварного чайника. Чалдонские глаза-ириски, вечно бегающие в поисках то ли жертвы, то ли наживы, постоянная испарина на лбу, даже в лютые морозы. Занимался он тем, что мотался по деревням и купал у старух иконы. Пару раз сидел за мошенничеством. Зековская погремущка у него была интересная – Комиссар. Продрогшей Насте он даже не предложил стакан чаю, а сразу стал хвастливо показывать добытые иконы. "Досочек" этих у него было видимо-невидимо! С почерневших от времени "досочек" укоризненно на Настю и Комиссара смотрели лики святых.

Уходя от него на автобусную станцию и после, смотря из окна "пазика" на разбитую дорогу, Настя всё вспоминала его алчные слова: "Настя, прикинь, Богоматерь – триста! Иисус с разбойниками – пятьсот! Цены в долларах! Только доллары!". С подругой они часто выпивали, скорее от безысходного времяпровождения, заквашивали из таёжных ягод кислую брагу. С тяжёлого похмелья, с пустого желудка Настю часто рвало, а похмельные сны были вовсе кошмарные. Часто снился волосатый, рыжий чёрт. Он скакал по комнате, цокая гнилыми копытцами и, мерзко потирая руки, приговаривал: "Нет больше конфет! Закончились конфеты!". В полусне Настя не могла дожидаться, когда он отстанет со своими дурацкими конфетами, спрашивала сама у себя, шевеля пересохшими губами: "Какие ещё конфеты? Почему они у него кончились?!".

Проснувшись она под утро от слабости и стыда. Ночью со Светланой они выпили всю кастрюлю браги и подрались. Но больше Настя ничего не помнила. В доме на полу куча стреляных гильз от карабина "Сайга", у Светланы порвано веко и пороховой ожог на плече. Одно окно разбито и заткнуто Настиной подушкой. У неё был только один немой вопрос: "Почему именно моей?". Светлана ничего не помнила, а "Сайга" с разряженным магазином стояла у печки. В голове только и вертелось: "Калибр 7.62". Настя и карабин долго смотрели друг на друга, и ей казалось, что "Сайга" её когда-то точно переглядит.

Иногда к подругам заходил сосед-пенсионер. В этот раз он появился на пороге со словами:

– Увидел подушку вместо окна у вас и решил зайти, мало ли чего...

Дед живёт один, бабка у него умерла давно, дети с внуками в Красноярске. Настю всё время удивляло, почему дед такой старый, а зубы здоровые, пусть и жёлтые. А дед ощерил рот сквозь седую бороду:

– Пьёте сильно, девки. Завязывайте, зачем из ружья палили, небось весь посёлок растревожили!

Настя, не вылезая из-под одеяла, лениво ответила ему:

– Дед, угомонись! Жизни не учи. Супчика похлебаешь?

В доме уже действительно пахло супом, у печки виновато суежилась с помятым лицом и копной рыжих волос Света. Она варила хороший суп, даже с похмелья. Дед согласился поесть, с удовольствием хлебал суп и всё разговаривал. Дед всю жизнь прожил здесь, лет сорок работал на драге, золото мыл. Пару раз сидел за что-то, но не очень страшное, за что, Настя точно не знала. После супа дед сходил за стеклом и стеклорезом и поставил стекло. Наконец подушку из окна вытащили. Дед принёс бутылку водки, вина, конфет и полтора десятка яиц. Настя с удовольствием смотрела на конфеты, вспоминала ночного чёрта, дескать, не зря нечистый конфетами донимал. Яйца подружки не видели несколько месяцев. Наелись впрок, Настя знала, что Света любит, когда желток с белком перемешан, а она предпочитала наоборот. Любила целый желток собирать булкой, ела жадно, чувствуя себя змеей, которая заползла в птичье гнездо.

В этот раз случился у них целый "дедовский" вечер. Слушали музыку, ища в ноутбуке ту, что хотел дед. Старик первый раз видел ноутбук, очень удивлялся:

– Что это у тебя, говорящая книжица?

– Это окно в мир, – в один голос хохотали Настя и Света.

Смешной дед. Напился, разговорился. Настя смотрела на него и думала: "Дед! Не умирай только, поживи ещё немного". А он всё слушал ролики и приговаривал:

– Эх, девки! Просрали мы страну! Сами пожили, а вам и не досталось ни хрена!

На этом старик неожиданно заплакал. Света укорила его:

– Дед! Ты что же это, пришёл к нам сырость разводить?!

В ответ старик только беззлобно огрызнулся на нее:

– Рот закрой! Бикса непоротая!

С этими словами он уснул прямо на стуле. А подружки ещё долго хохотали над его словами, допивая крепкий вермут.

Переписываясь по интернету с разными людьми, Настя неожиданно получила посылку из Ростова. Доброжелатель прислал куртку и лыжи. Настя и радовалась, и негодовала, даже в порыве написала: "Мужик из Ростова! Обращаюсь к тебе, чертовски спасибо за куртку и лыжи. И как ты догадался, что именно широкие лыжи нужны. Не суть! Короче, больше ничего не нужно присылать. Мы куртку вертели и поняли, что стоит она дорого. Отблагодарить тебя нечем. Это раз! Второе, я ничего не просила. В общем, если ещё раз придёт с почты извещение о посылке, то я туда не пойду. Ничего не нужно!". Однако, немного подумав, поняла, что иногда люди просто хотят помочь, без унижения и благодарности. И добавила в личку: "Спасибо за куртку! Целую тебя, куртка и задницу прикрывает от холода и ветра, и под грудь правильно сделана".

Первого января девчонки не смогли усидеть дома. Всё же праздник проходит... Выпросили утром у деда немного денег в долг и пошли на лыжах в соседний посёлок. В полдень уже были там. Света на старых лыжах, а Настя опробовала новые и поняла, что они очень хороши. В соседнем посёлке у Насти была знакомая по интернату Нина Ершова. У неё всегда было весело. Два года назад она уезжала в город, но вернулась со шрамом на губе и порванными мочками ушей. Стало быть, поиски девичьего счастья в большом городе не получились. За столом посидели аккуратно и к ночи вернулись домой.

Самое скверное, что работы никакой у Насти и Светы не было. Добрую половину населения посёлка составляли расконвоированные, будто государство пыталось сбросить с себя этот ушлый народ, ведь эзков нужно было кормить, а чтобы иметь какие-то наличные деньги, все мыли втихаря золото.

Добыча золота ведётся в основном на площади, загромождённой прежними отвалами, то есть под слежавшимися кучами гравия, песка и глины. На этих бывших, ещё с советских времён, отвалах ещё много металла, он залегает до самого верховья речки. Настя восхищалась золотом, оно было для неё доступным и одновременно недоступным металлом. Насте казалось, что золото умеет разговаривать. Золото любит труд, ежедневный, с утра и до вечера. Потаскай ведра с породой да помаши кайлом и лопатой, помой лотком в ледяной воде и поймёшь, что золото стоит намного больше тех бумажек, на которые его меняют. Настя вываливает серую глиняную массу вместе с галькой в решето с большими отверстиями, вставленное в ёмкость. Она тщательно просеивает грунт, руками промывает гальку в воде над решетом и откидывает крупные куски породы. Начинается длительный процесс вымывания породы в шайке, затем в деревянном лотке, почему-то сделанном из кедра и формой напоминающем лодочку. Мыть драгоценный металл любит она одна на реке. Порой, смертельно уставшая, от холодной воды ноют ноги и руки, но стоило ей посмотреть на намытое золото – и всё казалось прекрасным. Хотя в голове не осталось никаких мыслей – лишь монотонное чавканье грязи под ногами и гудение мошки. Она только шептала золоту: "Прелесть! Ты теперь моё", – но тут же холодный пот пробирал её до нижнего белья. Намытое золото приходилось отдавать вездесущим скупщикам-азербайджанцам практически за бесценок. Да никто золото постороннему и не продаст: для чёрных старателей такая коммерческая самостоятельность чревата серьёзными проблемами, порой жизнью. Каждый золотодобытчик "закреплён" за определённым скупщиком, как крепостной за барином. Только недавно она осознала, что нет ни у неё, ни у подружки ни одного кольца или серёжек из золота. Но с намытым тяжким трудом драгоценным металлом она расставалась по-особому, словно провожала его в новую жизнь. Перед тем, как продать его перекупщикам, шептала про себя: "Милое, дорогое золото, отомсти там за меня, наделай богатым плохого и злого, да и про кровь не забудь". И казалось ей, что золото отвечает тихим, мерцающим голосом: "Не вопрос, Настя! Это я умею. И зла наворочу, а уж кровью точно перемажу, обещаю!". Настя точно знала, что отправляет своё золото в кровавое путешествие, после перекупщиков оно уходит всё дальше и дальше, дескать, такой привет передайте от меня, если золото повстречаете...

СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО

Краснодарский край, ст. Каневская

ПРО МАРУСЮ И КЛЯТЮ АМЕРИКУ

Рассказ

Мы с Марусей родня. Какая? Какая-то не близкая и не дальняя. Кто-то кому-то вроде как племянник или племянница, и я такое родство называю "дид баби систра". Марусе нравится моя формулировка, она женщина открытая, добрая, шепутная и ещё пышная, что спереди, что сзади. За пышность мой покойный батько, любивший таких женщин, называл её "сдобной хлибыной", имея в виду большую сладкую буханку хлеба. На что Маруся отвечала: "Замишала мэнэ маты на опари не горбатой, дядечка!", и поводила перед дядечкой бочком. Старый батько цокал языком, улыбался и говорил мне:

- О цэ, сынок, трэба кожному козаку таку жинку!
- А худи кому ж достануця? – спрашивал я.
- Худих хай люблять ти, у кого очи ны добавають.

Словом, любили в нашей семье Марусю, любили её родителей, продолжателей линии отцовской сестры, которая была старше отца на двадцать лет, и всегда, когда мы приезжали к ней на хутор в гости, она расцеловывала отца, восклицая: "Павлыку, братычок мий малэнький риднесэнький!". Эта разница в возрасте отца и тётушки и создала путаницу в родстве, отчего мы с Марусей оказались одного возраста. Но для нас главное было то, что мы хоть и "дид баби систра", но родня настоящая, потому как не забывали друг друга, помогали, чем могли, и дорожили родством.

И вот мы с Марусей постарели, дети наши уже в годах, и им часто не до нас, а внуки? Ими мы, как все, иногда хвастаем, "бо ничим бильш швастаця", но это так, "шоб язык в роти не засох", не старостью же хвалиться... Но всё равно мы бережём родство, любим своих близких, и рады, когда они нас не забывают.

Вот и сегодня родня меня вспомнила. Утречком позвонил Петруха, муж Маруси, но я из его речи ничего не понял – Петруха торопился, говорил непонятно. Такая речь у него стала после удара молнии в алюминиевый шест, когда Петруха рыбачил в грозу на лодке. Но телефон у него забрала Маруся и затараторила:

- Ты на ёго ны обижайся, Стёпа, ёму кажиця, шо вин балака так, як думает, а воно бачишь як – попуасы лучше кажутъ.
- Та слава Богу, шо живой остався, – включаюсь в балачку я, – шо доски в каюки сухи булы и обийшлося контузией.
- Та о то ж, слава Богу. Я чёго казать хотила, родычок мий, ты ж, кажутъ люды, гарну кныжку напысав, а в мэнэ йи ныма...
- Так ты ж читать ны любышь, борщи варыть любышь (Маруся всю жизнь работала поварихой), йисты любышь, в городи копаця, с коровой занимаця, тилькы ны читать. На шо тоби кныжка?

Маруся примолкает, думает, что ответить, ей, похоже, неудобно просить.

- Та я ны соби, я Натуси... Може прыйидэ литом, так я йий кныжку подарю, хай у нэйи очи просвятця, бо вжэ батькив и станыцю забула, помрэм и ны побачимся..., – в голосе Маруси поплыла слеза.

Натуся-Наталья, единственное дитя Маруси, выучилась на программиста и уехала в Америку. Там вышла замуж за небедного америкоса, родила двоих детей и приезжала с внуками проводить родителей за десять лет один раз. Говорила мне, что живёт не бедно, фирма у них с Эди компьютерная, дом свой, машина дорогая, и в России ей делать нечего. Это всё, что я знаю о Натусе.

Маруся расплакалась и не может успокоиться. Мы говорим по проводному телефону, потому я жду и не кладу трубку. Она наконец перестаёт хлюпать и спрашивает опять:

- Так завызэшь кныжку, Стыпанчик? Я вжэ называю тэбэ, як колысь мамка называла. Тилькы як будышь йихать, позвоны, мы с домашнёго звоним.

И она называет номер, который я давно знаю.

– Звонить ны буду, а завыву сёдня, зараз збырись, ны пырыживай, – обещаю я и вскорости еду.

В Марусину станицу полчаса ходу. Всю дорогу машину стегает холодный январский дождь. Встречает меня Петруха, на боку у него висит бутылка-мочеприёмник, ему недавно сделали стариковскую операцию, рот у него до ушей в улыбке, обнимаемся, Петруха говорит что-то на своём "попуасском", я улыбаюсь, киваю, хвалю его, делаю вид, что понимаю.

В доме Маруся у плиты. В мою честь жарит картошку с "яешней" на сале. Знает, что я люблю.

– О цэ ж подумала, шо ты пока йихав, пидголодав.

– Та зовсим голодный! – обнимаю Марусю. – Моя ж ты круглэсэнька!

Петруха присел на диван и улыбается, щуря глаза от удовольствия. Я ему в ответ киваю и тоже улыбаюсь. Я люблю эту свою родню, почитай единственную из оставшейся. Люблю за то, что они добросердечные люди, что живут по-крестьянски: с хозяйством, садком, огородом, что дом себе сами построили и в доме у них мне уютно, как дома, что балакают на родной балачке, от которой мне тепло на сердце, что на стене у них портреты моей родной тётушки Оксаны и моего отца – последних, оставшихся от рода после рассказывания. Люблю за то, что вижу в глазах моих родных радость от встречи со мной.

Откушали мы втроём под Марусину самогоночку то, что шкварчало на сковороде, подарил я им с Петрухой свою новую книжку и спросил Марусю:

– Натуся шо, справди литом прыйидэ?

– Да Бог йи знае с йи проклятой Амэрыкой, забула нас с батьком, собака душа. Звонэ раз в місяц: як вы, шо вы, чи здорови, чи больни? Шо йи казать, як вона стилькы годив в станицю ны показуеця? Сказала я, шо батьку мужеску операцию робить трэбуеця, так вона рассказала мини, як в Амэрыки вмісто операции мужикам колять одын укол и ныякого ножика. Бильш ны мучаюця. Я й сказала, шо визьмы батька до сэбэ, хай там зроблять цэй укол, так вона "невозможно, будэ дужэ дорого", нэвжэли батько дэшэвшэ йи грошэй?

Маруся разгневалась и смотрит на меня сердито, будто я Натуся или клятая Америка.

– Наверно, там так и есть, там же капитализм: делай гроши, думай за гроши, е гроши, ты чёловик шороший. Но я в Америке, Маруся, ны був, ны дывысь так, – отвечаю я, смеясь.

– Знаю, шо ны був. Но у нас тэпэр шо, ны так як в Амэрыки? Скильки я отвизла цёму "ветеринару", шо бутылку на Пэтю повисыв, и скильки ще повыву, шоб вин йи отчипыв, та мий Петруша полюдски писяв?

Петруха мычит и трясёт головой – не надо про это.

– Так, Маруся, так у нас, а можэ ще хужэ, чем в Америке.

– Та мабуть, ще ни. Наши люды, вроди, ще ны таки жадни, ны таки, як стала Нутуся. А там бачишь, за гроши шо на батька потратыть, шо на матир, воны повисяця. Жаднючи! Воны вжэ ны русски люды, ны таки, як ото кажут в телевизори: Россия – щедра душа. На йих амэрыканьски чёрты пойиздылы, и моляця воны ны Божой Матыри, а своёму поганому президенту. Хиба цэ по-людски: за скильки годив батькив ны провидать, онукив ны показать, ладно, я йи америкоса и бачить ны хочу, но шо там за онуки, вжэ ж здорови, а бачила малэньких.

Маруся пускает слезу, наливает себе ещё соточку, Петрухе показывает дульку, а мне пальцам "ни-ни", выпивает и плачет, уткнувшись лбом в ладонь и раскачиваясь: "На-туся... Проклята Амэрыка!".

Я встаю из-за стола и обнимаю Марусю за плечи, Петруха гладит ей руку. Но получается, что мы растрогали Марусю ещё больше, она поворачивается ко мне со стулом и утыкается лицом в грудь, обняв меня, и ревет по-русски, по-бабьему, на всю... Петруха тоже трёт кулаками мокрые глаза, а мне самому хоть плачь, жалко их. Глажу Марусе голову и думаю, что возьму Натусин телефон, разорюсь, позвоню в Америку и навставляю ей таких... на балачке, чтоб Родину помнила. А Маруся подымает своё зарёванное лицо, смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Стыпанчик, та можэ ж вона литом прыйидэ? Скажи, прыйидэ?!

СОКРОВИЩЕ СОЛНЦА

Рассказ

Дочери Танюше

Первые дни февраля выдались солнечными и тёплыми. Удивительно это, но такая нынче зима. После Крещения у деревьев началось сокодвижение, стали набухать почки, бесснежную землю прокололи копыта подснежников, зафитыкали от тёплушка синицы, засуетились воробьи – решили делать ревизию прошлогодних гнёзд под крышей, и оттуда полетели пёрышки и всякий мусор, а в посадках, где обилие палого листа и прелых веток, появился живительный, бодрящий дух просыпающейся земли. В такой день я и поехал на велосипеде в посадку за станицей подышать предвесенней свежестью, послушать птиц и ощутить себя частью природы. Посадка эта двойная, посреди неё проложена ещё во времена социализма асфальтированная дорога к молочной ферме, дорога эта теперь плохенькая, её добивают засекреченные бизнесмены, обосновавшиеся на ферме. Но меня интересуют не они, а высоченные, послевоенной посадки, уже падающие от времени колючие акации, поросшие

густо своей же порослью. Через эту поросль из камышей часто пробегают в озимое поле фазаны, они там пасутся на зеленях, и мне хотелось их увидеть.

Я пересёк трассу, за которой начиналась посадка, и меня встретил ласковый чёрный пёсик с ободранным носом, живущий в покинутом хозяевами кафе. Пёсика этого я видел здесь при хозяевах, и он был злой, теперь у него нет хозяев, и он не знает, что охранять и на кого лаять, а потому ко всем ластится, и кафе у него – просто место лёжки. Пёсика никто не кормит, но он справный, с лоснящейся шерстью, ибо мышкует – кормится полёвками, оттого у него и ободран нос. Но пёсик мечтает о хозяине и каждому встречному преданно смотрит в глаза: "Может, возьмёте?".

Я поехал не спеша дальше, к ферме, любуясь пронизанной солнцем посадкой. Пёсик увязался сопровождать и бежал рядом. Это были его владения, что и было заметно по его спокойному поведению. Мы добрались с ним почти до фермы, до моего любимого места у замшелого ясеня, ствол которого наклонился почти до земли, и на нём было удобно отдыхать. Ясень, как и другие деревья, завалил пронёсшийся осенью буран. Я присел на ствол и стал смотреть на солнце. Оно мне показалось необычным, так как не слепило и не грело. Оно висело, как и положено зимой, низко и рассеивало свет на тонкие веточки деревьев, и этот свет был похож на драгоценные капли солнца, которые не висели, как капли дождя, а искрились на веточках то сверху, то снизу, то перебежали с места на место и напоминали мне строчки зашифрованного текста. И всё пространство посадки впереди меня, где солнце, слева и справа, играло светом, показывало мне драгоценные украшения из искрящихся бриллиантов. Явление это в природе редкое, предвесеннее, называется оно Игрой света, и я о нём слышал, однако увидеть не довелось за всю жизнь. А теперь сподобился. Но почему-то подумалось, что солнце, показывая мне свой праздник, что-то хотело сказать...

Ласковый пёсик лежал у моих ног, положив морду на сапог и закрыв глаза. Он, видимо, решил, что обрёл хозяина. Я почесал у него за ухом, погладил нос и сказал:

– Если пойдёшь со мной, будешь мой, назову тебя Ласковый. Но сейчас посмотри, какие сокровища нам подарило солнце!

Пёсик приоткрыл глаза и вздохнул – он ещё решал, достоин ли я быть его хозяином? Да и стоит ли менять волю с жирными мышами на домашнюю похлёбку, будку и цепь? И что такое сокровища? А что до ободранного носа, которым тыкался в норы, так это мелочи, невеста и такого полюбит.

Солнышко уже чуть присело к вечеру и убрало с веточек свои украшения – покрасовались и хватит. Веточки тоненькие, молоденькие, разных деревьев, стали просто веточками. Мне осталось надыхаться запахами просыпающейся земли, послушать песенки синиц, стук дятла, что я и сделал, и отправляться домой. Весна, по-видимому, явится скоро.

– Что, друг, со мной? – спросил я пёсика.

Он завилял хвостом и виновато посмотрел в глаза: "Извините, не знаю, ещё не решил". И мы поехали обратно – я на педалях, пёсик рядом. Впереди дорогу перебежали два огненных фазана, пёсик припустил за ними, потом у самого кафе догнал меня, но через трассу со мной не пошёл, а сел и провожал меня взглядом. Что ж, воля да чисто поле всего дорожке русской душе, и собачьей, видать, тоже. На прощанье, перейдя неожиданно свободную трассу, я обернулся и сказал пёсику:

– Остаёшься? Тогда стереги наши сокровища и жди, приеду.

Пёсик услышал, лёг и положил морду на лапы, дескать, понял, буду ждать. А когда я сел на велосипед, он печально заскулил, будто что-то хотел сказать. Но тут же зашумели машины, и пёсик не стал мне виден и слышен.

Я ехал в станицу и думал: было ли что в показавшихся мне солнечных строчках?

...А через три дня скоропостижно скончалась наша любимая и единственная дочь Танюша, которую знали и любили в станице. Она устраивала праздники и учила детей математике. Люди называли её, худенькую, невысокую, вечно спешащую и улыбающуюся, солнечным человечком, "молодэсэнькой", хотя ей уже было сорок шесть лет. И пришедших проститься с ней было море: люди шли до полуночи, а живые цветы и венки еле потом уместили в пустой автобус. И когда друзья-одноклассники выносили гроб с телом и несли его по улице, дети выпустили навстречу солнцу сорок шесть белых шаров. И в этот момент до меня дошло, что предсказывало солнце...

* * *

После похорон, в один из солнечных дней, чтобы как-то прийти в себя, я поехал в ту же посадку, но чёрного пёсика не встретил и солнечных бриллиантов не увидел – были и не стало. Видно, пёсик не устерёг.

P.S. Я благодарю поимённо станичников, родню, друзей, коллег журналистов ТВК, разделивших с нами горе.

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

ГВАРДИИ ДЕРЖАВИНИсторический роман
(Продолжение)*Глава 9. Самозванец*

В середине июля, простившись с матерью, Державин отбыл в низовья Волги. Ничего не предвещало беды. Губернатор фон Брант уверял, что в Казань бунтовщики не войдут. В ближайшее время они будут уничтожены стремительно приближающейся армией Михельсона. Кроме того, город имел собственный гарнизон, способный дать отпор самозванцу. Фон Брант насмехался над помещиками, которые в страхе покидали насиженные места, и посылал императрице остроумные письма о "неописанной робости" местных чиновников.

Но на деле всё вышло по-другому. Михельсон задержался в пути, сражаясь с войсками бесстрашного Салавата Юлаева, а потом ему пришлось метаться в поисках переправы через Каму, так как все мосты были сожжены отступающими башкирами.

Подойдя вплотную к стенам Казани, Пугачёв послал в город парламентёров с предложением мира на его условиях, но посланники вернулись ни с чем. Тогда "царь" двинул своё войско на штурм.

Казанский гарнизон, состоявший в основном из пожилых ополченцев, укрылся в засаде за стенами Кремля. Там же, под его защитой поселились множество горожан, рассчитывая таким образом продержаться до прихода императорских войск.

Фёкла Андреевна Державина осталась в своём старом домишке, покорившись Божьей воле. Старухи-странницы, снимавшие у неё жильё, давно куда-то исчезли, не заплатив за проживание. Отдалённые залпы вскоре сменились дикими воинственными криками воинов пугачёвской орды.

В дом Фёклы Андреевны ввалились несколько громкоголосых башкир, которые, хохоча, стали шарить по шкафам и комодам, сваливая в мешки всё, что им казалось ценным. Двое из них, схватив хозяйку под руки, потащили её на городскую площадь. Там уже собралась большая толпа арестованных женщин и стариков, которых сторожили мятежники. Продержав пленников несколько часов под солнцем, охранники построили их в колонну и погнали пешком за семь верст от Казани, где находился стан Пугачёва. Там их поставили на колени перед богатым шатром и объявили, что сейчас к ним выйдет государь Пётр Фёдорович и будет принимать у них присягу на верность. А кто не желает признать законного государя, тот будет немедленно предан смерти.

Женщины заголосили, но в это время прискакал взмыленный верховой и, спешившись, решительно вошёл в шатёр. Не прошло и пяти минут, как циновка в шатре отодвинулась, и взорам пленников предстал хмурый мужичина в дорогом кафтане, коренастый и крепкий, как старый дуб. Чёрные волосы, чёрная борода и лохматые брови, ни дать ни взять – дьявол во плоти!

– Это что ещё за представление? – грозно спросил он, взглянув на толпу пленников.

Кто-то из казаков подскочил к нему и объяснил, кланяясь подобострастно:

– Ваши новые подданные, государь! Явились принести вам присягу на верность.

– Гони их в шею! Михельсон в пяти верстах!

Пленников тут же подняли и велели возвращаться домой, кто как сумеет. Вскоре загрохотали пушки, и началось то знаменитое сражение под Казанью, которое впоследствии переломило ход пугачёвской войны. Вздрагивая от залпов, окольными путями измученная Фёкла Андреевна еле добралась в разорённый дом. Упала на кровать, но заснуть так и не смогла... До утра молилась под гром канонады, от которого дребезжали стекла в окнах и сотрясались стены ветхого дома.

Бои продолжались два дня, а на третий всё стихло. Полчища бунтовщиков были повержены и бежали в беспорядке. Пугачёву удалось собрать небольшой отряд, с которым он ушёл вниз по Волге.

Казань ликовала:

– Пугачёв разбит! Победа!

Но до победы было ещё далеко...

* * *

Татары называли это местечко Малык, что значит "Золотое дно". В давние времена здесь были возведены высокие курганы с богатыми захоронениями. Павших в бою воинов хоронили с почестями, украшали золотыми кольцами и гривнами, снабжали драгоценной посудой и оружием в золотых ножнах, усыпанных самоцветами. Но спустя столетия могильники были разорены поселившимися тут раскольниками, и богатство Золотой Орды пошло на возведение скитов и на нужды их обитателей.

Посылая Державина в Малыковку, командующий дал ему отряд казаков из своей кавалерии да немного денег, чтобы нанять рекрутов среди местного населения.

Комендант малыковской крепости, капитан Фёдор Осипович Круглов встретил Державина, как ангела-хранителя.

– Слава Богу, дождались подмоги! – его рябое лицо, усеянное мелкими морщинками, выражало неподдельный восторг. Но, узнав численность "подмоги", Круглов загрустил: – Не могу постигнуть, о чём думает начальство? Мыслимо ли отстоять крепость с такими малыми силами? Говорят, Оренбург и Саратов захвачены самозванцем?

– Саратов освобождён, – коротко сообщил Державин. – Думаю, что генеральное сражение недалеко, тогда и разгромим супостата!

Капитан тревожно взглянул на Державина.

– А ну, как лиходеёв со своими подельниками задумает отступить в Малыковку?

Державин распрямил плечи, и сказал уверенно:

– А мы-то с вами на что? Надо будет – примем бой!

– О чём речь, господин поручик! Трусить не станем, умрем в бою, как один! Да что толку от нашей смерти, если злодей останется жив? Не обессудьте, ваше благородие, у меня лишь горстка солдат-инвалидов, а у вас – потрепанный казачий разъезд! Как будем Малыковку защищать?

– Выше голову, капитан! Через денек-другой нанебм людей и создадим собственную гвардию!

– Да тут одни калмыки остались...

Державин улыбнулся.

– А калмыки, по-вашему, не люди?

* * *

На следующее утро Державин отдал распоряжение собрать калмыков на крепостной площади и, заставив их с полчасца подождать и потопиться в неведении, прискакал к ним в парадном мундире на белом коне. Окинув взглядом их настороженные и, надо признаться, враждебные лица, он смело выехал на середину и остановился от них в десяти шагах.

– Здорово, братцы! Государя Петра Фёдоровича ждёте? Кто вам сказал, что он жив? Одиннадцать лет минуло после его смерти! Откуда он взялся? Но ежели он и впрямь оказался жив, то разве пришёл бы к казакам просить помощи? У него есть отечество, Голштиния, и свойственник – король Прусский, силу которого вы знаете. Стыдно вам, калмыкам, слушаться мужичка беглого с Дона, казака Емельки Пугачева, и почитать его за царя! Он хуже вас всех, потому что он – разбойник, а вы всегда были и есть люди честные!

Державин ещё немало говорил в том же духе, чувствуя, что с каждой минутой напряжённые лица калмыков светлеют, а в глазах появляются решимость и сочувствие. Видно, давно с ними никто не говорил, как с равными, и привыкли они к другому обращению. После пламенной речи Державина многие юноши из калмыцких посёлков добровольно вступили в Малыковский гарнизон со своими конями и оружием.

Но на этом Державин не остановился. С помощью Серебрякова, старожилы здешних мест, он нантербовал с десяток лазутчиков, чтобы те держали его в курсе событий в районе Большого и Малого Иргиза. Именно здесь в декабре 1772 года Пугачёв был арестован за крамольные речи среди местных жителей, бит батогами, посажен в тюрьму, а потом отправлен в железках в Казань. Но через полгода ему удалось бежать. Вскоре он снова объявился на Иргизе, в Средне-Никольском старообрядческом монастыре, где настоятель Филарет провозгласил его царём Петром III и благословил "идти на царство".

Державину пришла отчаянная мысль – внедрить одного из своих лазутчиков в Средне-Никольский скит под видом монаха-старовера. Он мог бы многое узнать о планах и ближайших соратниках самозванца и о том, куда бунтовщики собираются бежать в случае поражения. Но где найти такого "старообрядца"? И как завербовать?

Однажды, обедая в доме коменданта Круглова в компании с Иваном Серебряковым и Вацлавом Новаком, Державин поделился с ними своими мыслями.

– Лазутчику не обязательно быть монахом, – возразил комендант. – В скитах часто останавливаются иноземцы из Европы. С ними у староверов самая тесная связь. Можно подослать немца-колониста, их много на Волге.

– Всё так, Фёдор Осипович... Но где найти верного человека?

– И почему обязательно немца? – вмешался в разговор Вацлав. – Он может быть поляком!

Все трое разом невольно уставились на ординарца. Тот встал, не скрывая волнения, но исполненный решимости.

– Поверьте, панове, лучше меня вам никого не сыскать. Но навязываться не буду – вы имеете право не доверять мне...

Державин подошёл к Вацлаву и положил ему руку на плечо.

– Друг мой! Свою преданность вы уже доказали. Но дело, на которое вы собираетесь пойти, крайне опасно. Вам придется рисковать жизнью.

Поляк горделиво вскинул голову:

– А в чём опасность? Представлюсь, как конфедерат, бежавший из плена, и попрошусь на службу писарем. Дело мне знакомое. Ну, а если раскроют... приму смерть, как шляхтич!

Державин почувствовал комок в горле. Безудержная храбрость, доходящая до самозабвения, всегда вызывала у поэта восторженное чувство. Он прошёлся по комнате, потом обратился к Серебрякову:

– Вы давно живёте в этих краях и знакомы со старообрядцами. Как, по-вашему, могут ли они поверить Вацлаву?

В отличие от Державина, тот не был настроен столь романтично.

– По всему видно, что ваш друг Вацлав – смельчак хоть куда, да только многого не знает... Как он представится староверам? – он усмехнулся и передразнил: – "Здравствуйте, я – поляк, возьмите меня писарем!" – "Ах, писарем? Проще пана! Давно вас ждали!". Не всё так просто... Обитель староверов – неприступная крепость. Мышь не проскочит!

Пристально взглянув на него, Вацлав ответил с иронией:

– У древнегреческого царя Филиппа есть славное изречение: "Там, где мышь не проскочит, войдет осёл, нагруженный золотом".

Все рассмеялись. Потом разом оживленно заговорили и заспорили. Действительно, был только один верный способ проникнуть в скит: привезти с собой щедрые дары. Во все времена деньги решают всё! Только где их взять?

Комендант почесал в затылке, кликнул денщика и велел ему позвать малыковского казначея Василия Тишина. Вскоре явился худенький молодой чиновник с ясными умными глазами, тщательно причёсанный, в аккуратном форменном сюртучке. Он учтиво поклонился, обводя глазами незнакомых людей.

– Проходи, Василий, – деловито заговорил комендант. – К нам гости пожаловали от самого генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова. У них до тебя дело есть.

– Слушаю со вниманием, – казначей поклонился Державину, безошибочно угадав в нём начальство.

Державин усадил Тишина за стол и предложил разделить с ними трапезу. Поговорив о том, о сём, он без лишних подробностей объяснил, что для выполнения некоего секретного задания им требуется десять тысяч рублей золотом.

К его удивлению, робкий и скромный Тишин вдруг сделался твёрже стали и решительно объявил, что денег не даст, ибо не уполномочен лично распоряжаться казной. Мол, ни комендант Круглов, ни поручик Державин, ни даже генерал-аншеф Бибиков для него не указ, и у него один начальник – губернатор Петр Никитич Кречетников. Только перед ним ему отчитываться, и пока губернатор самостоятельно не отдаст письменный приказ выдать поляку означенную сумму, тот не получит ни гроша.

– А может статься, малыковская казна пуста? – насмешливо спросил Державин.

– Сие – государственная тайна!

– Да есть у нас деньги! Есть! – комендант опрокинул в рот рюмку вишнёвой наливки, бацнул кулаком по столу и вонзил возмущенный взгляд в казначея. – Али забыл, Василий, как из Саратова нам привезли кованый сундук, полный золотых монет?

– От саратовского архимандрита?! – воскликнул Державин.

– Так точно, господин поручик! По приказу его святейшества, сундук тайно вывезли к нам, в Малыковку. Тишин сосчитал всё до копейки и зачислил в казну. Архимандрита уже нет в живых... Почему бы нам не потратить хоть часть тех денег?

Но напрасно комендант битый час уговаривал казначея отсыпать Вацлаву золотишка для проведения разведывательной операции, напрасно Державин пустил в ход своё непревзойденное искусство красноречия, всегда помогавшее ему в трудную минуту. Тишин оставался непоколебим.

– Я не имею права разбазаривать казну! – упрямо твердил он в ответ.

Дело явно заходило в тупик. Но когда уже все выбились из сил, любитель идей и прожектов Иван Серебряков предложил отправить в Саратов гонца с письмом Кречетникову, дабы тот дал разрешение воспользоваться казёнными деньгами.

На том и порешили. Не теряя времени, Державин потребовал перо и бумагу и тут же без единой помарки начертал губернатору письмо с просьбой разрешить Тишину выдать десять тысяч рублей на нужды разведки. Для пущей важности подписался так: "Офицер по особым поручениям его превосходительства генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова, лейб-гвардии поручик Гавриил Державин". И запечатал конверт личной печатью члена Следственной комиссии.

Осталось выбрать курьера. Вацлав тут же предложил свою кандидатуру.

– Губернатор знает меня в лицо, ведь он лично благодарил меня, когда...

Он смутился и замолчал.

– Когда вы спасли мне жизнь! – с улыбкой закончил Державин. – Я помню об этом, друг мой, и слишком дорожу вами, чтобы позволить отправиться в опасное путешествие.

– О, пан Гавриил! Мне легче рискнуть жизнью, чем пребывать в бездействии!

Державин и сам хорошо знал неугомонный характер своего ординарца. Если что задумал – удерживать трудно. Поэтому, посоветовавшись с капитаном Кругловым, скрепя сердце, дал согласие.

На следующее утро Вацлав усакал в Саратов. Жизнь пошла своим чередом. Серебряков отправился на берег Большого Иргиза, где у него был рыбный промысел. Порой, в удачный год он зарабатывал до пяти тысяч рублей, поставляя в Москву и Петербург икру, осетрину, белужину и особо любимую при екатерининском дворе белорыбицу.

Державин и капитан Круглов занимались военными делами: осматривали крепостные стены и водяные рвы, проводили учения новобранцев...

В эти дни Гавриил Романович неожиданно для себя сдружился с казначеем Василием Тишиным. Поэт не был злопамятен и не дулся на него, понимая, что казначей поступал так, как велел ему долг службы. К тому же Тишин оказался выпускником Казанской гимназии, хорошо знал Михаила Ивановича Верёвкина и других преподавателей, у которых когда-то учился Державин.

В доме Тишина пахло пирогами и было весело от детского смеха. Молодую жену казначея, Фросянку, нельзя было назвать писаной красавицей, но она была так мила, что при взгляде на неё таяло сердце. Всё спорилось в её руках, всё делалось словно само собой, с неизменной улыбкой, без суеты и шума.

Как-то раз Державин ужинал у Тишиных, читал стихи, играл с детьми – трёхлетней Алёнкой и годовалым Лёвушкой. Душа его теплела и отдыхала в уютном семейном гнезде. "Почему я лишён такого счастья? – думал Гавриил Романович. – Уже тридцать стукнуло, а у меня ни жены, ни детей, ни своего угла...". Вспомнилось, как однажды он взял на руки дочь камергера Бастидона, а та обвила ручонками его шею. Дом, жена, дети... Может быть, он сделал ошибку, отказавшись от предложения Нины Удоловой? Жил бы сейчас припеваючи в Петербурге под крылышком заботливой женщины, глядишь, и детишки бы народились... Но нет! Натура поэта требовала возвышенных чувств, а к Нине он ничего подобного не испытывал.

Его невольная грусть не укрылась от хозяйки дома. Каким-то непостижимым чутьём она догадалась, о чём он думает. Поставив перед ним чашку ароматного чая, Фрося сказала ласково:

– Не печальтесь, Гавриил Романович! Всё у вас впереди! Вот одолеем супостата и погуляем на вашей свадьбе!

Державин не успел ответить. В это мгновение с плаца послышался тревожный сигнал трубы. Военные учения? Но нет... В горницу вбежал запыхавшийся вестовой от капитана Круглова, и, вытянувшись перед Державиным, выпалил:

– Ваше благородие! Господин комендант приказали доложить... Пугачёв ведёт казаков на Малыковку!

Державин встал. Хладнокровно и привычно опоясался саблей.

– Откуда сведения?

– Ваш ординарец Вацлав Новак только что примчался из Саратова. Говорит, что опередил бунтовщиков не более, чем на час.

– Понял. Иду!

Затем повернулся к казначею:

– Василий! Детей надо спрятать! Оденьте их попроще, чтоб сошли за бедных, да отведите в крестьянскую семью.

Фрося в ужасе замотала головой:

– Нет! Я с ними... Мы вместе...

– Делай, что сказано! – строго прервал её Василий. – А я пока лошадей запрягу, да казну погружу в телегу. Не доставаться же ей самозванцу! Есть у меня на примете одно местечко...

Переодев детей в старьё, Фрося увела их к соседям, а когда вернулась, тяжёлый сундук с помощью Державина был погружен в телегу. Всё было готово к отъезду. Тишин порывисто обнял жену и усадил возле себя на облучке.

– С Богом! – махнул им рукой Державин.

* * *

На крепостном плацу Малыковки были собраны оборонительные силы. Единственная пушка, горстка пожилых солдат, отряд казаков, прибывших с Державиным из Казани, да сотня калмыков, сидящих в сёдлах возле ворот – вот и весь гарнизон. В свете луны и горящих факелов всё вокруг приобретало зловещие очертания.

Державин подъехал к коменданту.

– Плохи дела, – вздохнул Круглов. – Вместо того, чтобы отсидеться у староверов, Пугачёв идёт на Малыковку. Как будто заранее знал, что нам нечем обороняться.

– Где Вацлав?

Комендант развел руками, оглядываясь.

– Только что был здесь... Да вот он! Глядите!

Вдали, в свете факелов, перед строем калмыков гарцевал на боевом коне Вацлав Новак. В ночи раздавался его звонкий высокий голос:

– Слушайте меня, братья! Его величество Пётр Третий ведёт своё войско на Малыковку. Он наш народный царь! Караёт дворян и богатеёв, а бедняков-калмыков жалуёт землёй и волей! Вам не придётся гнуть спину на баев или работать вместе с мужиками на уральских заводах! Вступайте под знамёна законного царя, и будет вам милость! А непокорным – смерть!

Не веря своим ушам, Державин замер, как громом поражённый.

– Что он говорит? – прошептал он помертвевшими губами, а потом, опомнившись, воскликнул в ярости:

– Предатель!

Вацлав оглянулся, и, увидев Державина, расхохотался. В этот момент позади крепостной стены послышались ружейные выстрелы, конское ржанье, топот и выкрики. Навалившись на тяжёлый засов, калмыки открыли ворота, и на плац хлынул поток разношёрстного пугачёвского войска: казаки с саблями наголо, крестьяне с топорами, башкиры с луками и колчанами стрел.

– Огонь! – скомандовал капитан Круглов.

Грохнула пушка, но ядро, не долетев, лишь раззадорило бунтовщиков. С диким воем они ринулись в Малыковку, сметая всё на своём пути. В несколько мгновений был уничтожен крошечный гарнизон. Возле пушки, в луже крови лежал сражённый саблей Фёдор Круглов...

Державин оглянулся на казаков из своего отряда. Бросив оружие, те покорно стояли на коленях возле крепостных ворот, в ожидании "ампиратора". На площадь стекался простой народ, бабы несли хлеб-соль. Отовсюду слышались радостные возгласы:

– Дождались царя-батюшку нашего, Петра Фёдоровича!

– Он нас не оставит милостью своей!

Напрасно Державин метался на коне от калмыков к казакам и обратно, уговаривая, угрожая, вразумляя... Никто его не слушал. Все глядели на ворота, откуда должен был появиться самозванец.

Вдруг с колокольни церквушки послышался надтреснутый звон. Толпа вздрогнула и заголосила.

– Царь едет! Царь!!!

– Слава отцу нашему!

– Да какой царь? Это Емелька Пугачёв!

– Молчи, вражина!

В крепостные ворота торжественно въехал отряд яицких казаков с пылающими факелами в руках. В центре, на вороном коне, в высокой собольей шапке и нарядном кафтане, обшитом золотым галуном, ехал бородатый бровастый мужик, насторожённо поглядывая вокруг пронзительными чёрными глазами, сверкающими в свете факелов.

"Царский эскорт" остановился посреди площади.

– Спаси вас Бог, дети мои! – раздался зычный голос. – Я есмь ваш законный император Пётр Фёдорович! Слушайтесь меня, служите верно, и я отвечу добром за добро. А вашим угнетателям обещаю смерть лютую!

Он ещё некоторое время говорил что-то в том же духе, видно, не раз приходилось ему произносить перед народом подобные речи. Но вдруг к нему подъехал щеголеватый всадник в красном доломане и шапке, отороченной серебристой лисой. Это был не кто иной, как Вацлав Новак.

Пугачёв поднял лохматые брови, но разглядев всадника, милостиво спросил, что ему нужно.

– Великий государь! – приложив руку к сердцу, произнёс Вацлав. – Боюсь, что не все ваши подданные чистосердечно рады прибытию вашего величества.

– Ты почто клеветашь на мой народ?! – вспыхнул Пугачёв. – Кто мне не рад?

Поляк указал перстом на Державина, сидящего на коне в нескольких шагах от самозванца, и воскликнул звонко, отчетливо, чтобы все услышали:

– Вот он! Извольте взглянуть, государь! Сей офицер – вражеский лазутчик Гавриил Державин, подосланный в Малыковку генералом Бибиковым, чтобы захватить ваше величество в плен!

– Иуда! – презрительно бросил Державин. – Клялся в верности, а сам привёл супостата!

– Пся крив! – голос Вацлава дрожал от ненависти. – Клятву верности я давал моей несчастной Польше, которую вы, русские, унизили и подчинили себе. Ты – мой враг во веки веков! Твоё место на виселице!

Звенящая тишина на площади сменилась воинственными возгласами малыковских мужиков:

– Смерть его благородию!

– В петлю его!

Но случилось то, чего никто не ждал. Державин вдруг вонзил шпоры в бока своего коня и, пустив его вскачь, ринулся в распахнутые крепостные ворота.

– Догнать! – рывкнул Пугачёв. – Схватить! Живым или мёртвым!

Выхватив пику у одного из казаков, "царь" в порыве азарта первым пустился в погоню за дерзким всадником. За ним поскакала его свита. В лунном свете они мчались, как демоны, оглашая волжскую степь диким гиканьем и свистом.

Державин отлично ездил верхом. Хотя он не служил в кавалерии, но с детства привык всему упорно учиться и всё делать на совесть. Поэтому и уроки верховой езды в манеже Преображенского полка были усвоены им на высший балл. Улучив момент, он выхватил пистолет и оглянулся. Его глаза встретились со свирепыми глазами Пугачёва, который, опередив казаков, мчался за ним, потрясая пикой. Ещё мгновение – и пика, посланная его могучей рукой, словно чёрная молния, промелькнула в воздухе!

Но Бог уберег, смертельное оружие лишь чиркнуло по плечу. Державин сумел удержаться в седле, а его конь неся, как ветер, не сбавляя хода. Сгоряча не почувствовав боли, дерзкий поручик снова оглянулся на самозванца и на полном скаку выстрелил.

Конь Пугачёва, заржав, кувыркнулся и грянул оземь, подмяв под себя всадника. Прискакавшие казаки спешили, кинулись к своему атаману и принялись вытаскивать его из-под сражённого животного, толкаясь, сквернословя и мешая друг другу. Перекрывая общий гвалт, раздавался визгливый голос Вацлава:

– Гей, гей! Он уходит! В погоню!

Но никто не стал догонять Державина. Пустив коня в галоп, он уходил от своих преследователей всё дальше и дальше, пока не скрылся за холмом...

* * *

Была глубокая ночь, когда Державин и его измученный, покрытый хлопьями пены конь из последних сил брели по безлюдной дороге. Остаться на ночлег под открытым небом было рискованно: по степи в поисках добычи рыскали не только волки, но и ватаги башкир, калмыков и киргизкайсаков. Не менее опасно было попроситься на ночлег в одну из деревенских изб, огни которых мелькали неподалёку: вместо помощи его запросто могли убить или выдать бунтовщикам.

Но, слава Богу, вскоре горизонт окрасился розово-золотыми лучами восходящего солнца. Ведя коня под уздцы, Державин вдруг услышал бодрый топот копыт. Из-за холма вынесся кавалерийский отряд, возглавляемый худеньким генералом в треуголке с буклями. Сердце Державина дрогнуло и затрепетало от радости. У него уже не было сил что-либо крикнуть, он просто стоял и ждал посреди дороги, рискуя быть сбитым с ног.

Командир остановил отряд и жестом приказал Державину приблизиться:

– Кто таков?

Тот шагнул ему навстречу и покачнулся, едва удержавшись на ногах. Хотел сказать: "Гвардии поручик Державин", но от слабости ненароком пробормотал:

– Гвардии Державин...

– Хорошее звание! – усмехнулся генерал. – Вы ранены?

– Никак нет...

– У вас плечо в крови!

– Ваше превосходительство... Умоляю, выслушайте меня... – он снова пошатнулся, ухватившись за стремя генеральского коня.

– Вам плохо? Сержант, помогите ему!

– Господин генерал... Пугачёв с отрядом яицких казаков взял Малыковку. Он гнался за мной, потом отстал. Мне удалось подстрелить его лошадь и уйти...

Больше ему ничего не удалось сказать. Небо вдруг померкло, земля стала дыбом, и он полетел во тьму. Последнее, что он слышал, падая: "Эй, братцы! Отнесите его в санитарную кибитку!".

* * *

Державин очнулся в светлой комнате на походной койке. Солдат, дежуривший возле него, вскочил и воскликнул радостно:

– Слава Богу, ваше благородие! Шутка ли? Спали двое суток!

– Где я?

– В саратовском лазарете. Как самочувствие, господин поручик?

– Рука болит...

– Благодарите Бога, что живы! Дозвольте, я за доктором сбегаю: велел тотчас позвать, как откроете глаза!

К удивлению Державина, лекарем оказался старый знакомый, Вильгельм Франке, который когда-то пичкал его порошками и микстурами.

Теперь Державин догадался, что нападение на него охранников и спасение его Вацлавом Новом – всего лишь спектакль, разыгранный коварным поляком, чтобы войти в доверие к офицеру Следственной комиссии.

– Я всегда считал Вацлава проходимцем, – ворчал герр Франке, меняя повязку на плече Державина, – и удивлялся, зачем вы приблизили его к себе? Тоже мне, спаситель! Даже не дал мне возможности закончить лечение. Сорвал вас, ещё слабого, прямо с больничной койки... Надеюсь, Гавриил Романович, теперь ничего подобного не случится!

– А как я попал к вам?

– Вас доставили санитары из полка генерал-поручика Александра Васильевича Суворова.

При этом имени Державин, который до сих пор стойко переносил болезненную перевязку, невольно охнул.

– Больно? – забеспокоился лекарь. – Рана глубокая, но, надеюсь, скоро заживёт.

– Причём тут рана! Доктор, я не ослышался? Значит, это был Суворов?! Почему мне раньше об этом не сказали?

– Mein Gott!* Да потому, что вы спали, как убитый!

– Суворов... – повторил Державин и вдруг стал подниматься. – Доктор, где мой мундир? Я должен немедленно явиться к генералу и лично поблагодарить за спасение!

Герр Франке досадливо хлопнул себя по коленке.

– Halt still!** Куда вы собрались? Суворов уже далеко, он бросился на поиски Пугачёва!

Державин без сил откинул голову на подушку.

– Надеюсь, злодей от него не уйдёт! А что слышно о генерал-аншефе Бибикове?

Доктор не ответил, нахмурился и стал озабочено поправлять только что законченную перевязку. Почуввав неладное, поручик нетерпеливо повторил свой вопрос. Герр Франке тяжело вздохнул и долго тянул паузу.

– Вынужден сообщить вам скорбную весть... Александр Ильич неделю назад скончался.

Державин вздрогнул и застыл, глядя на врача, словно не понимая смысла услышанных слов. Франке сочувственно развел руками.

– Простите, Гавриил Романович, но генерал-аншеф страдал от неизлечимой болезни сердца. Я сам присутствовал на консилиуме. Ничего нельзя было сделать. Он был, как мы, медики, говорим: "Spirans cadaver" – дышащий труп.

– Да нет же! – в отчаянии воскликнул Державин. – У него, наверное, кончилось лекарство! Оно ему всегда помогало! Я сам видел, как он принимал какие-то порошки...

Врач печально покачал головой.

– К сожалению, никакое лекарство уже не могло ему помочь. Вскрытие показало, что его сердце было изношено настолько, что напоминало ветхую тряпочку.

Державин отвернулся, чтобы скрыть слезы... Бибиков был для него не только командиром, но старшим другом. Несмотря на разницу в возрасте и положении, между ними существовала некая незримая духовная связь. Всегда деловитый и энергичный, всегда дружелюбный и заботливый... Неужели его больше нет?

* * *

Как мучительна эта боль! Наверное, герр Франке слишком туго стянул повязку. Державин машинально делает движение, чтобы снять её, но, видя испуганные глаза врача, останавливается и со стоном проводит ладонью по глазам.

– Вам дурно? – как сквозь вату, доносится до него тревожный голос Франке.

– Сейчас пройдёт...

– Я принесу вам успокоительную микстуру.

– Нет, доктор... Принесите лучше перо и бумагу!

* * *

Когда на прикроватном столике появился чернильный прибор, Державин попросил оставить его одного. Боль не отпускала, и её нужно было поскорей излить на бумагу. Он инстинктивно чувствовал, что только это может ему помочь. Устроившись за столом, он положил перед собой лист бумаги, обмакнул в чернила перо и стал торопливо записывать слова, которые теснились в голове, терзая её острыми иглами...

Тебя ль оплакивать я должен?

О Бибиков, какой удар!

.....

Едва успел тебя познати,

Уже лишился роком лютым!

Погиб с печали разум мой.

Когда твои доброты вспомню,

Сердечны разверзаю раны...

И вновь терплю твою я смерть...

Он писал левой рукой, коряво и криво, и стихи тоже получались корявые, словно топором рубленные. В какой-то момент Державин заметил, что пишет без единой рифмы. Остановился, хотел исправить... но понял, что изящные созвучия неуместны в этой оде скорби. Её погребальный стих был тяжёл, но исполнен подлинного чувства.

Не показать моё искусство,
Я здесь теперь пишу стихи.
И рифм в печальном слогe нет здесь...
Пуcкай о том и все узнают:
Я сделал мавзолей сим вечный
Из горьких слов моих тебе.

Дописав последние строки, Державин почувствовал некоторое успокоение. Боль в душе хоть и не прошла, но слегка утихла. Он перечёл свои стихи, не вполне уверенный, что их можно назвать стихами, и сверху поставил: "На смерть генерал-аншефа Бибикова". Пусть нет рифм, пусть неправильные стопы и скопление согласных... Ни единого слова он менять не будет! "Кудряво в горести никто не говорит"... Откуда это? Кажется, из Сумарокова. Державину вдруг вспомнилось, как однажды генерал-аншеф тепло обратился к нему по имени: "Что скажешь об этом, Ганя?".

Тихие слова прошелестели в воздухе, словно принесённые ветром...

* Mein Gott! – Боже мой! (нем.)

** Halt still! – Остановитесь! (нем.)

Глава 10. Окончание войны

На должность главнокомандующего правительственных войск был назначен граф Пётр Иванович Панин – младший брат императорского канцлера Никиты Панина. Они были очень похожи внешне. Но в отличие от изворотливого брата-дипломата, Пётр слыл грубияном, характер имел тщеславный и своенравный, придворные политесы презирал и был убеждён, что добиться успеха можно только решительностью и напором.

Покойного генерал-аншефа Бибикова он не любил, втайне считая соперником в военной карьере. Своё назначение он принял без особой радости – должность досталась ему словно в наследство.

Тем временем Державин покинул лазарет. Рана на руке затянулась, но душевная рана ещё долго саднила и ныла. Через несколько дней он получил из Симбирска предписание прибыть к новому командующему, как только будет готов к дальнейшему прохождению службы. Отблагодарив врача, поручик на другой же день выехал в Симбирск, где в то время находился главный штаб правительственных войск.

Дорога заняла не более суток. На почтовых станциях к гвардейскому офицеру все относились с почтением, совсем не так, как в начале войны. Станционные смотрители давали ему лошадей без очереди, а томившиеся в ожидании пассажиры не возражали, понимая, что такова военная необходимость. По этим и по некоторым другим признакам можно было сделать вывод, что в войне наступил перелом, и недалёк тот день, когда Поволжье и Урал вернутся к мирной жизни. Многие из тех, кто поначалу сочувствовал самозванцу и верил в его великую миссию освободителя, так натерпелись от его "благодетельств", что теперь мечтали лишь об одном: чтобы освободитель был поскорее пойман и предан суду.

Прибыв в Симбирск, Державин, не теряя времени, явился в штаб к главнокомандующему Петру Панину, готовый получить от него поручения. Дежурный адъютант встретил его в приёмной с ледяной вежливостью и тут же скрылся за дверью кабинета. Вернувшись, учтиво предложил подождать минут пять. Державин принял слова "пять минут" дословно и стал прохаживаться у двери, не садясь в предложенное кресло. Но через полчаса ожидания, всё-таки сел: голова закружилась, сказывалась слабость от потери крови.

Прошло около часа, прежде чем в кабинете Панина звякнул колокольчик. Адъютант вскочил, рванул к начальнику, и вскоре Державин услышал из-за двери небрежное: "Он ещё здесь? Ладно, приму!".

Обида кольнула сердце. Разве он добивался этой аудиенции? Разве явился не по личному приказанию самого Панина? Никогда Бибилов не заставлял его ждать в приёмной, всегда принимал радушно, как родного и называл "мой герой".

Но десять лет солдатчины приучили его скрывать личные чувства и во всём строго следовать артикулу. Так было легче переносить тяготы военной службы и усмирять бури душевные.

Войдя в кабинет, Державин увидел двух генералов. Один из них, весьма упитанный, в новеньком мундире при полных регалиях и в тщательно завитом парике сидел за массивным письменным столом и что-то торопливо строчил, брызгая чернилами. Другой – худощавый, без парика, лысоватый со лба, сидел поодаль в кресле. Державин вскинул руку к треуголке:

– Господа генералы, имею честь прибыть в ваше распоряжение! Гвардии поручик Гавриил Державин!

Тот, кто сидел за столом, нетерпеливо махнул рукой:

– Тише! Не на параде! Пфе... Быстро прискакал, поручик! От Пугачёва удирал? Шкуру свою спасал? Молчишь? А ведь я всё знаю про тебя! Решил стяжать себе славу – Пугачёва поймать! Ну и как, поймал?

Не готовый к столь грубому тону, Державин на мгновение опешил.

– Ваше превосходительство! Я и не предполагал ловить Пугачёва самолично. Главнокомандующий Бибииков лишь поручил мне...

Он замолчал, почувствовав, что упоминание о Бибиикове вызвало неудовольствие начальства.

– Вы, наверное, хотели сказать "покойный главнокомандующий"? Войсками её императорского величества ныне командуя я, генерал-аншеф Панин! Впрочем, откуда вам это знать, коли вы отсиживали зад в Малыковке?

– Ваше превосходительство! По роду службы я состоял в Следственной комиссии и выполнял личные поручения генерал-аншефа.

Панин саркастически усмехнулся.

– Даже не спрашиваю, какие! Отныне сие ведомство переходит под начало Павла Сергеевича Потёмкина. Слыхали о таком?

– Верно, кузен Григория Александровича?

Панин не ответил, усмехнулся и обратился к лысому генералу, внимательно слушавшему разговор.

– Заметьте, Иван Иванович, как осведомлены обо всём наши разведчики! – он помолчал задумчиво, потом снова обратился к Державину:

– Поскольку, поручик, вы обо всём и обо всех наслышаны, то, видимо, должны знать и моего гостя?

Державин никогда не видел этого лысого генерала, которого Панин назвал Иваном Ивановичем... И вдруг в памяти пронеслись слова Бибиикова, произнесённые в Казани, в начале войны: "Эх, если бы прислали Ивана Ивановича Михельсона, моего старого друга..."

И он решил рискнуть.

– Разумеется, знаю, ваше превосходительство! Кто же не знает прославленного полководца, генерала Михельсона?

Панин крикнул, как утка, и рассмеялся. Раздражение, вызванное появлением Державина, слывшего правой рукой Бибиикова, стало угасать. "И впрямь толковый офицер", – подумал генерал-аншеф.

Он стал прохаживаться по кабинету, потирая лоб, словно обдумывая что-то. Потом остановился и спросил доверительно, понизив голос:

– Послушай, любезный друг мой, раз ты всё и всех знаешь, стало быть, сможешь опознать и Емельку?

Державин вздрогнул. Вот этого он не ожидал услышать! Неужели Пугачёв пойман? А Панин продолжил насмешливо:

– Ну, чего дрожишь? Или при одном имени злодея струсил? Или харю его не разглядел, пока драпал от него из Малыковки?

Не обращая внимания на хамство и издевательские намёки, Державин думал лишь об одном: кто смог выполнить то, что составляло главную цель его операции? Неужели...

– Суворов! – словно в ответ на его размышления, негромко сказал генерал Михельсон. – Вот кому достанется слава победителя Пугачёва...

Панин, сокрушаясь, покивал:

– Слава – дама капризная, Иван Иванович, и часто несправедливая. Кто-то воевал, проливал кровь, окружал и обращал в бегство вражескую армию. А кто-то пришёл на готовенькое и без труда захватил лиходея. Но делать нечего, раз поймал – пусть сам и везёт Емельку в Москву! – Панин замолчал, недовольно барабанил пальцами по столу, потом через плечо насмешливо бросил Державину: – Тебе, небось, тоже завидно, а, господин разведчик?

Проскользнувшее слово "тоже", навело на мысль, что Панин сам завидует Суворову, но Державин ответил невозмутимо:

– Никак нет, ваше превосходительство! Самозванец в руках правосудия – вот что главное. А кому именно довелось его поймать, на то воля Божья. Если Господь возложил сие великое дело на Суворова, – значит, счёл его достойнее других.

Панин хмуро сверлил глазами Державина, обдумывая, не содержится ли в его словах некоего нравоучения, но, не найдя ничего предосудительного, криво усмехнулся и сердито потряхнул колокольчиком.

– Емельку ко мне! – приказал он вбежавшему адъютанту.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Все замолчали в томительном ожидании: и агрессивный Панин, и молчаливый Михельсон, и вынужденный обороняться Державин. Так они сидели в ожидании, пока, наконец, в коридоре не раздались грузные шаги, сопровождавшиеся мерным позвякиванием металла: "Дзень... дзень... дзень...".

Шаги приближались, и странный леденящий душу звон становился яснее и громче. У двери на миг всё смолкло. Потом дверь распахнулась, и в кабинет тяжело вошел закованный в кандалы бородастый мужик лет сорока с чёрными глазами, сверкающими из-под косматых бровей. Державин узнал его сразу. Охранники слегка подтолкнули арестанта в спину, и от их лёгкого тычка он вдруг рухнул на колени посреди комнаты.

– Что с тобой, Емелька? Здоров ли? – с притворной озабоченностью спросил Панин.

– Ночи не сплю, ваше сиятельство, всё плачу! – жалобно протянул Пугачёв.

– Ты бы лучше молился! Намедни повезут тебя в Москву. С почётом поедешь, как настоящий царь. Пфе-пфе... Надеюсь, за всё сполна получишь, по заслугам. Молись и уповай на милость государыни. Допрашивать тебя будем завтра, готовься врать складно. А теперь, вон с глаз моих!

Поднимаясь с колен, Пугачёв взглянул на поручика и с ухмылкой подмигнул ему, как старому знакомому. Державин вдруг подумал, что вся эта сцена была разыграна для того, чтобы унижить его, а вместе с ним и всю Следственную комиссию – детище Бибикова.

Когда пленника увели, Панин спросил Державина, узнал ли тот Пугачёва.

– Да, ваше превосходительство. Это он. И поскольку самозванец пойман, моя миссия разведчика потеряла смысл. Смею просить перевести меня в армию!

Но Панин, холодно выслушав его, велел ехать в Казань, где ему надлежало представиться генерал-майору Павлу Сергеевичу Потёмкину, новому начальнику Следственной комиссии, и уже с ним решать все вопросы по службе. Поручик щёлкнул каблуками, повернулся и вышел из кабинета.

* * *

Через два дня пути Державин увидел в подзорную трубу Казань. Его сердце болезненно сжалось: после нашествия пугачёвского войска город был полностью разорён. Всюду дымились пепелища... Но ветхий домик Фёклы Андреевны чудом уцелел, хотя и был разграблен ордой башкир. Казалось, величественный Богоявленский храм, расположенный рядом, незримо взял под своё крыло скромное жилище вдовы.

Фёкла Андреевна с плачем бросилась к сыну и прижалась к его груди. С болью в сердце Державин заметил, как постарела, поседела и словно уменьшилась в размерах его мать.

В доме было чисто прибрано, но совсем пусто. Ни портретов предков на стенах, ни серебряных столовых приборов, ни бронзовых канделябров, ни старинного клавесина, который Фёкла Андреевна вывезла из Сокур... Идеальная чистота – последнее богатство, которым владела его матушка.

Собрав на стол нехитрую снедь и заварив чаю в чугунке (медный самовар унесли башкиры), Фёкла Андреевна рассказала о том, что ей пришлось пережить.

Слушая матушку, Державин не мог удержать слёз. Он и раньше осуждал Пугачёва и ни на минуту не сомневался, что своими преступлениями тот поставил себя вне закона. Но сейчас он ненавидел его глубоко личной ненавистью и искренне жалел, что не довелось ему лично взять в плен супостата.

– Не печалься, моя родная, – сказал он с нежностью. – Всё образуется! Ведь я с тобой!

Утром Державин явился к начальнику Следственной комиссии, генерал-майору Павлу Сергеевичу Потёмкину. Новый командир лицом был неказист, ростом мал, сложением хрупок, и внешне значительно уступал своему знаменитому кузену Григорию, новому фавориту императрицы.

Выслушав рапорт Державина, генерал-майор стал громко сетовать, что Пугачёв был доставлен не к нему, а к Петру Панину.

– Почему вы не сказали Суворову, что Емельку следует привезти в Казань?

– Ваше превосходительство, когда я встретил Суворова на дороге, то даже не знал, кто он. Тем более я не мог предположить, что через три дня он захватит самозванца!

– По долгу службы вы должны всё знать, всё уметь, а также читать чужие мысли и предвидеть будущее! Но если у вас нет оных способностей, не обессудьте... какой же вы разведчик?

Державин было оторопел, но потом понял, что Потёмкин шутит и ответил в тон:

– Господин генерал, многие из перечисленных вами талантов у меня есть. Могу, например, сказать, о чём вы сейчас изволите думать и как поступите в дальнейшем.

Глаза Потёмкина удивленно округлились.

– Любопытно узнать!

– Вы думаете: "Этот офицер, несомненно, умён и храбр. Надобно повысить ему жалование!"

Павел Сергеевич сначала потерял дар речи от такой дерзости, но потом рассмеялся.

– Кажется, я угадал, ваше превосходительство? – спросил Державин.

– Как вам сказать... Я, конечно, не думал об этом, но теперь, после ваших слов, пожалуй, подумаю!

* * *

На службе у Павла Потёмкина Державин не получал никаких секретных поручений. Не потому, что тот ему не доверял, а потому, что генерал-майор не вполне понимал, для чего нужна Следственная комиссия, и командовал своими офицерами, как обычными строевиками. Державин решил это исправить.

Однажды он рассказал Потёмкину о казначее Василии Тишине, который перед самым приходом Пугачёва успел вывезти из Малыковки сундук с подотчётными ему деньгами. Что потом случилось с казначеем и его семьёй, до сих пор неизвестно. Если господину генералу будет угодно послать офицера по особым поручениям в Малыковку, то он может всё разузнать.

– И этот офицер – конечно, вы, господин Державин? – улыбаясь, спросил Потёмкин.

– В вашей воле послать кого угодно, ваше превосходительство, но думаю, что справлюсь с поручением лучше других. Мне прекрасно знакомы эти места!

Генерал был явно заинтригован, но отнюдь не судьбой казначея Тишина и его семьи.

– Как вы думаете, поручик, сколько может быть денег в той казне? – оживился он.

Державин объяснил, что, вероятно, малыковских денег там немного, но в сундуке хранится золото староверов, вывезенное из Саратова.

– И всё же... сколько там?

Державин развёл руками.

– Не могу знать, ваше превосходительство. Одно могу сказать точно: сундук был очень тяжёл. Я сам помогал Тишину грузить его на телегу.

Последний довод решил исход дела. Поутру Державин с небольшим отрядом гусар выехал в Малыковку. Он ещё не знал, какая чудовищная трагедия разыгралась в маленьком волжском городке.

* * *

Когда Пугачёв с отрядом казаков уходил вниз по Волге, его ближайшие соратники не помышляли о заговоре. Они строили планы пробраться к Каспию, а потом уйти на Украину, к запорожцам. Но на берегу Большого Узенья, словно чёрт из табакерки, вдруг снова появился Вацлав Новак. Тайком от Пугачёва он поведаль казачьим старшинам, что война окончена, бунтовщики арестованы и подвергаются жестокому допросам. Их ждёт лютая смерть или, в лучшем случае, пожизненная каторга с клейменением. Есть лишь один способ избежать казни. Какой? А пусть панове сами подумают...

Старшины думали недолго. Той же ночью они набросились на спящего атамана, связали его по рукам и ногам, воткнули в рот кляп и отвезли коменданту Яицкого городка. Как раз в то время туда и прибыл со своим полком Суворов...

Сам Вацлав в захвате Пугачёва участия не принимал, а поскакал в Малыковку, так как его тоже весьма интересовал сундук казначея Тишина.

Около сотни казаков, оставшихся в Малыковской крепости, беспробудно пьянствовали вместе с ошалевшими от свободы и безнаказанности местными жителями. Гуляли с девками, грабили кабаки, лавки и соляные склады.

Своих маленьких детей Тишины спрятали в крестьянской семье, щедро заплатив, а сами с помощью Серебрякова перебрались на лодке на уединенный остров, где у Ивана были расставлены рыболовные садки. День ушёл, чтобы найти подходящее место и зарыть сундук с казной. А потом супруги остались на острове, в рыбацкой хижине, в ожидании, когда мятежники уйдут из Малыковки.

По ночам Иван Серебряков доставлял Тишиным еду и старался в крепости не появляться. До него дошли слухи, что местные мужики грабили, избивали и даже убивали всех зажиточных горожан. Узнал он также и о том, что "царя-батюшку" привёл в Малыковку поляк Вацлав, что в неравном бою пал весь гарнизон вместе с капитаном Кругловым, и только Державину чудом удалось вырваться из крепости. Но жив ли он? Смог ли уйти от погони?

Фрося вся извелась и истосковалась по детям. Как они? Небось, горюют и плачут, оттого, что отец с матерью их бросили! Стала уговаривать мужа вернуться: мол, только повидаемся с детьми, успокоим их, а потом – снова на остров. Никто ничего не узнает! Тишин, наконец, сдался... Дождавшись очередного визита Серебрякова, супруги переправились с ним на берег. Но, выбравшись из лодки, они вдруг с ужасом увидели не менее десятка дюжих казаков, во главе которых, подбоченившись, стоял Вацлав Новак собственной персоной.

– А вот и я! – насмешливо сообщил он, под хохот казаков. – Рады?

– Что вам угодно? – невозмутимо спросил Тишин, заслонив собой жену.

– Вы меня удивляете, пан Василий. Что мне может быть нужно от вас, кроме денег?

Никакого чуда в появлении Вацлава не было. Вернувшись в Малыковку и не найдя Тишина дома, он здраво рассудил, что казначей мог скрываться у Серебрякова и отправился к причалу. Теперь, чувствуя за спиной надёжный тыл, довольный Вацлав не отказал себе в удовольствии покуражиться над несчастными людьми, и с ухмылкой обратился к Ивану Серебрякову:

– Благодарю, мой друг, что рассказал мне, где скрывается беглый казначей. Теперь остаётся только найти казну!

От подлого навета Серебряков в гневе отшатнулся.

– Ложь! Не верь предателю, Василий! Это он привёл бунтовщиков, предал Державина и всех нас!

Тишин не ответил. Он даже не взглянул на Серебрякова, а повернулся к Фросе и обнял её, шепнув: "Не бойся, я с тобой".

Вне себя от бессильного гнева, Иван вцепился было Вацлаву в горло, пытаясь удушить, но казаки оттащили его.

– Связать – и в острог! – задыхаясь, прохрипел поляк. Потом взглянул на Василия и Фросю. – А с вами, милые голубочки, разговор будет особый.

* * *

Ничего этого Державин не знал, и, прибыв в Малыковку с эскадроном гусар, уже не застал мятежников. В городе было тоскливо, безлюдно и не убрано, как после лихой попойки. Зачинщики беспорядков разбежались и затаились в домах, как тараканы, когда прознали, кто к ним пожаловал. Обитатели города, крестьяне, лавочники, ремесленники, поддавшиеся смуте, в страхе ждали возмездия и бессовестно доносили друг на друга. Ни казначей Тишина, ни Ивана Серебрякова, ни предателя Вацлава Державин не нашёл. Комендант Круглов, как мы знаем, был убит ещё во время вторжения Пугачёва в крепость, и нашему разведчику ничего не оставалось, как временно назначить комендантом Малыковки самого себя. С помощью гусар он принялся энергично наводить порядок в городке, одновременно производя допросы жителей. Их показания, как стёклышки мозаики, постепенно складывались в отчётливую картину. И страшная правда вставала перед его мысленным взором.

Вот как это было...

* * *

Несколько раз Тишина под охраной казаков переправляли на остров, пытаясь добиться, где спрятана казна. Невысокий ростом и хрупкий сложением казначей оказался крепок духом, словно святой мученик. Он терпел жестокие пытки и издевательства разъярённых охранников, но так и не сказал, где зарыл сундук с деньгами. Не сумев вытащить из него ни слова, Вацлав велел доставить на допрос Ивана Серебрякова, но оказалось, тот уже был мертв: малыковский рыбак повесился в своем каземате, написав кровью на стене: "Не предавал!". И тогда поляк обратил взоры на жену казначея, Фросю. С ней он избрал другую тактику: был ласков, обаятелен, уверял, что никому не желает зла, рассказывал о своём трудном детстве, расспрашивал о её девичьем прошлом, об отце-матери... Измученная женщина в ответ призналась, что с детства сирота, и всё её утешение в муже и детишках. Упомянув о детях, Фрося в страхе опомнилась, но было уже поздно. Вацлав принялся донимать её расспросами и, ничего не добившись, велел оповестить горожан о награде тому, кто выдаст, где скрываются дети Тишиных. Доносчики не заставили себя ждать. Ими оказались те самые крестьяне, у которых были спрятаны Алёнка и Лёвушка...

Что было далее, невозможно рассказать в подробностях. Остались лишь записи в протоколе, сохранившемся в архивах Малыковки. В присутствии родителей детей пытали, а потом ударами о стену размозжили им головы. Затем Фросю на глазах мужа насиловали казаки возле церковных врат. Не добившись ничего, разъяренная толпа поволокла супругов на причал. Там несчастные были голыми повешены на мачте разбойничьего струга.

Вацлав и его подельники-душегубы ещё несколько дней рыскали по острову в поисках спрятанных сокровищ, но так ничего и не нашли.

* * *

Больше всего Державина возмущало, что никто из жителей Малыковки не пришёл на помощь семье казначея. Все безоговорочно подчинились бунтовщикам и вероломному поляку. Он вспоминал, с каким упоением мужики встречали Пугачёва, как бабы несли хлеб-соль, а звонари били в колокола! Не мог он понять этого униженного стремления холопов угодить новому господину, который ничего им не дал, кроме права воровать и творить злодеяния.

Он поклялся найти и покарать всех виновных: и прямых преступников, и их прихвостней, и тех, кто молчал, когда свершалось убийство невинных людей.

В том, что рано или поздно Вацлав с казаками будут найдены, он не сомневался. А начал с того, что приговорил к казни на виселице пятерых человек. Трех он заметил ещё во время встречи Пугачёва. Они громче всех славили самозваного царя, размахивая топорами, и призывали народ вершить разбой и самосуд. Как потом он выяснил на допросах, по их наущению начались в Малыковке погромы, в ходе которых злодеи зарубили несколько десятков человек. Ещё двое приговорённых – мужик и баба, которые выдали злодеям детей казначея Тишина. В последний момент баба была помилована – Державин узнал, что у неё пятеро малолетних детей и больная мать на руках.

"Дабы устроить чернь", казнь была обставлена с мрачной торжественностью. На площадь, где были установлены виселицы, гусары согнали всех жителей Малыковки. Приговорённых к смерти об-

рядили в саваны; меж ними, бормоча слова молитвы, ходил священник и давал целовать крест. Когда правосудие свершилось, началась вторая часть жуткого представления. Державин приказал высечь около двухсот мужиков – всех, кто принимал участие в грабежах и бесчинствах. Палачей не хватало, мужики секли друг друга по очереди. Остальные, стоя на коленях, просили прощения, крича: "Виноваты! Пощадите!".

После расправы над жителями Малыковки за Державиным закрепилась репутация самого жестокого карателя Следственной комиссии. Штабные офицеры не одобряли его действий и язвительно рассказывали, что он вешал людей из "поэтического любопытства". Хлесткая шутка долетела до Петербурга, сослужив поэту плохую службу. Но оправдываться он не собирался. Ведь его осуждали паркетные шаркуны и придворные лизоблюды. А он знал войну не понаслышке и на собственной шкуре испытал, что такое: "à la guerre comme à la guerre".

В отличие от штабных, строевые офицеры считали, что Державин поступил с малыковцами так, как они того заслуживали, и преподал им хороший урок. А сам Державин думал теперь лишь о том, как захватить и покарать Вацлава Новака, бежавшего с казаками в низовья Волги. Не мог он успокоиться, пока гуляли на свободе те, кто подверг его друзей мученической смерти. Он рыскал по деревням и сёлам, расспрашивая местных жителей, и велел не убирать виселицы с площади, пока не будут казнены главные преступники. Но случилось так, что сама судьба распорядилась за него.

Однажды к нему в кабинет вбежал его новый ординарец и выпалил с порога:

– Ваше благородие! Казаки поляка повязали!

Державин оторвал голову от бумаг.

– Какого поляка?

– Вацлава Новака!

* * *

Уже всё Поволжье было очищено от бунтовщиков. Императорские войска освобождали города и сёла, крепостные крестьяне возвращались в разорённые поместья, рабочий люд – в кузницы и мастерские, чиновники – в присутственные места... Пугачёв и его главные атаманы были схвачены и доставлены в Москву, и отныне никакой поддержки в народе яицкие казаки не имели. Победённых не любят.

Бежавшим малыковским преступникам скрываться от возмездия становилось всё труднее. И в итоге с паном Вацлавом Новаком произошло то же самое, что и с Емельяном Пугачёвым. Посовещавшись, усталые, голодные и злые казаки набросились на своего предводителя и крепко связали верёвками. Расчёт был прост. Рано или поздно они бы всё равно погибли в лесах, либо были пойманы и преданы суду. А так у них появлялся шанс на спасение: ведь они сдались добровольно, да ещё и привели предателя-поляка. Какие молодцы!

Отложив перо, Державин надел треуголку, вышел из комендатуры и остановился на крыльце. Во дворе трусливо жались несколько грязных оборванцев, в которых невозможно было узнать наглых, воинственных бандитов, сопровождавших Пугачёва во время штурма Малыковки. Самым жалким среди них был поляк. Он стоял на коленях со связанными за спиной руками, его длинные волосы сбились в грязный клубок, а лицо было чёрным от кровоподтёков: видно, бывшие соратники немного переусердствовали.

Державин молча оглядел понурых бандитов, ждущих милосердия за "ценный трофей". Так вот какие звери убили Алёнку и Лёвушку, а потом насильовали их мать...

Мелькнула мысль немедленно повесить всю ватагу на тех виселицах, что зловеще стояли на площади. Лицо его окаменело, чёрные брови сошлись на переносице. Словно угадав его мысли, Вацлав, обливаясь слезами и холодным потом, жалобно запричитал:

– Пощадите, пан Гавриил! Ведь я – ваш спаситель!

"В какое ничтожество превратился этот заносчивый шляхтич, как только дело коснулось его поганой шкуры!" – презрительно подумал Державин.

Он вдруг почувствовал, что страшно устал. Сказывалось огромное напряжение последних дней – нечеловеческая работа по восстановлению Малыковки, следствие, допросы, казни, поиск преступников... Теперь всё позади. Маленький городок под его управлением ожил: работают продуктовые лавки, мастерские, присутственные места... А коварный Вацлав – вот он, у его ног. Но почему-то Державин, ещё недавно мечтавший поймать его и жестоко отомстить, теперь испытывал только безразличие, внутреннее опустошение и непреодолимую усталость.

"Нет, – подумал он, – не я должен вершить судьбу преступников. За свои злодеяния они должны ответить по закону и понести ту кару, которую им назначит военный суд".

Не ответив Вацлаву, он вызвал конвой, велел всех заковать в кандалы и завтра отправить etapом в Казань. Его распоряжение явно не понравилось казакам, которые ожидали благодарности за свой "подвиг".

– Ваше благородие, помилосердствуйте! Нас-то за что? Мы же по доброй воле сдали вам злодея!

Но Державин, не удостоив их ни единым словом, ушёл составлять сопроводительный рапорт начальнику Следственной комиссии, Павлу Сергеевичу Потёмкину.

Больше Державин никогда не видел пана Новака. Ему хотелось поскорей забыть о нём, словно о мерзком насекомом, которое тайком заползло под рубаху. И хотя он раздавил его, оно успело укусить его своим ядовитым жалом.

* * *

Между тем, Павел Потёмкин, получив из Малыковки вместо обещанного сундука с золотом партию грязных арестантов, не на шутку разозлился. А когда прочитал в донесении Державина перечень преступлений Вацлава Новака и мятежных казаков, то ужаснулся, но не поверил. "У поэта явно разыгралось воображение! Наверняка он преувеличил их злодеяния, дабы прикрыть свою нерасторопность", – раздражённо подумал генерал.

Он даже не стал проводить собственное расследование и допрашивать пленных. Казаков велел высечь и отпустить, а Вацлав, как шляхтич, избежал даже этого наказания.

Побеседовав с поляком, генерал был очарован его умом, искренностью, горделивой, но открытой и смелой душой.

– Державин обязан мне жизнью, – доверительно жаловался Вацлав, – и вот какую благодарность я получил от него! Если бы вы, вельможный пан, сообразовали взять меня на службу, я бы сумел на деле доказать вам свою верность!

– Но вы, кажется, конфедерат?

– Вернее – патриот! Буду откровенен... Если бы мы встретились на поле боя, я бы дрался с вами насмерть! Но теперь я вижу не врага, а храброго, но слишком доверчивого командира, который безмерно снисходителен к своим подчинённым!

Пылкая речь пана Новака вызывала безотчётную симпатию, но всё же что-то в его тоне заставило генерала насторожиться.

"Если доверчивость – мой недостаток, – подумал он, – то почему я должен верить этому сладкоречивому ляху?"

В тот же день он отправил депешу Петру Панину, спрашивая, как поступить. Ответ не заставил себя ждать. Панин советовал "помнить о международной дипломатии и без надобности не злить поляков, с которыми и без того сложные отношения".

После некоторых колебаний Павел Сергеевич велел оформить Вацлаву подорожный паспорт, отсчитать казённых денег и отправить "патриота" в родную Польшу. От греха подальше...

А сундук с золотом ещё долго искали в Малыковке – на острове, в домах Тишина и Серебрякова и даже на другом берегу Волги, но так и не нашли. Старики говорили: "Улетел сундук на небо вместе с душами казначея и его семьи".

* * *

По трясуей дороге, на двухколёсной арбе, в кандалах, в тесной железной клетке везли Пугачёва в Москву...

Главным экспедитором был назначен Александр Васильевич Суворов. Конвоирование оказалось весьма опасной операцией: кому-то очень не хотелось, чтобы пленник был доставлен в Москву живым. На него постоянно совершались покушения: то стрела вдруг просвистит мимо его головы, то в пищу окажется ядовитый гриб... Конвой то и дело подвергался набегам киргизов, а ночью случались пожары, во время которых закованный в кандалы "народный заступник" мог запросто сгореть. Суворов ни на минуту не отпускал Пугачёва от себя. Днём ехал рядом с клеткой, а по вечерам ужинал с пленником у костра. В эти часы они нередко беседовали. Однажды Пугачёв рассказал о том, как ему удалось взять Троицкую крепость. Подробности военной операции так заинтересовали Александра Васильевича, что он, не удержавшись, воскликнул: "Недурно!"

За выдачу атамана казаки-предатели получили от императрицы помилование и были отпущены с благодарностью.

Суворов даже словесной похвалы не удостоился. Видимо, на государыню повлияли депешы завистливых генералов, доставляемые ей с Волги усталыми адъютантами на взмыленных конях. И когда Никита Панин на военном совете заикнулся о том, что Суворов заслуживает ордена, императрица насмешливо сощурилась:

– В таком случае давайте наградим и моего комнатного шпица Томаса. Его роль в поимке маркиза Пугачёва примерно та же, что и Суворова!

Все посмеялись над шуткой её величества и над неловкостью Панина, а тот, сделав вид, что сконфужен, в душе порадовался:

"Ну, теперь точно орден достанется братишке Петруше".

Он задумчиво почесал подбородок, внимательно слушая донесения с Поволжья. Пухлое лицо канцлера вдруг приняло озабоченное выражение: "Надобно проследить, чтобы Гришка Потёмкин не стал хлопотать за своего кузена. Знаю я их! Напористые ребята, из молодых, да ранних!".

* * *

Суворов о закулисных интригах ничего не знал. Он был истинным солдатом: служил верно, но не выслуживался, не о наградах думал, а о победах. Он даже не предполагал, что на него обрушатся обиды генералов. Доставив Пугачёва в Москву и сдав его начальнику Тайной канцелярии Степану Шишковскому, он на другой же день отправился обратно на Волгу усмирять отряды киргиз-кайсаков и башкир. Всадники храброго Салавата Юлаева сражались отчаянно, но их силы иссякали с каждым днем.

Однажды перед сражением возле реки Караман Суворов встретился с молодым поручиком, которого когда-то подобрал на саратовской военной дороге, измученного и истекающего кровью. Сейчас его трудно было узнать. Крепкий, широкоплечий офицер, с отменной гвардейской выправкой, глядел на него открыто и весело, а за ним выстроился конный отряд таких же, как он, храбрых воинов.

– Державин! Ты ли? – воскликнул Суворов.

Поручик, спешившись, радостно бросился к нему.

– Ваше превосходительство!

Порасспросив Державина о здоровье и службе, Суворов сочувственно сказал:

– Скорблю вместе с тобой, дружок, о кончине героя нашего, генерал-аншефа Бибикова. Храбрый и умный полководец был. Один тянул две лямки – главнокомандующего и начальника Следственной комиссии. Теперь вместо него двое назначены, а толку никакого. Ладно, молчу... Ступай, друг мой, даст Бог, увидимся!

Уже слышался гром пушек, к Суворову подскакали ротные командиры. Державин вскочил на коня и помчался на боевые позиции. В тот день его отряду удалось не только обратить в бегство войско противника, но и освободить около тысячи пленных немецких колонистов. Это была самая удачная его военная операция. Когда киргиз-кайсаки отступили, Державин в боевом азарте ещё долго гонялся за ними по берегу.

Он хотел было разыскать Суворова, чтобы поговорить с ним о прошедшем сражении, но невольная робость остановила его. "Кто он, и кто я? – подумал поручик. – Он, верно, уже забыл обо мне".

Державин ошибся. Суворов о нём не забыл. Докладывая в письме Екатерине о ходе сражения, он написал следующее:

"Довожу до сведения Вашего императорского величества, что господин поручик лейб-гвардии Державин при реке Карамане киргизцев разбил. Сам же господин Державин отрядил сто двадцать человек преследовать противника на Карамане до Иргиза...".

Сводка была сухой и деловой, без литературных украшательств. Суворов не любил без толку мараить бумагу. В Сухопутном шляхетском кадетском корпусе его обучали в основном иностранцы. Ему легче было изъясняться по-французски и по-немецки, но во время батальей рапорты и приказы он писал только по-русски. И сражался он по-русски: бесстрашно, с упоением, восклицая в пылу боя: "Мы – русские! Какой восторг!".

Державин говорил по-немецки так, что колонисты, которых он освободил от киргиз-кайсаков, поначалу приняли его за соотечественника. Детские годы в школе герра Розе наложили отпечаток и на его произведения. Они порой напоминали переводы каких-то иноземных стихов. Державин чувствовал это, огорчался и изо всех сил старался преодолеть "немецкий акцент" в своих сочинениях.

* * *

Неподалеку от немецкой колонии Шафгаузен, куда Державин иногда заезжал за книгами, высились, один за другим, семь холмов. Самый высокий из них носил имя Читалагай. Там находился форпост правительственных войск. Державину очень нравилось это татарское название: оно напоминало слово "читай", а потому было связано с книгой. Иногда он поднимался на вершину Читалагая и сочинял стихи – так, как хотелось... Никакие авторитеты не давили на него. Там он был свободен – один между небом и землёй. Именно там впервые он почувствовал, что у него есть свой собственный поэтический голос.

Высокий дух чрез всё высок,
Всегда он твёрд, что ни случится:
На запад, юг, полночь, восток
Готов он в правде ополчиться.
Пусть сам Бог ему грозит,
Хоть в пыли, хоть на престоле,
В благой своей он крепок воле
И в ней по смерти, как холм, стоит.
("Ода на великость")

Восемь произведений, переводных и оригинальных, вошли в книгу Державина "Читалагайские оды". Но автор пожелал остаться неизвестным и подписался таинственно: "Потомок Атиллы, житель реки Ра".

Летом 1776 года, вернувшись с войны, Державин принёс свою рукопись в московскую типографию, и вскоре его первая книга вышла в свет тиражом 100 экземпляров. Много лет спустя "Читала-гайские оды" будут хвалить критики, особенно – "На знатность", "На великость", "На смерть генерал-аншефа Бибикова". Но тогда, в молодые годы поэта, книга осталась незамеченной.

* a la guerre comme a la guerre – на войне как на войне (фр.)

Глава 11. Любовь

Преображенский полк стоял в Москве. Однополчане встретили Державина сдержанно, с вежливым дружелюбием, словно он ненадолго уезжал по служебному поручению. Нельзя сказать, что его не любили товарищи, но в их глазах он всё-таки оставался "ненастоящим" офицером.

Мити Неклюдова в полку не было. Державину объяснили, что его друг вышел в отставку и женился на молодой вдове Нине Удоловой. "Вот так новость! Поделом мне, дураку", – ругнул себя Державин. Но большого огорчения не почувствовал.

Получив жалование и щедро угостив офицеров, он отправился в дом Блудовых, надеясь своим внезапным появлением удивить родственников. Но неожиданный сюрприз ожидал его самого. Матрёна Саввишна бросилась ему на грудь, заливаясь горькими слезами.

– Что случилось, тётушка?

Та не могла выговорить ничего членораздельного, только повторяла, рыдая:

– Ох, Ганя... Ванечка, Ванечка-то мой! Ох, да за что мне такое горе?

Державин замер и похолодел, решив, что его кузен умер. Но тётка между всхлипами всё-таки сумела объяснить, что Иван сидит в остроге за неуплату долга.

– Неужели проигрался?

Матрёна Саввишна поджала губы.

– Будто ты не играл? А посадили Ванюшу не без твоего участия! Помнишь, как он помог тебе купить имение под Москвой для матушки? Думаешь, ему деньги с неба свалились? Сынок взял кредит в Дворянском банке, и, между прочим, под твоё поручительство.

– Но ведь я всё ему отдал, до копейки! У меня и расписки его сохранились!

– Отдать-то отдал... Да только с банком он не расплатился. Видать, снова в карты спустил, паршивец. Ты, племян, сходил бы в ту управу и во всём разобрался. Куда уж мне, старухе!

В Дворянском банке чиновники очень обрадовались приходу Державина, усадили за стол, крытый зелёным сукном, и положили перед ним старый документ займа на двадцать пять тысяч рублей, подписанный заёмщиком, Иваном Блудовым, и Гаврилой Державиным, поручителем.

– Откуда такая сумма?! Он ссудил меня тремя тысячами, которые я ему давно выплатил.

– Вероятно, Блудов вас обманул, Гавриил Романович. Как изволите видеть, кредит оформлен на двадцать пять тысяч. И поскольку заёмщик признан банкротом, платить придётся вам. Это ваша подпись?

– Моя.

– Ну, и отлично. На время подписания документа вы с матерью владели имением в Сокурах, домом в Казани и имением под Москвой. Если долг не будет погашен, вам придётся расстаться с вашим имуществом.

– Возможна ли отсрочка? – спросил Державин. – Я только что прибыл с Поволжья, сражался с мятежниками, был ранен...

Чиновники переглянулись и пошептались. Начальник обернул к Державину строгое худощавое лицо.

– Все сроки давно вышли. Но, учитывая ваши заслуги перед Отечеством, предлагаем выплачивать долг в рассрочку, в течение года под два процента. Платить можно также и в петербургском отделении нашего банка. Прикажете оформлять договор?

Делать было нечего...

– Извольте.

В счёт процентов Державин отдал почти всё жалование – 500 рублей ассигнациями (в России уже были в ходу бумажные деньги), откланялся и вышел на улицу.

Он не стал объяснять чиновникам, что Сокуры сгорели, дом в Казани разорён, а имение под Москвой – единственный крохотный источник доходов его матери. По собственному легкомыслию он увяз в этой истории, сам и должен из неё выпутываться.

Двадцать пять тысяч! Как он сможет выплатить в срок такие огромные деньги? Где их взять? Поехать в Петербург и попросить займы у Мити? Но после долгой разлуки не мог он появиться перед ним в жалкой роли просителя. Да и вряд ли у Мити были такие деньги.

Оставалась лишь надежда на милость императрицы, которая щедро раздавала награды офицерам, принимавшим участие в подавлении пугачёвского бунта. Знакомые офицеры, члены Следственной

комиссии, вернувшиеся с войны, получили крупные вознаграждения. На них буквально сыпались чины, деньги, деревни с крепостными крестьянами... Державин ждал, когда подойдёт его черёд, ведь его заслуги были намного выше, чем у тех, кто был уже награждён.

Он не подумал о том, что награды давались по представлению начальников, которые таким образом поощряли любимцев и мстили неугодным. Будь жив Бибиков, Державин получил бы всё, что заслужил своей беспорочной службой. Но его новые командиры – Пётр Панин и Павел Потёмкин – относились к нему со скрытой неприязнью. Своим независимым нравом Державин чем-то напоминал им Бибикова, которого они терпеть не могли.

Время бежало, огромный долг давил на душу, и он решил обратиться за помощью к Григорию Потёмкину, который в ту пору был шефом Преображенского полка. Но как передать прошение? Все многочисленные письма, поступающие в имперскую канцелярию, отправлялись в долгий ящик. А ждать он не мог, потому и отважился вновь на отчаянный поступок, зная по опыту, что иногда дерзость – единственный путь к достижению цели.

Светлейший князь Григорий Александрович в белом атласном шлафроке сидел в своих покоях перед большим венецианским зеркалом и терпеливо ждал, когда француз-парикмахер уложит щипцами его густые непослушные волосы в аккуратные завитки. Он не понимал, зачем каждый вечер должен был подвергаться утомительному причёсыванию: всё равно Катишь спутает его локоны, лишь только они останутся наедине. Но приходилось подчиняться этикету.

Громкие голоса за дверью привлекли его внимание. Он прислушался...

– У меня срочное дело к светлейшему! Прошу доложить обо мне!

– Какого рода дело?

– Личного!

Потёмкин послал слугу узнать, кто там расшумелся. Едва тот открыл дверь, как в покои ворвался гвардейский поручик и, щёлкнув каблуками, замер перед князем. Тот округлил глаза:

– Что с тобой, братец? Заблудился? Звать-то тебя как?

– Поручик Державин!

– Ты, чай, преображенец? А почему я тебя не знаю?

Державин объяснил, что принимал участие в подавлении пугачёвского бунта, воевал, и только теперь прибыл с Поволжья.

– Где служил?

– В секретной Следственной комиссии под началом генерал-аншефа Бибикова!

Державин произнёс это с гордостью, хотя и понимал, что имя Бибикова может ему навредить. Светлейший князь пристально взглянул на офицера, словно ждал, что тот назовёт ещё и имя его троюродного брата Павла Потёмкина, ставшего после смерти Бибикова начальником Следственной комиссии. Но Державин молчал.

– Чего надо? – поморщился князь. – У вас прошение? Так снесите его в канцелярию!

Державин вынул из-за отворота мундира письмо и протянул Потёмкину.

– Ваша светлость, здесь перечислены все мои заслуги и мои бедствия. Я обижен перед равными мне! Прошу вашей помощи!

Потёмкин по природе был щедр и часто оказывал покровительство тем, кто просил его милости. Но в голосе Державина слышалось нечто, совсем не похожее на смиренную мольбу. Он явно пришёл не за милостью, а за справедливостью! Взяв письмо, Потёмкин положил его возле зеркала и махнул рукой парикмахеру, чтобы тот продолжал своё дело.

Державин по этикету не мог уйти без повеления князя. Но тот продержал его ещё несколько минут, а потом, словно вдруг вспомнив о нём, отпустил небрежным жестом.

Возможно, Потёмкин, человек хоть и вспыльчивый, но отходчивый, всё-таки помог бы Державину, если бы снова не вмешалась злая судьба.

В начале 1777 года из Польши прибыл прославленный полководец, генерал Пётр Александрович Румянцев, и Потёмкин решил показать ему Преображенский полк во всей красе. Как раз были готовы новые мундиры, по рисункам самого князя, так что было, чем похвастаться. Оба генерала стояли на деревянном помосте перед площадью, по которой гвардейцы, вытягивая носки, проходили церемониальным маршем, показывая всевозможные виды шагистики.

Лучше всех двигался взвод Державина.

– Левый стой! Правый заходи! – раздалась его команда.

И вдруг, вместо того, чтобы развернуться, солдаты сбились в кучу. Державин не знал, что за время его отсутствия, поменялись не только мундиры, но и военные команды: надо было сказать не "правый заходи", а "вправо заходи".

Потёмкин в ярости сжал кулаки, а Румянцев ехидно рассмеялся. За скомканный парад Державина на сутки отправили на гауптвахту. Теперь никакой помощи от светлейшего князя ждать не приходилось...

* * *

В сентябре императорский двор и Преображенский полк вернулись в Санкт-Петербург. Надо было привести себя в порядок, и Державин, пообносившийся на войне, купил новый мундир, сапоги, снял скромную квартиру. Однажды, прифрантившись, он отправился на Литейный переулок, где когда-то оставил в глубокой печали вдову Удолову. В знакомом доме его встретил ошалевший от радости, изрядно растолстевший Митя.

– Мурза!!!

– Митька, шельмец! Эк тебя разнесло!

– А ты усох, как сморчок! Сейчас мы тебя накормим! Это первым делом... Нина! Где ты?

И взору Державина явилась Нинон... Она тоже пополнела, но была всё так же хороша. Её лицо, улыбка были исполнены такой неподдельной радости, что у него защемило сердце. Похоже, никакой обиды за его малодушное скоропостижное бегство она не держала.

– Здравствуйте, Гаврила Романыч!

От волнения у Державина запершило в горле. Но он сумел овладеть собой, учтиво поклонился и поднёс к губам её руку.

– Рад за вас, мои дорогие друзья! Вижу, что вам хорошо вдвоём!

– Втроём! – поправил его Митя.

И словно в подтверждение его слов где-то в глубине дома раздался требовательный крик младенца. Крутые брови Державина поползли вверх.

– Неужто, сынок?!

– Дочь, Танюша! – с гордостью сообщил счастливый отец.

Нина ушла кормить дитя, а мужчины уселись в кресла, взяв по бокалу вина с подноса, поданного слугой.

– Как же вы сошлись? – спросил Державин, шутливо погрозив пальцем.

Митя виновато вздохнул и почесал в затылке.

– Когда ты оставил Нину и уехал в Казань, я решил снять у неё квартиру. Моя была дороговата. Ну, об остальном рассказывать не буду, сам всё понимаешь. Признаться, боялся нашей встречи. Думал, что рожу мне набьёшь!

Державин сделал страшные глаза:

– Так просто не отделаешься! Дуэль! Я вызываю вас, сударь!

– Согласен! Будем драться на жареных немецких колбасках! Их скоро подадут. Кто больше съест – тот победитель!

Они расхохотались.

Митя стал расспрашивать друга о войне. Тот отвечал скупой, без подробностей, было видно, что воспоминания тяготят его. Вскоре Державин замолчал и с досадой стукнул себя по колену:

– Нет, не могу! Потом... Ты-то как?

Митя расстался с гвардейским полком, потому что не видел никакого толку в бессмысленной муштре. К тому же старая рана не переставала ныть, и не было возможности заняться своим здоровьем. Теперь он служил начальником отдела в юридической конторе и был весьма доволен жизнью. Рассказывая о себе, Митя поглядывал на друга и видел, что тот пребывал в глубокой задумчивости, словно какая-то неотвязная мысль не отпускала его.

– Что с тобой?

– Ничего... Ты, Митенька, не обращай внимания. Я слушаю и отдыхаю душой.

Но тот словно почуял неладное.

– Мурза, будь со мной откровенен! Может, тебе нужны деньги? Я помогу, у меня как раз есть свободных три тысячи рублей!

Державин грустно улыбнулся и покачал головой:

– Неужели ты подумал, что я пришел грабить друзей? Нет, дорогой, у меня всё в порядке. Устал немного...

– Ну, тогда за стол! – радостно заключил Митя, увидев, что жена вернулась. – Нам предстоит дуэль на колбасках!

Давно Державину не было так хорошо, как в гостях у Мити и Нины. Они шутили и дурачились, как малые дети. К восторгу хозяев, Державин прочёл несколько стихов из "Читалагайских од".

– Вас ждёт слава великого поэта! – воскликнула Нина.

– Ей ещё долго придётся ждать, – улыбнулся Державин.

Как ни хотелось ему продлить счастливый вечер, пришло время откланяться. Друзья наперебой уговаривали его остаться ночевать, но он, поблагодарив, отказался. У порога Митя остановил его:

– Как ты будешь добираться? Я кликну извозчика!

– Не беспокойся, моя карета – за углом, – с достоинством соврал Державин.

* * *

Звёзды освещали путь. Те самые звёзды, которым числа нет, смотрели на него из бездны, у которой нет дна. Глядя на них, он вновь задал себе давно мучавший его вопрос: какой он, Бог? На картинах европейских художников, которые ему случалось видеть в богатых домах, Бог и святые изображались, как обычные люди: в печали, в радости, в смерти... Державин восхищался талантом великих мастеров, но не испытывал священного трепета. А вот иконы в православных храмах вызывали у него невольные слёзы и желание напрямую обратиться к Богу. Икона – не картина, а символ, часть божественной сущности. Хоровое пение в храмах тоже позволяло почувствовать душой присутствие Бога. Иногда во время литургии он замирал в восторженном умилении...

Но он – поэт, в его арсенале нет ни красок, ни холста, ни звуков музыки. Лишь только слово – его единственный инструмент. И он знал, какая это великая сила! Если Ломоносов сумел словами выразить благоговение перед великим созданием Бога, то Державину хотелось докопаться до сути... Зачем Он создал Вселенную и всех нас? В чём смысл жизни, если всё живое смертно?

В эту минуту он забыл о своих бедах и обидах. Остановился посреди дороги, не замечая ничего, кроме бездонного звёздного неба, не испытывая ничего, кроме душевного восторга перед его Создателем.

И вдруг... как будто некая неведомая сила подхватила его и бросила с каменной мостовой на деревянный тротуар! Он упал, ушибся, но остался жив. А мимо на полном ходу пронеслась чёрная карета.

Потирая правую руку, когда-то раненную пикой Пугачева, Державин поднялся и увидел, что карета, проехав несколько сажен, остановилась. Кучер соскочил с облучка и бросился к нему:

– Вы целы, ваша милость? Слава Богу! Идти можете?

– Да, могу.

– Так извольте пройти в экипаж. Барыня просят!

Державин не стал упрямиться и сел в карету напротив нарядно одетой женщины, которая принялась заботливо расспрашивать его о самочувствии. Он благодарил, стараясь в полумраке разглядеть её лицо. Что-то в её облике показалось ему знакомым. Где бы он мог её видеть?

Но дама внезапно воскликнула:

– О Боже! Господин Державин?!

Он всё ещё не узнавал... На вид – лет за тридцать, тёмные волосы, приятный грудной голос.

– Ну, вспоминайте! Петергоф, гауптвахта, камергер Бастидон...

И его вдруг осенило:

– Боже! Мария Дмитриевна Бастидон! Неужели это вы, сударыня? Как поживает Яков Иванович?

Дама в волнении приложила платок к глазам. Потом рассказала, что её муж пять лет назад умер, и живёт она теперь с дочерью Катей возле церкви Вознесения. Вот, гостила у родни, а теперь едет домой. И фамилия её уже не Бастидон, а Бастидонова. Так пожелала императрица.

– Друг мой, – искренне радовалась Мария Дмитриевна, – это чудо, что мы встретились! Но почему вы стояли один на дороге?

– На звёзды смотрел, – рассмеялся Державин.

Ему вдруг стало легко на душе. Сколько радостных встреч сегодня! Неужели череда невзгод кончилась, и жизнь повернулась к нему светлой стороной?

Он расслаблено откинулся на мягкую спинку сидения, слушая милое щебетанье Марии Бастидоновой. Сначала пытался поддерживать беседу, но вскоре замолк и заснул.

* * *

Державин проснулся поздно. Первой мыслью было: "Опоздал на дежурство!", но потом вспомнил, что сегодня у него выходной и снова зарылся в нежную перину. Но сон уже прошёл, и он с удивлением ощущал тончайшие простыни, оглядел затейливый балдахин. Где он? Ах, да, у Бастидоновой... Вскочив с кровати, он увидел свои начищенные сапоги, а на кресле – мундир и выстиранную рубаху...

– Ваше благородие! Барыня просят к завтраку! – сообщила из-за двери служанка.

Дом Марии Дмитриевны, небольшой, но уютный и чистый, напомнил Державину его родной дом в Сокурах. В столовой он увидел Марию Дмитриевну. Приветливая улыбка играла на её губах. Он учтиво поклонился и сел за стол на предложенное место.

– Гавриил Романович, – ворковала хозяйка, – ещё раз прошу прощения за вчерашнюю оказию. До сих пор дрожу от мысли, что могло бы произойти...

– Что вы, сударыня! Благодарю судьбу, что это маленькое приключение позволило мне встретиться с вами.

Бастидонова благодарно кивнула.

– Муж часто вспоминал вас... В трудные минуты повторял ваши слова: "Надо жить не прошлым, а будущим".

Державин улыбнулся:

– Пожалуй, сейчас я и сам готов с этим согласиться... Сегодня ты несчастлив, а завтра, быть может...

Он не договорил. Дверь распахнулась, и взору Державина явилось чудное видение. В столовую вошла прелестная тоненькая девушка в розовом платье, с копной густых чёрных выющихся волос, заколотых на затылке.

Заметив Державина, она опустила глаза. Тот встал, но не мог промолвить ни слова.

– Гавриил Романович, это моя дочь, Катя! – с гордостью сообщила Бастидонова. – Вы помните её?

Он застыл в растерянности. Боже! Неужели это та самая кроха, которую он когда-то держал на руках? Невероятно! Перед ним стояла барышня лет семнадцати, прекрасная той особенной красотой, которая ещё не ведаёт о том, что красива.

– Конечно, я помню маленькую Плениру! – опомнился Державин, стараясь шуткой скрыть волнение. Поклонившись, он галантно подвинул ей стул.

– Прошу прощения за опоздание, – серебряным голоском промолвила Катя. – Читала до поздней ночи, а утром так хотелось спать!

– А что вы читали, Екатерина Яковлевна? – поинтересовался Державин.

– Трагедию господина Хераскова "Венецианская монахиня".

Он невольно усмехнулся. На его взгляд, это было наихудшее произведение знаменитого поэта.

– Почему вы улыбаетесь? – озабоченно спросила Мария Дмитриевна. – Быть может, в этой книжке есть нечто предосудительное?

Державин с улыбкой развёл руками:

– О, нет! Трагедия написана по классическим канонам. В ней герои жертвуют любовью во имя долга, отправляют на плаху собственных детей, а потом, ради искупления вины выкалывают себе глаза и кончают жизнь самоубийством.

Он говорил это полушутя-полусерьёзно, но Бастидонова, охнув, строго устремила глаза на дочь.

– Вот так трагедия! Откуда у тебя сия книга? – с явным неудовольствием спросила она, – Ведь тебе позволено читать лишь то, что рекомендует гувернантка!

Катя вспыхнула, залившись краской. Слёзы задрожали на её длинных чёрных ресницах. Она с укором взглянула на Державина, и, пробормотав: "Простите... С вашего позволения...", выпорхнула из столовой.

Державин был готов провалиться под землю. Идиот! Сам того не желая, подвёл бедную девушку, поставил её в неловкое положение. Он был так огорчён, что не находил слов.

– Полно, не смущайтесь! – спокойно заметила мамаша. – Яков всегда был снисходителен к дочери, а вот я стараюсь следить за её воспитанием.

Державин поблагодарил хозяйку и немедленно откланялся, сославшись на службу.

* * *

Дома он тоже не мог успокоиться. Чувствовал вину перед Катей и раздумывал, как попросить прощения.

Встретиться с ней он не мог: по всему видно, что держат её дома в ежовых рукавицах. Послать письмо? Но он не знал, прилично ли молодой барышне получать письма от почти незнакомого мужчины. Передать с посыльным букет цветов? Нет, такой поступок можно было расценить, как ухаживание.

В конце концов, его осенило. Он достал с полки свою книгу "Читалагайские оды" и красиво вывел на титульном листе: "Любезной Екатерине Яковлевне Бастидон с глубоким почтением от сочинителя, Гавриила Державина". В книгу он вложил краткое послание для Марии Дмитриевны, в котором просил позволения сделать маленький подарок её дочери, дабы загладить свою невольную вину.

Аккуратно завернув книгу в бумагу и перевязав шёлковой лентой, он кликнул своего нового слугу Петрушу и велел доставить пакет в дом Бастидоновой, возле церкви Вознесения.

– Скажешь, что Гавриил Романович кланяется и благодарит за приём!

* * *

Служба в Преображенском полку всё больше тяготила его... Среди гвардейских офицеров, богатых прожигателей жизни, он оставался чужаком. Державин написал прошение о переводе из гвардии в армию с повышением в звании. Но начальство хранило молчание. Все офицеры, служившие в Следственной комиссии, уже получили щедрые дары и награды, лишь он оставался ни с чем. За него некому было похлопотать, Григорий Потёмкин ещё не простил ему курьёзный случай на параде.

Пришлось самому обивать пороги кабинетов начальства. Наконец, вышел приказ:

"По причине неспособности к военной службе перевести поручика Гавриила Державина из гвардии на гражданскую службу в звании коллежского советника. За участие в подавлении пугачёвского бунта пожаловать Державину поместье в 300 душ в Белоруссии, в Себежском уезде".

Награда была весьма скромной по сравнению с тем, что получили другие, менее заслуженные офицеры. Он тут же заложил поместье, надеясь погасить долг в Дворянском банке. Но куда там! Белорусское имение стоило лишь 5000 рублей.

Державин был направлен в Сенат на должность заместителя начальника канцелярии департамента государственных доходов. Новая служба требовала внимания и аккуратности, но эти свойства у него были в крови. Служивцы и начальник департамента, генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский, были им весьма довольны. Однако приятели предупредили его, что князь на дух не переносит стихи и вообще все виды искусства: "Если хотите быть с ним в хороших отношениях, не вздумайте сказать ему, что вы поэт!". Но Державин всё-таки умудрился вызвать на себя гнев начальства, хотя и по другому поводу.

В ту пору здание Сената перестраивалось, работа кипела, пахло краской и строительной пылью. Вяземский назначил своего нового чиновника курировать оформление зала общего собрания.

— Смотри, Гаврила Романыч, чтоб там всё было чинно-благородно! Без легкомыслия! Поди, не театр!

Державин с увлечением взялся за работу. Познакомился с архитекторами, художниками и ваятелями и даже порой давал им дельные советы. Особенно ему нравился центральный барельеф, изображавший императрицу Екатерину в образе Минервы, которая торжественно вводила богиню Истину в храм Правосудия. Когда всё было готово, Державин пригласил начальника "принять объект". Генерал-прокурор внимательно оглядел картины на стенах, а потом вперил взор в барельеф, расположенный в торце залы, на самом видном месте. Лицо Вяземского, доселе благодушное, вдруг посуровело.

— А это еще кто?!

— В шлеме и латах? Минерва...

— Нет, я про другую!

— Истина, ваше превосходительство.

— А почему она... гм... без одежды?

— Истину принято изображать обнажённой, ваша светлость! Есть даже такое выражение: "голая истина".

Князь с досадой крикнул, подумал, почесал в затылке и изрёк:

— Нет, братец... Вели её немного прикрыть!

Державин улыбнулся. Ему не раз доводилось быть свидетелем того, как в департаменте с ведома Вяземского, а иногда и по его прямому приказу, "слегка" прикрывали истину.

* * *

На новой службе Державину платили вдвое больше, чем в полку. Но и расходы теперь у него были немалые. В Сенат полагалось приезжать в своём экипаже, и, кроме того, он должен был снять приличное жильё. Волей-неволей приходилось соответствовать статусу.

Через несколько дней пришло долгожданное письмо от Марии Бастидоновой. В учтивых выражениях она благодарила Державина за присланную книгу и приглашала в гости на обед по случаю Рождества Пресвятой Богородицы. Сердце его затрепетало. Вмиг все житейские неурядицы показались ему ничтожными по сравнению с тем, что он вновь увидит Катю.

Он прибыл к Бастидоновым в новом чиновничьем мундире, в собственной карете, окрылённый самыми радужными надеждами, помолодевший и красивый.

Мария Дмитриевна приняла его радостно, поздравила с новым чином и представила гостям, многие из которых когда-то служили при дворе покойного императора Петра III. Державин оглядывался, ища Катю, но от волнения кружилась голова, и всё плыло перед глазами... Хозяйка пригласила гостей на веранду, посмотреть начавшийся Крестный ход. Когда гостиная опустела, он наконец увидел ту, которую искал...

Катя сидела на диване с книгой, казалось, совершенно безучастная к празднику. Чувствуя невольную дрожь, Державин подошёл, поздоровался и учтиво попросил позволения сесть рядом. Она подняла на него огромные тёмные "португальские" глаза и спрятала книгу, прикрыв её оборками воздушного нежно-сиреневого платья.

— Рада видеть вас, Гавриил Романович. Прошу, присядьте...

Он подвинул кресло и сел напротив. Мило покраснев, Катя стала благодарить его за неожиданный подарок. "Никогда не была знакома с настоящим поэтом", — наивно призналась она.

В гостиной они были одни, другие гости ушли на веранду и, оживлённо беседуя, созерцали Крестный ход. Неведомое доселе невыразимое сладостное чувство охватило Державина, оказавшегося рядом с юной девушкой, по-видимому, не менее взволнованной, чем он. Но оба старались не показывать своего душевного состояния и любезно улыбались друг другу. Державин рассказал, при каких обстоятельствах впервые увидел маленькую Катюшу, как держал её на руках, и как она не хотела от него уходить. Катя искренне рассмеялась:

— В то время мне было два года!

– А мне – девятнадцать!

Они замолчали, глядя друг на друга, вероятно, мысленно посчитав: теперь 17 и 34.

– Я вдвое старше вас, – с грустью сказал Державин.

– Уже через год этого не будет! – порывисто возразила Катя и прикусила губу. В её словах прозвучало нечто обнадеживающее, словно она его успокаивала.

Державин был очарован. Как пристал ей этот нежный румянец на щеках! Несмотря на чёрные волосы и брови, её кожа была не смуглой, а светлой, с лёгким бронзовым оттенком. Яркие губы и белоснежные зубки неудержимо манили его, но он не мог позволить себе пристального взгляда. Видно было, что барышня получила хорошее воспитание.

– Что вы читали? – спросил он, желая перевести разговор на другую тему, но к его удивлению, Катя ещё пуще смутилась.

– Так, ничего...

– Простите, ради Бога! Однажды я задал тот же вопрос и обрушил на вас гнев матушки. Если бы вы знали, как я клял себя за это!

– Что вы, Гавриил Романович! Я давно не сержусь, да к тому же, вы были правы: "Венецианская монахиня" – пустое чтение. Есть книги получше!

– Какие, сударыня?

Она не успела ответить, потому что гости стали возвращаться с веранды: Крестный ход, миновав дом Бастидоновых, направился к храму. Подождав, пока все соберутся, Мария Дмитриевна пригласила гостей на праздничный ужин. Державин галантно предложил руку Кате, и та, не сумев скрыть радостной улыбки, отправилась с ним в столовую. На ходу он успел бросить взгляд на диван и увидел оставленную Катей книгу. Это были его "Читалагайские оды"...

После ужина гостей позвали в залу, где три скрипки и старый клавесин наигрывали менуэты и полонезы. Державин сразу признался Кате, что в танцах не силён. Брал когда-то уроки в танцклассе Казанской гимназии, но без практики всё забыл... "Впрочем, полонез очень напоминает церемониальный марш на параде, – пошутил он. – Рискнём?". Катя радостно подала ему руку.

Полонез – чопорный, но несложный танец. Надо только следить за общим строем и не становиться впереди всех. Именно первая пара ведёт остальных то влево, то вправо, или разделяет строй кавалеров и дам "прочёсом". Державин всё схватывал на лету, вызывая одобрение прекрасной Пленеры, но в какой-то момент, после нескольких перестроений, они оказались первыми. Не зная, что делать дальше, Державин оглянулся на выстроившиеся за ним пары и, шутя, скомандовал: "Левый стой! Вправо заходи!". Все рассмеялись, полонез смешался, но веселья только прибавилось. Было слышно, как дамы говорили между собой.

– Как он мил, не правда ли?

– О, да! Но кто он?

– Поэт Державин.

– Не слыхала о таком...

"Ничего, ещё услышите", – весело думал Державин.

Самое сладостное произошло напоследок... Усталые гости рассаживались по каретам, Мария Дмитриевна разговаривала у подъезда с какой-то дамой. Прощаясь с Катей, Державин учтиво поцеловал ей руку, а потом неожиданно для самого себя вдруг перевернул её тонкую кисть и запечатлел нежный поцелуй на голубой жилке запястья.

Внешне Катя оставалась спокойной, и безмятежная улыбка всё так же играла на её губах. Но он почувствовал, что дрогнувшие пальчики вдруг скользнули по его щеке. Быть может, случайно? Или это ему показалось?

* * *

Он возвращался домой, переполненный счастьем. Карета мягко покачивалась на рессорах, слышно было, как кучер Прошка покрикивал на зазевавшихся прохожих: "Пади! Пади!".

Перед мысленным взором Державина то и дело проносились воспоминания, словно "живые картины" на представлении в домашнем театре. Всю дорогу он предавался мечтам, а когда вернулся домой, некая мысль вдруг грозно и беспощадно всплыла в его голове, нарушив безмятежное счастье. Он пытался прогнать её, но она не уходила, словно издеваясь над его наивными надеждами.

Прошёл почти год с тех пор, как был заключён договор с Дворянским банком о рассрочке долга, а он не сделал ни одного взноса. Через месяц он должен погасить долг в двадцать пять тысяч рублей, иначе его посадят в тюрьму, как Ивана Блудова, чтоб ему пусто было!

Выкраивать из жалования не имело смысла, этих денег всё равно не хватило бы, к тому же, он был обязан вести образ жизни, согласно своему положению в Сенате: в чиновничьем мире за этим строго следили. Вознаграждение за участие в войне, которое он получил, оказалось ничтожным, а надежды на протекцию могущественных покровителей не оправдались. Он не выгораживал и не жалел себя. Сам виноват! Но его обожаемая Пленера... Неужели ему придётся расстаться с ней?

Имеет ли он право ухаживать за юной невинной девушкой, если над ним, как Дамоклов меч, висит непосильный денежный долг? И что подумают Мария Дмитриевна и её дочь, когда узнают, что он несостоятельный должник? Нет, он больше не должен ездить к ним...

* * *

Весь следующий день Державин был рассеян, томился сомнениями, а вечером после службы поехал к Бастидоновым.

– Доложи обо мне, любезный, – велел он лакею.

Тот вернулся через минуту:

– Мария Дмитриевна просят в кабинет!

По резной дубовой лестнице Державин поднялся на второй этаж. Бастидонова вышла из-за письменного стола и протянула руку. Они присели в кресла у окна, дружески беседуя. Державин осведомился о здоровье Екатерины Яковлевны.

– Катя здорова... Вот о ней-то я хотела поговорить...

Она помолчала, потом осторожно, чтобы не обидеть гостя, поделилась с ним своими мыслями. Что тут скрывать? Катя – молодая красивая девушка на выданье, и нет ничего странного в том, что Державин весь вечер ухаживал за ней. Но надобно подумать о её репутации! Если он будет часто видеться с ней, это может стать поводом для сплетен. Его-то никто не осудит, а вот Катя... Словом, хотелось бы знать, насколько серьёзны его намерения. И Бастидонова испытующе посмотрела гостю в глаза.

– Я люблю Катю! – искренне вырвалось у Державина.

Мария Дмитриевна благожелательно кивнула:

– Об этом нетрудно догадаться. Но, простите... мне нужно знать, собираетесь ли вы на ней жениться?

С какой радостью Державин ответил бы: "Да!". Но проклятый долг, словно кляпом заткнул ему рот. Заметив растерянность поэта, Бастидонова заверила, что не торопит его с женитьбой. Однако надобно объявить хотя бы о помолвке, и тогда его визиты будут оправданы.

– Сударыня, хоть сию минуту я готов обвенчаться с вашей дочерью. Но... некоторые финансовые затруднения, которые я надеюсь скоро разрешить...

Он в замешательстве замолк.

– Если всё дело в этом, – прервала его Бастидонова, – мы подождём. Решайте свои вопросы... Но до этого, прошу вас, – никаких визитов!

Последние слова она произнесла, строго сдвинув брови, и решительно встала.

Державин ушёл удручённый, не видя никакого выхода из той ямы, куда попал по вине мошенника-кузена. Напрасно он оглядывался, надеясь увидеть в окне свою милую Пленуру: все окна были закрыты шторами. То ли матушка так велела, то ли девушка сама не захотела его видеть.

Когда карета примчала его домой, было уже темно. Петруша подал ему письмо, которое час назад принес гвардеец Преображенского полка.

– Его в полк доставили, – объяснил слуга. – Видать, не знали, что вы там уже не служите.

Неприятный холод вдруг пробежал в груди. Державин сломал печати...

В учтивых выражениях петербургское отделение Дворянского банка напоминало, что срок выплаты его долга в размере двадцать пять тысяч рублей истекает через неделю. В случае неуплаты должник будет подвергнут аресту.

"Прощай, моя Пленура!" – мелькнуло в голове.

Он отпустил слугу и взял перо. Ни арест, ни тюрьма не пугали его так, как горечь неизбежной разлуки с любимой. И, как всегда, он пытался излить душевную боль в стихотворных строчках.

Неизбежным нашим роком
Расстаёшься ты со мной.
Во стенании жестоком
Я прощаюсь с тобой.
Обливаюсь слезами,
Скорби не могу снести,
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости...

Он положил стихи на середину стола. Затем открыл нижний ящик, достал пистолет, осмотрел его, зарядил и положил поверх стихотворения.

– Вот и всё! – сказал он вслух и вздрогнул от собственных слов. Неужели он, выросший в благочестивой религиозной семье, готов совершить тяжкий грех самоубийства? Но другого выхода нет...

И вдруг новость откуда прилетевшая мысль пронзила мозг: "А что, если?"...

Нет, только не это! А как же его клятва?!

Державин в смятении мерил шагами свой кабинет. И в конце концов решился: будь, что будет! Он должен испытать судьбу. Бог милостив и, быть может, простит его, грешного.

* * *

Игорный дом "Рыжий Джокер" разительно отличался московского "Короля бубен". Дорогая мебель, яркий свет, чинные лакеи, приличные, хорошо одетые гости. Но главное, что отметил Державин опытным глазом бывалого игрока, – отсутствие зеркал, главной шулерской атрибутики. За игорным столом он увидел знакомого офицера из Преображенского полка. Тот, узнав его, приветливо помахал рукой и познакомил со своими партнёрами.

Видно, не зря говорят, что порок имеет некую притягательную силу. Непередаваемое чувство охватило Державина, едва только он взял в руки новенькие, сияющие глянец карты из только что распечатанной колоды. Мелкая дрожь пробежала по телу от головы до пят, тонкие нервные пальцы привычно расправили карты веером...

И началась игра! Шестёрки, тузы, короли и дамы, казалось, без разбору летели на зелёное сукно, но Державин был опытным игроком: мгновенно запоминал все ушедшие из колоды карты и строил возможные комбинации для дальнейшей игры. Так продолжалось несколько часов. Партнёры менялись, давно ушёл с пустым кошельком знакомый преображенец, а Державин всё играл и играл...

Какое-то непостижимое чутьё подсказывало ему, что сегодня его день! Он перестал мучить себя расчётами и непосильным напряжением памяти и играл легко, с азартом, не думая о проигрыше и не считая выигрыш. Сколько времени прошло? Он не знал. И лишь когда в отдалении послышался колокольный звон, сердце его вздрогнуло. Словно кто-то незримый шепнул ему: "Довольно". Он тотчас поднялся, втиснул в кошелёк и рассовал по карманам выигранные деньги, раскланялся с партнёрами и вышел на тёмную улицу.

Кучер Прошка спал, притулившись на облучке. Державин растолкал его и рассмеялся, когда тот повернул к нему испуганную спросонья рожу.

– Домой! – коротко бросил поэт и, прежде чем сесть в карту, положил ему в ладонь серебряный рубль.

Счастливый Прошка весело тряхнул поводья, причмокнул, и карета покатила по пустынной мостовой.

Дома Державин первым делом разрядил и убрал в ящик стола пистолет. Стихотворение хотел сжечь, но передумал и тоже положил в ящик. Много лет спустя оно станет известно читателям под названием "Разлука", но никто так и не узнает, кому оно посвящено.

Освободив стол, Державин разложил на нём выигранные деньги: золотые и серебряные монеты, пачки ассигнаций... Посчитав свалившееся на него богатство, он в изнеможении опустил на колени перед иконой и возблагодарил Бога.

В ту удивительную ночь его выигрыш составил сорок три тысячи рублей! До конца своей жизни он больше никогда не играл в азартные игры. Ну, разве что, в подкидного дурачка для забавы...

Глава 12. Счастье

На другой день Державин расплатился с Дворянским банком. Оформив все бумаги, чиновники любезно заверили его, что Иван Блудов в самом скором времени будет освобождён из острога. Державин поблагодарил, но никакой радости от этой вести не испытал. У него были заботы поважнее. Он написал письмо Марии Дмитриевне с просьбой принять его, купил два букета роскошных роз, вина и сладостей и велел Петруше доставить всё это Бастидоновым.

Время потянулось в томительном ожидании.

– Есть ответ? – нетерпеливо спросил он, когда слуга наконец вернулся.

– Ничего не написали-с... – удручённо протянул Пётр, разводя руками и сочувственно глядя на окаменевшее лицо хозяина. Потом помолчал и добавил: – Только на словах велели передать...

– Что?! Да говори же, сукин сын!

Петруша вдруг расплылся в широкой улыбке.

– Что ждут вас завтра к ужину!

У Державина не хватило духу отругать слугу за то, что тот позволил себе сомнительную шутку. От сердца отлегло. Он снова желанный гость в доме Бастидоновых!

* * *

Мария Дмитриевна принарядилась по случаю его визита. На ней было зелёное муаровое платье, которое переливалось и шуршало при каждом её движении.

– Рада вам, Гавриил Романович! Катенька скоро выйдет... Расскажите, как ваши дела?

– Дела хороши, любезная Мария Дмитриевна! Все денежные затруднения улажены, приехал просить руки вашей дочери.

Бастидонова благосклонно кивнула.

– Ну, что же... Знать, на то воля Божия. Не скрою, мне пришлось наводить кое-какие справки о вашем состоянии. Человек вы небогатый, не так ли? Несколько деревушек в запустении, да к тому же под залогом. Но ваш хороший чин в Сенате и приличное жалование дают основание надеяться, что вы сможете обеспечить семью. За Катей, к сожалению, ничего дать не могу. Был бы жив Яков... – она не договорила, залившись слезами.

Державин растрогано прикоснулся к её руке.

– Уверен, что покойный Яков Иванович благословил бы наш союз. А что касается наследства... Лучшим приданым для Кати являются её молодость, ум и добрый нрав. Больше ничего мне не надобно.

Бастидонова вновь расплакалась и стала уверять, что они вовсе не нищие и не безродные. Цесаревич Павел Петрович весьма к ним благоволит и жалуется своими милостями свою бывшую кормилицу и молочную сестру.

– Да что я всё о деньгах, – спохватилась она. – Ступайте, голубчик, к Катеньке! Она в библиотеке. Читает, как всегда...

Замирая от волнения, Державин спустился на первый этаж и приоткрыл дверь библиотеки. Катя сидела у окна с книгой, но её глаза глядели мимо страниц в окно, на деревья, тронутые осенней желтизной. При виде Державина она встала и устремила на него огромные чёрные глаза с немимым вопросом. Он поклонился и спросил, известно ли ей, зачем он пришёл.

– Маменька сказывали, – дрожащим голосом ответила она.

– Я люблю вас, Катенька! Согласны ли вы стать моей женой?

– От маменьки будет зависеть...

Такой ответ его не удовлетворил. И он снова спросил:

– А если бы всё зависело от вас? Что бы вы сказали?

– Я не против, – чуть слышно прошептала Катя и вспыхнула до кончиков ушей.

Он в восторге бросился к ней и стал целовать её руки.

* * *

Через неделю Бастидоновы устроили небольшой приём, на котором было объявлено о помолвке. Теперь Державин мог свободно наносить визиты своей Пленере, а также сопровождать её в театр, на балы, представлять друзьям... Они были красивой парой, все их охотно принимали, осыпая комплиментами. Все, кроме Неклюдовых. Те даже не явились на помолвку, отговорившись каким-то пустяком. Однажды, зайдя к друзьям, Державин сказал, что хотел бы познакомиться их со своей невестой. Митя поздравил его, а Нина вдруг побледнела и выбежала из комнаты.

– Что с ней? – спросил Державин.

Досадливо махнув рукой, Митя признался:

– Неужели ты не понял, Мурза? Она всё ещё влюблена в тебя! И то, что ты женишься на юной прелестной девушке, не может её радовать. В общем, мы решили уехать в Италию.

– Из-за меня?!

– Не совсем так, друг. Не хотел тебе жаловаться, но моя старая рана никак не хочет заживать. Лекарь говорит, что виноват холодный климат.

Неклюдов проводил его до крыльца. Они обнялись на прощанье, а потом долго стояли на ступенях, не решаясь расстаться.

– Волк ел – не знаю, что, и костью подавился... – вдруг тихо произнес Митя.

– Метался от тоски, и чуть он не вздурился! – подхватил Гавриил.

Они рассмеялись, но не слишком весело. У Державина почему-то мелькнула мысль: "Я вижу его в последний раз". Он взглянул на друга и понял, что Митя подумал о том же...

* * *

Цесаревич Павел Петрович безвыездно жил в Гатчинском дворце. Жизнь его была скучна, и когда ему доложили о визите бывшей кормилицы, молочной сестры и её жениха-поэта, он несказанно обрадовался. Павел был женат уже вторым браком: первая супруга, Наталья Алексеевна, умерла при родах, вторая – Мария Фёдоровна пребывала на сносях и постоянно жаловалась на недомогание.

Враждующий с матерью, никем не любимый и вечно угрюмый Павел в тот день словно ожил. Он устроил для дорогих гостей чаепитие с медовыми пряниками, шутил, веселился и то и дело просил Державина почитать стихи.

– Вы подарили мне счастливый день, и я непременно отплачу вам тем же! Поскольку я – покровитель Катеньки, то приданое за мной! Правда, – смутившись, добавил он, – сейчас у меня ровно ничего нет. Но как только я буду в силах...

Увы, сил ему так и не хватило: Катя не дождалась приданого от своего молочного брата. А Державин вовсе не помышлял о богатстве. После уплаты долга у него ещё оставалось около восемнадцати тысяч – целое состояние! Он купил небольшой уютный дом возле Сенной площади и мечтал о том, как приведёт туда молодую жену. Вскоре так и случилось. Получив из Казани письмо с благословением матери (старушка по здоровью приехать не смогла), 18 апреля 1778 года Гавриил обвенчался с Екатериной.

* * *

В молодой жене Державин нашёл свой идеал. Он терпеть не мог хмурых и сварливых женщин, а Катя подарила ему радость, нежность и душевный уют, о чём он всегда мечтал.

Кроткая, ласковая, обворожительная... Всегда с улыбкой на устах, всегда чем-то занята: то вышивает, то читает, то на кухне обсуждает с кухаркой, чем сегодня угостить любимого Ганюшку. По вечерам у Державиных часто собирались друзья-сослуживцы, а также писатели, поэты и те, кто себя таковыми считал. Украшением литературных вечеров была, конечно, прекрасная Пленира. Она пела, играла на клавишине и мастерски вырезывала из бумаги силуэты гостей... В те времена такое искусство было в большой моде.

Державин боготворил жену, и если вдруг приходилось им ненадолго расстаться, страдал и томился в разлуке. Но он не замкнулся в своём семейном мирке, и темы его стихов не ограничивались одной любовью. Именно в первые годы их супружества он неожиданно для всех написал загадочное, леденящее душу произведение – оду "На смерть князя Мещерского", в которой размышлял над хрупкостью счастья и человеческого бытия. Сегодня ты полон жизни и беззаботного веселья, а завтра... тебя уже нет.

Мещерский не был ни героем, ни великим государственным мужем, а просто милым богатым повесой, как говорится, баловнем судьбы. Каждый день его гостеприимный дом принимал званых и незваных приятелей, вино лилось рекою... Никаких особенных заслуг за ним не числилось – обычный человек, умерший внезапно за столом от апоплексического удара. Врач даже не успел пустить ему кровь. Неотвратимость смерти, её внезапность и беспомощность человека перед ней потрясли Державина. Когда он пришёл на панихиду и увидел мёртвое лицо князя, с которым ещё вчера веселился на дружеском застолье, строки стали рождаться сами собой:

Где был стол яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались клики –
Надгробные там воют лики,
И бледна смерть на всех глядит...

"В природе нет ничего вечного, – думал он. – Гаснут звёзды, погибают птицы, рыбы, звери... Но один лишь человек знает, что умрёт. Так почему же он не пребывает в вечном ужасе перед смертью? Потому, что Бог не дал ему ответа на главный вопрос: когда? Вот и Мещерский до последнего своего часа был счастлив, и ушёл, быть может, даже не успев осознать, что с ним произошло. Его смерть – подтверждение законов бытия: всё рождается, живёт и неизбежно умирает, чтобы дать место новому росту жизни. Так было и будет со всеми".

Друзья высоко оценили его оду, отметив в ней глубокий философский смысл, но Катя, пробежав глазами несколько строк, вдруг побледнела и отказалась дочитать до конца.

– Прости, не могу! Это очень, очень страшно!

Державин обнял её, мысленно ругая себя за то, что испугал жену. Ведь она ещё совсем девочка...

Он открывал в ней всё новые и новые достоинства, не мог на неё надышаться. Через год он отправился с Катей в Казань к матери. Фёкла Андреевна приняла её, как дочь, обласкала нежно, а казанское общество было ею так очаровано, что не хотело отпускать обратно в Петербург.

Словом, всё было в ней восхитительно... кроме одного. Минуло несколько лет их счастливой супружеской жизни, а Катя никак не могла забеременеть. Она безмерно печалилась и уже не могла скрыть своей тревоги: терзалась мыслью, что муж её разлюбит. И Державин, видя, как она страдает, однажды раз и навсегда развеял все её сомнения.

– Моя маленькая Пленира! Не будем роптать на судьбу, которую Бог нам назначил. Довольно молить его о том, чего он не желает дать. Какие бы испытания не выпали нам, мы будем любить друг друга, верно?

– Да... – прошептала она, прижимаясь к его груди. – До конца жизни!

И снова стал звенеть в доме её серебряный смех и стали устраиваться поэтические вечера с домашними спектаклями.

Державин мечтал обрести друзей среди признанных поэтов. После смерти Сумарокова главным стихотворцем России стал Херасков. Державин подумывал встретиться с ним, но, помня его суровую отповедь, не решался. Он сблизился с кружком молодых, ещё не слишком известных, но чрезвычайно боевых и задиристых стихотворцев, не признающих никаких авторитетов. Это были трое неразлуч-

ных друзей – Василий Капнист, Николай Львов и Иван Хемницер. И хотя по возрасту Державин был старше всех, он чувствовал себя учеником по сравнению с образованными приятелями. Не знал он многих стихотворных премудростей, писал на слух...

Однажды друзья принесли ему журнал "Всякая всячина", издававшийся императрицей, где была напечатана её собственная "Сказка о царевиче Хлоре". Громко, наперебой, они стали критиковать это сочинение, которое, по их мнению, никогда бы не было опубликовано, если б автором была не государыня, а кто-то другой.

Поздно вечером, проводив гостей, Державин полистал журнал и прочёл сказку Екатерины Алексеевны, написанную для своего пятилетнего внука Александра, а также в назидание всем детям Российской империи.

В сказке юный царевич Хлор, сын князя Кия, попадает в плен к киргиз-кайсацкому Хану, который даёт ему задание – найти "розу без шипов, которая не колется". Царевичу помогает дочь хана – Фелица. Она посылает ему спутника, по имени Рассудок, который ведёт царевича к цели сквозь многочисленные препятствия и соблазны. Опираясь на два посоха – Честность и Правду, царевич карабкается на высокую гору. Там, на вершине, в саду волшебного дворца растёт роза без шипов, символ Добродетели. Хлор срывает её, и за этот подвиг Хан отпускает его домой.

Державин был готов согласиться со своими молодыми друзьями. Сказка и впрямь показалась ему наивной, слащавой и чрезмерно назидательной. Но в то же время она натолкнула его на некую мысль... Было ясно, что под мудрой Фелицей, Екатерина Алексеевна подразумевала себя. Так почему бы не принять участие в игре, предложенной сочинительницей? Она хочет быть Фелицей? Прекрасно, она будет ею!

Державин отложил журнал, взял перо и после некоторых размышлений вывел на листе бумаги несколько строк:

Богородица царевна
Киргиз-кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Где роза без шипов растёт...

Державин перечитал и тихо рассмеялся. Да, именно так и будет! Он напишет ей оду, приняв её же правила игры. Соединит в одном сочинении высокий и низкий стили! Признанные пииты не пускают его в свой круг? Ну, что ж, он создаст свой собственный.

Над новой одой Державин работал вдохновенно, как одержимый. В ней он обращался к Фелице, героине сказки, от имени мурзы, который просил Фелицу "подать наставленье", а получалось так, что он давал советы ей самой. Он называл ее "богородицей", а на самом деле изображал обычной, земной. Но в том-то и состояло её главное обаяние!

Мурзам своим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает на столе твоём...

По мере работы над одой Державин всё больше влюблялся в образ Фелицы, который создал в своём воображении. Не её вина, что "мурзы" пребывают в роскоши, спят до полудни, предаются грёзам о военных подвигах, рядятся в дорогие одежды, чревоугодничают на пирах, нежатся на диване в обществе прекрасных дев, разъезжают в золочёных каретах...

Везде соблазн и ложь живёт;
Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растёт?

На фоне пороков вельмож заметнее блистали достоинства Фелицы. Ода получилась лестной, но не льстивой. Не пустое славословие, а похвалу за конкретные деяния воздавал ей поэт и делал это искренне, без всякого притворства. Не только потому, что, насмотревшись на преступления пугачёвщины, стал убеждённым монархистом, а потому, что видел перемены в жизни России. С приходом Екатерины стало вольготнее дышать, и он был ей за это благодарен.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Её на землю уронить...

В конце оды звучала хвала Фелице, как напутствие на дальнейшее благодетельное царствование...

* * *

Он долго никому не показывал своего сочинения. Опасался неудовольствия вельмож и критики маститых поэтов за то, что осмелился пойти против общепринятых литературных правил. Что-то они скажут?

Однажды к нему пришел завсегдатай литературных гостиных, поэт, механик и архитектор Николай Львов. Державин решил вручить ему свою оду. Но тот, скользнув глазами по строкам, бессильно откинул кудрявую голову на спинку кресла и прошептал:

– Я к тебе за советом, Романыч...

– Что с тобой? – встревоженно спросил Державин. – На тебе лица нет!

Николай был лет на десять моложе Державина, и, хотя любил похвастаться своим образованием, часто просил у него житейских советов.

– Я гибну... Ты ведь знаешь, что я люблю Машу...

Державин сразу понял, что речь идет об одной из дочерей обер-прокурора Сената, Алексея Афанасьевича Дьякова. Старшая, Александра, вышла замуж за поэта Капниста, а Львов и Хемницер были влюблены в среднюю, – Марию. Младшая из сестёр, одиннадцатилетняя Даша, шпионила за всеми и украдкой строила глазки Державину, вызывая иронический смех его жены. Катя шутя называла её "мармазеткой" – маленькой обезьянкой.

– Не печалься, Николай! Мария Алексеевна тоже тебя любит, а Хемницер, при всём своём таланте, тебе не соперник, сам знаешь!

Иван Хемницер, сын обрусевшего немца, был талантливым баснописцем, но в любви ему не везло: бедняга был весьма непригож собой.

– Дело не в Иване, а в отце Маши! Алексей Афанасьевич почему-то настроен против меня.

– Он тебя плохо знает!

– В том-то и дело, что уже всё узнал!

– Что именно?

Львов заметно смутился.

– Должен признаться... Мы с Машей тайно обвенчались. Тянуть нельзя было: ребёночка на Святцы ждём... Думали сразу отцу открыться, да всё откладывали, боялись. А тут вдруг мармазетка постаралась...

– Даша?

– Ну, да! Маленькая паршивка подслушала наш с Машей разговор, сразу всё смекнула и бегом к папеньке! Так, мол, и так: наша Маша скоро станет мамашей! С отцом чуть удар не случился.

Державин слушал с улыбкой. История Николая показалась ему готовым сюжетом для водевиля. Однако, надо было спасать друга.

– Не горюй! Всё образуется. Алексей Афанасьевич – мой сослуживец и приятель. Хочешь, я поговорю с ним?

– Ох, спасибо, Гаврила Романыч! – воскликнул Львов. – Скажи ему, что я – столбовой дворянин старинного тверского рода, и состояние у меня приличное, и связи, и умом Бог не обидел!

– Скажу, скажу! Ступай уж...

Окрыленный надеждой, Львов направился было к двери, но у порога остановился.

– Ах да, забыл твою оду!

– Бог с ней, потом...

– Нет-нет, давай, почитаю на досуге. Ты, Романыч, пишешь тяжело, но в твоих стихах есть что-то настоящее, честное...

Львов был ярким приверженцем принципа Аристотеля: "Подражай природе!". В стихах Державина, несмотря на некоторые их несовершенства и тяжеловесность, он чувствовал дыхание естественной жизни, пробивающееся сквозь застарелые каноны классицизма. И всегда говорил, что в их литературном кружке Державин – самый талантливый.

* * *

Через неделю, в воскресенье, Львов снова появился у друга и кинулся ему на шею:

– Романыч! Ты – волшебник!

Решив, что тот благодарит его за успешную беседу с обер-прокурором, Державин скромно ответил:

– Пустое! Господин Дьяков – разумный человек, он сразу всё понял.

– Да я не о Дьякове, а о твоей новой оде! Она бесподобна! Это прямой переверот в стихотворчестве! Я сражён!

Он упал в кресло и стал шутливо обмахиваться, словно веером, каким-то журналом. Державин молча глядел на него, не зная, что сказать. Николай вскочил и усадил его в кресло.

– Присядь, Романыч, чтоб не упасть. И полистай сие издание. Впрочем, листать не надо, начинай сразу с первой страницы.

Николай сунул ему в руки свежий номер журнала "Собеседник любителей русского слова", редактором которого была княгиня Екатерина Романовна Дашкова, директор петербургской Академии наук.

Журнал открывался одой Державина "К Фелице"!

И пока поэт ошарашенно глядел на неожиданную публикацию своего произведения, Николай рассказал, как принёс его рукопись в редакцию "Собеседника", и как Екатерина Романовна, читая, восклицала: "Ну, мурза! Ну, чёрт полосатый!". А потом распорядилась немедленно сдать оду в набор и поставить её в журнале первой. А свою собственную статью велела напечатать следом за ней.

– Ты только представь! – распалялся Львов. – О твоём творении скоро узнает вся просвещённая Россия! Быть может, в этот самый миг её читают Херасков, Княжнин, Фонвизин и даже сама императрица...

– А также Потёмкин, братья Орловы...

– Не трусь, сейчас другие времена! Побегу к Капнисту – он ещё ничего не знает!

Когда Львов убежал, Державин долго сидел в кресле, размышляя и перечитывая свою так неожиданно вышедшую в свет оду. Он не знал, радоваться ему или огорчаться. Николай, конечно, шельма, что напечатал "Фелицу" без его ведома. Но всё-таки приятно... Вряд ли у самого автора хватило бы духу отнести оду в "Собеседник" – самый известный журнал Петербурга.

Он перевернул несколько пахнущих типографской краской страниц и увидел статью Дашковой. Она называлась: "Послание слову ТАК" и была написана прозой и стихами. Взгляд Державина задержался на строчках:

Лишь скажет, кто из бар: "Учение есть вредно,
Невежество одно полезно и безвредно".
Тут все поклонятся – и умный и дурак –
И скажут, не стыдись: "Конечно, сударь, так!".

Державин усмехнулся, невольно отметив слабую рифму: "вредно-безвредно". Ну, а в целом, недурно... Эх, будь, что будет! Николай прав: чего ему бояться? Не те нынче времена, чтобы за вольнодумство тащить поэтов на правёж.

* * *

Шёл день за днём... Державин ждал хоть какого-то отклика на свою оду, но, кроме восторженных поздравлений Львова, Капниста и Хемницера, ничего не получил. Молчал Херасков, молчали Фонвизин, Богданович, Княжнин... Молчали и его сослуживцы в Сенате. Более того, вместо славы, на Державина неожиданно обрушилась большая неприятность. В департаменте государственных доходов, где он служил, обнаружилось сокрытие крупной денежной суммы. Державин, имея опыт агента Следственной комиссии, сам провёл расследование и вывел одного из чиновников на чистую воду, после чего доложил о происшествии генерал-прокурору Вяземскому. Но тот, вместо благодарности, схватился за голову: виновник приходился ему родным племянником и, как позже открылось, не раз совершал подобные преступления.

– Что вас подвигло лезть не в свое дело? – простонал Вяземский.

– Дело, о котором вы изволите говорить, Александр Алексеевич, входит в круг моих обязанностей!

– Вы понимаете, что ваше разоблачение ставит пятно на Сенат?

– Пятно поставил не я, а тот, кто совершил подлог.

Князь метнул на него яростный взгляд. Ишь ты! На всё есть ответ! Морщины на его бугристом лбу волнообразно зашевелились, выдавая работу мысли. Усилив воли он заставил себя успокоиться и даже соорудить что-то вроде улыбки.

– Чего уж теперь искать виноватого... Следует думать, как выйти из положения! – он помедлил с минуту и неожиданно предложил: – Нам, Гаврила Романыч, надобно обсудить сей вопрос вечером, за чашкой чая. Окажите честь визитом! Поужинаем, заодно и потолкуем.

Вечером Державин отправился к Вяземскому. Князь был воплощением любезности и за рюмкой вишнёвой наливочки пытался склонить Державина на свою сторону, обещая покровительство и повышение в чине.

– Зачем ходить вокруг да около? Заберите свой рапорт, и через неделю вы получите новый чин! Недостачу покрою сам. И бумаги выправлю!

Наливка Державину понравилась, а предложение – нет.

– Не могу, ваше превосходительство... Мне отец, умирая, сказал: "На небе – Бог, а на земле – закон".

– Да законы-то люди пишут!

– По божьему наущению. Тому пример – "Наказ" нашей государыни императрицы.

Спорили они долго, но так ни к чему и не пришли. Под конец усталый и мрачно-пьяный генерал-прокурор обещал превратить службу Державина в такой ад, что тот сам запросит отставку. Как раз в эту минуту вошёл слуга и объявил, что к господину Державину явился курьер.

– А почто он ищет его в моем доме? – вспыхнул князь.

– Помилуйте, ваше сиятельство! Посыльный искал господина Державина на его квартире, но там ему сказали, что он к вам поехал...

– Ладно, зови!

Вошёл гвардеец и, лихо щелкнув каблуками, громоподобно провозгласил:

– Милостивые государи, имею поручение к мурзе Державину!

На несколько мгновений воцарилось молчание. Опомившись, Державин шагнул вперёд:

– Это я... С чем пришёл, братец?

– Приказано вручить пакет, ваша милость! – доложил бравый курьер, протягивая запечатанный свёрток.

Рука Державина дрогнула: пакет неожиданно оказался тяжёл. В тот же миг гвардеец, воскликнув: "Честь имею!", развернулся по артикулу кругом через левое плечо и удалился строевым шагом.

Князь вытер пот со лба батистовым платком.

– Ч-что всё это значит?

Державин прочёл надпись на пакете:

– "Из Оренбурга, от киргизской царевны мурзе Державину".

Сердце застучало дробью: прочла! Откликнулась! Даже пошутила!

Всего лишь на миг он закрыл глаза... И, словно наяву, прекрасная дама в гвардейской треуголке вновь пронеслась мимо него на белом коне, одарив лучезарной улыбкой. Видение пропало так же быстро, как и появилось. А рядом бубнил Вяземский:

– Ничего не понимаю! Что за царевна? Почему из Оренбурга? Уж не взятка ли это, святой вы наш...

Державин вскрыл пакет. Казалось, тысяча солнц разом вспыхнули и заиграли разноцветными огнями! В пакете оказалась золотая табакерка, усыпанная бриллиантами. Драгоценные камни сверкали и переливались, составляя причудливый узор.

– Боже мой, – простонал Вяземский. – Какая роскошь! А что внутри? Только осторожнее... Вот кнопочка.

Внутри табакерки находились пятьсот золотых импералов!

– Да-а... – еле выдохнул генерал-прокурор. – Подарок с выдумкой и тонким вкусом, как и подобает императрице.

– Почему вы думаете, что это от неё?

– Ужасно трудно догадаться! Взгляните на вензель! – князь указал на затейливую букву "Е", в бриллиантовых завитушках. – Но чем вы заслужили сию неслыханную милость? И почему её величество называет вас мурзой?

Пришлось Державину рассказать об оде "Фелица".

– Государыня изволила пошутить со мной, – пояснил он.

– Ничего себе шуточки... А как вам удалось сочинить оду? Вы – поэт?

– Кажется, сегодня я поверил в это.

Несколько мгновений генерал-прокурор молча хлопал рыжеватыми ресницами, потом, словно очнувшись, расплылся в лстивой улыбке.

– Поздравляю, Гавриил Романович, и горю желанием поскорее прочитать ваше творение! Обожаю стихи!

– Об этом я наслышан... А как с делом о подлоге?

Вяземский с жаром воскликнул:

– Выгоню подлеца! С позором! Не посмотрю, что родственник!

* * *

Присев за небольшим круглым столиком, Екатерина Алексеевна снова с удовольствием раскрыла альманах "Собеседник". В жизни она не встречала ничего подобного! И вовсе не комплименты автора так поразили её... Слыхала она и более громкие дифирамбы в свою честь. Но те шли не от сердца и

потому не трогали. Впервые поэт изобразил свою императрицу живой женщиной, прекрасной, доброй и простой, радеющей о пользе Отечества, но в чём-то слабой и обманутой своими лукавыми царедворцами. "Откуда он так хорошо знает меня и моих вельмож? Верно, господь надоумил...", – думала Екатерина, перечитывая оду Державина и останавливая взор то на одной, то на другой строчке. Раньше она любила только прозу и мало интересовалась стихами, считая сам способ выражения мысли в рифму неестественным. Но "Фелица" растрогала её душу. "Читаю и плачу, как дура", – призналась она княгине Дашковой, которая однажды спросила, понравилась ли ей ода Державина.

Она не только проливала слёзы умиления, но и рассылала книжки альманаха своим министрам и фаворитам, пороки которых высмеял поэт, и собственноручно подчёркивала касающиеся их строки. Особенно удачным, по её мнению, получился Григорий Потёмкин:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью,
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю,
То, возомнив, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом,
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан...

Вельможи, хоть и злились, но не осмеливались мстить дерзкому стихотворцу. Он словно получил индульгенцию из рук самой государыни и отныне был защищён от всех посягательств.

Опомнились и знаменитые поэты России. Херасков из Москвы прислал Державину письмо с поздравлением. Гаврилу Романыча стали приглашать в известные литературные гостиные, куда ему доселе был доступ закрыт. Вместе с ним высшее поэтическое общество стали посещать и его молодые друзья: Капнист, Львов и Хемницер.

Николай и Мария Львовы недавно сыграли свадьбу. А влюблённый в Машу Иван Хемницер, самый молодой и впечатлительный из их компании, хотел было застрелиться, но передумал после того, как "Собеседник" опубликовал его первые басни – вольные переводы Лафонтена и собственные сочинения. Особенно понравилась его басня "Богач и бедняк", которая быстро разошлась на цитаты:

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг, и брат,
Хоть не имей заслуг и чина
И будь скотина...

Читатели говорили, что в этом роде поэзии Хемницер превзошёл самого Сумарокова. Но никто не мог затмить славу Державина...

Императрица приняла его во дворце и около часа расспрашивала о житье-бытье. А потом частенько присылала ему приглашения то на спектакль, то в маскарад, то на званый ужин. Державин обожал её и считал идеальной правительницей. Все безобразия, творившиеся в России, он относил к её недругам – бесчестным вельможам и алчным сановникам. А она была добра, прекрасна и не ведала, что её бесстыдно обманывают те, кому она доверилась. Словом, поэт пожинал плоды своей славы и пребывал в некоем сладком сне.

Между тем злоупотребления в Сенате не прекращались, и Державин, уверенный в своей правоте и торжестве закона, снова принялся писать рапорты Вяземскому. Тот терпел, сколько мог, а потом взорвался и выполнил свою давнюю угрозу "превратить его жизнь в ад". Для этого он воспользовался помощью подчинённых. Многие сослуживцы Державина, ранее благоволившие к нему, теперь втайне завидовали его успехам. В глаза говорили комплименты, а сами выискивали в его работе нечаянные промахи и даже подло "подставляли", сообщая неверные цифры в деловых бумагах.

Все кончилось тем, что Державин был вынужден уйти из Сената. К тому времени он был уже в чине статского советника, и его назначили губернатором в захолустную Олонецкую область, хотя в те дни освободилась должность губернатора в его родной Казани.

Ему бы похлопотать о себе, обратиться с прошением к государыне, а он...

(Окончание следует)

АНАТОЛИЙ ИЛЬЯХОВ

Краснодар

Ильяхов Анатолий Гаврилович родился в 1941 г. в Сочи. В 1967 году окончил Краснодарский политехнический институт. Более сорока лет работал по специальности инженер-строитель.

Со школьных лет интересовался древней историей, собирал книги и вырезки из журналов и газет по античной тематике. Это позволило обратиться к литературному труду. В 2003 году написал рукопись из жизни древних греков, которая в дальнейшем послужила полезным материалом для работы над отдельными книгами. Сотрудничает с журналами "Бизнес-Ключ" (Челябинск), "Курортный Олимп", "Вестник торгово-промышленной палаты" (Краснодар). Книги Ильяхова адресованы всем, кому интересна античная история. Член Союза писателей России.

КОМСОРГ

Быль

Трудно сейчас представить, прошло шестьдесят лет с памятного дня, когда я стал комсомольцем. Свершилось это важное для советского школьника событие в конце десятого класса, а до той поры вступить в ряды ВЛКСМ мне не привелось. Первоклашкой с гордостью носил на школьной форме красно-золотую звездочку с изображением "маленького, с кудрявой головой, Володи", потом красный галстук. На призыв пионервожатого "Будь готов!" бодро отвечал: "Всегда готов!", с одноклассниками собирал металлолом и макулатуру для тяжёлой и легкой промышленности страны, семена акации и жёлуди для лесозащитных полос, посещал творческие кружки в Доме пионеров, участвовал в школьной самодеятельности и совершал ещё немало хороших дел и поступков.

В четырнадцать лет после беспорочного пребывания в Пионерии школьники обычно "шли в комсомол". Но если в ряды пионерской организации вступали целыми классами, в ВЛКСМ принимали индивидуально. Требовалась рекомендация коммуниста или двух комсомольцев со стажем не менее десяти месяцев. Ни того, ни другого у меня не имелось. К тому же, кандидаты проходили собеседование в школьном комитете комсомола с представителем райкома; нужно было назубок выучить устав ВЛКСМ, имена вождей комсомола и партии, не задумываясь назвать важные государственные даты. А подобные сведения с трудом помещались в молодых головах. Даже, казалось бы, самый простой вопрос: "Почему хочешь стать комсомольцем?" ввергал в панику любого школьника, вышедшего из пионерского возраста. Говорить нужно было только правду, – а как её сформулировать? И притом, если тебя не примут в комсомол, как с таким позором жить дальше?

Для меня имелся ещё фактор, удерживавший от решительного шага – поведение. Во время занятий я пытался шутить, высказывая вслух своё отношение к теме уроков. Особенно любил нарушать дисциплину на уроках английского языка, которые вела молоденькая учительница; на вид почти нам ровесница, со светлой косой, тщательно уложенной вокруг затылка. Когда она входила в класс, "мужская" половина заметно оживлялась; я же, из-за слабого зрения занимавший парту напротив стола преподавателя, намеренно сосредотачивал внимание на пуговках её блузки. "Англичанка", как ожидалось, нервничала, старалась делать строгое лицо и, наконец... краснела. Потом жаловалась классному руководителю с записями в дневник и прочими оргвыводами для меня.

В середине десятого класса в школе появился седовласый майор, работник городского военкомата; запомнились его впалые щеки и раскатистый голос. Оглядев стальным взглядом шеренгу ребят обоих десятых классов, он подал команду рассчитаться на "первый-второй", после чего весомо заявил:

– Скоро вам идти в армию, служить Родине. Почётный долг каждого гражданина. Кто не сдал нормативы ГТО, тот слабак. Немедленно этим заняться! И в комсомол рекомендую вступить!

С заместителем военкома разве поспоришь? В последующие три дня вместе с десятиклассниками из других школ я посещал стадион, где бегал стометровку и прочие дистанции, прыгал в длину и в высоту, бросал диск, ядро и учебную гранату. Ещё сдавал нормативы по плаванию в настоящем спор-

тивном бассейне; хорошо, хоть не заставили прыгать с десятиметровой вышки. В результате стал обладателем замечательного знака ГТО, о котором мечтали мальчишки из моего детства.

"Клоунаду" на уроках пришлось прекратить, и по нелюбимым предметам отметки подтянул до "четвёрки" и "пятёрки". Особенно отличился, когда на большом формате, склеенном из двух чертёжных листов, нарисовал школьную стенную газету "Колючка" с обличительными карикатурами и стишками собственного творчества. Заклеймил позором учеников младших классов – прогульщиков, двоечников и разного рода разгильдяев. На переменах вся школа толпилась у газеты, потешались над моими "героями", после чего учителя говорили обо мне: "За ум взялся! Повзрослел!"... А когда однокурсники дружно подали заявления в комсомол, заторопился и я, думая не столько об армии, сколько об институте.

На общем собрании школы обсуждение наших кандидатур прошло гладко, в райкоме мы не услышали ни одного каверзного вопроса. Но когда мне вручили комсомольский билет, я ощутил необычные чувства, схожие с восторгом. Словно расстался со старой кожей и изнашиваю новую, пока непривычную... Запомнил наказ райкомовского секретаря, что для комсомольца главное – быть примером для товарищей, вовремя уплачивать членские взносы, ни в коем случае не посещать церковь и, вообще, соблюдать Устав. Иначе можно лишиться комсомольского билета, и тогда не вступишь в партию, авангард трудового народа.

Я аккуратно уплачивал членские взносы и был горд тем, что и мои две копейки в месяц шли на поддержание полезной деятельности ВЛКСМ имени Владимира Ильича Ленина.

* * *

В какое высшее учебное заведение поступать, долго выбирать не пришлось – рядом Краснодар, город студентов. Отослал по почте документы в приёмную комиссию политехнического института, на только что открывшийся строительный факультет. На вступительные экзамены приходил с двумя значками на груди – комсомольским и ГТО – как, впрочем, многие абитуриенты. Увереннее нас, недавних школьников, чувствовали себя бывшие солдаты, отслужившие в армии – им были положены льготы при начислении баллов; на экзамены они являлись в потёртых солдатских гимнастёрках, грудь в невиданных на гражданке значках.

Пять экзаменов, хорошие отметки, и всё равно волнующий поиск своей фамилии в списках, вывешенных в вестибюле института. Общее собрание первокурсников и первое распоряжение ректора: "По колхозам! Учёба через месяц!"... Не скажу, чтобы мы сильно огорчились, скорее, обрадовались – ведь впереди маячила студенческая вольница...

На время "трудового семестра" к каждой группе прикрепили преподавателя. Нам достался совсем молодой, Алексей Иванович, недавно закончивший институт физкультуры; при виде его мускулистого торса в модной спортивной майке девушки зашушукались. А он, сдвинув белесоватые брови, хорошо поставленным голосом пресёк попытку "дать слабину":

– На практике, которая вас ожидает, я капитан корабля, а вы – моя команда. Известно, что капитан во время плавания для всех остальных – царь и судья. Если будете нарушать трудовой режим и дисциплину, пеняйте на себя.

Мы с радостью узнали, что по разнарядке управления сельского хозяйства нам ехать в Анапу. Но "капитан" охладил эмоции:

– Курортные настроения отменяются! Едем не для того, чтобы прохладиться в море и нежиться на песочке. Нас ожидают виноградники местного совхоза.

Голос его построжел:

– Завтра всем быть на железнодорожном вокзале в шесть-тридцать утра. Минимум личных вещей. Для студентов политеха предоставлены три плацкартных вагона. Кто опоздает, придётся догонять за свой счёт.

Труд на виноградниках... В моём воображении возникли шпалеры, уходящие за горизонт, увесистые грозди, насквозь просвечивающиеся в лучах ласкового южного солнца. Я пробую янтарные ягоды и ощущаю нежную мягкость; сок растекается по языку и нёбу, губы слипаются от сладости... Но потом увидел себя с тяжёлой корзиной, над головой нещадно палящее солнце...

Преподаватель рассказал о том, что для Анапы год выдался на редкость урожайный, совхозные рабочие не управятся. Нужно спешить – впереди осенние дожди. Вовремя не уберём – пропадёт труд сотен людей! Администрация района призвала на помощь студентов краснодарских ВУЗов, и мы, студенты, благодарим за доверие. Конечно, не подведём родной институт. По секрету, директор совхоза обещал начислять нам "трудодни", которые поначалу пойдут в коллективный "котёл", а потом, за минусом питания, проживания и прочих бытовых расходов, разделят деньги на каждого.

– Будет вам добавка к стипендии, – заверил преподаватель.

Набились в вагоны до предела. Путь до места назначения занял почти день; было жарко, не продохнуть, но тягот никто из нас не испытывал. Присматривались друг к другу, знакомились, рассказывали всякие истории, вызывавшие дружный смех. Нашлась гитара; пели туристические песни...

На конечной станции, по скромному виду, без намёка на курортное предназначение, нас ожидали... грузовые машины, с низкими железными бортами и даже без досок для сидений. Наверное, сегодня они перевозили железобетонные плиты, пиломатериалы и прочие "длинномеры" для строек. А

теперь их занарядили для нас. Что поделаешь, покидали мы туда вещички, узлы и чемоданчики, и поехали впрысядку.

Через полчаса оказались на месте своего временного проживания. Всё выглядело предельно скромно. Довольно большой участок посреди камышовых зарослей, выгороженный металлической сеткой. С краю два деревянных сарая; по всей вероятности, раньше в них хранилось совхозное добро, всякий инвентарь, а сейчас, как мы поняли, они будут нашей ночлежкой. Внутри сараев плотно утрамбованный земляной пол, в углу гора матрасов, шуршащих и благоухающих сеном – наши "спальники". Один сарай для ребят, другой – девушкам. Под навесом столовая: длинный стол из строганных досок, такие же лавки, белёная известью кухонная печь. Вдали два крохотных домика из ящичных досок – "удобства во дворе". Несколько жестяных умывальников на доске дополняли живописную идиллию. Если сложить первые наши впечатления, похоже на бригадный стан, как в фильме "Трактористы".

Стремительно, как положено на юге, свечерело; две лампочки на деревянных опорах освещения начали бороться с надвигающейся темнотой. С дороги все проголодались: в ход пошли домашние припасы – что у кого было, – сложили вместе и гуртом всё до куска, до крошки размели. Потом обнаружили флягу молока, припасённого специально для нас, свеженадоенного от коров с соседней фермы, и два десятка караваев, настоящего белого деревенского хлеба. Такого мы ещё не едали!

Наш преподаватель присмотрел для себя бывшую сторожку, крохотную, зато персональную, которую он тут же нарёк "командным пунктом". Пока определялись, кто и в каком углу будет спать, разобрали персональные матрасы, подошло время сна. Утомила дорога, много впечатлений, на ногах с раннего утра, да и размлели после ужина...

На всякий случай, Алексей Иванович предупредил:

– Ночью никому зря по двору не шастать! Не вздумайте идти на море – отсюда оно далеко. Отправляю в Краснодар, пусть ректор с вами разбирается!

Спать, так спать. Свет в "спальнях" выключили. Глаза уже слипались, как кто-то из темноты предложил нерешительным голосом:

– Может, вместо колыбельной, по анекдоту?

И пошло-поехало... Развесёлые истории посыпались со всех сторон, и не важно, "с бородой" или ещё не слышал никто. Градус смеха нарастал с каждой минутой. Из-за темноты в выражениях не стеснялись, но всё на грани допустимого.

Подобных шедевров народного творчества у меня тоже имелось предостаточно, сказывалось дворовое воспитание. В последний год я почему-то стал записывать самые остроумные анекдоты. В ту ночь, когда поток весёлых историй у моих товарищей иссяк, я выдал один, про иностранную делегацию, посетившую советский завод. Мастер, наблюдавший за работой токаря, что-то говорит ему очень сердито, а токарь ему отвечает, также темпераментно. Иностранцы заинтересовались предметом их разговора, спрашивают переводчика и слышат пояснение:

– Мастер предлагает токарю обработать деталь не так, как он сейчас делает. При этом мастер общается, что состоит в интимных отношениях с его матерью. Токарь с пониманием относится к словам мастера и отвечает, что тоже состоит в интимных отношениях с его матерью, а ещё с начальником цеха, с директором завода и с самой деталью.

В абсолютной тишине сарая грянул оглушительный грохот, что в тот момент показалось, будто приподняло ветхую крышу. Прибежал встревоженный Алексей Иванович. Всё обошлось...

Наутро я проснулся узнаваемым, и это событие имело неожиданное продолжение. После завтрака, приготовленного спозаранку местной поварихой – морковные котлеты с перловкой и сизый густой кисель – у нас появилась улыбчивая гостья. Оказалось, на новеньком совхозном "Запорожце" с водителем приехала освобождённый секретарь бюро комсомола института Лариса, она же старшекурсница. Мы ещё не закончили жевать, а она взялась за нас:

– Ребята, вы – группа, то есть, коллектив, где каждый живёт не сам по себе, а по единым для всех правилам. Коллективу нужен комсомольский вожак – зачинщик хороших дел. Давайте проведём открытое комсомольское собрание, на котором вы выберёте комсорга, своего товарища. Предлагайте и голосуйте.

Меня посетила невесёлая мысль – ну вот, думали о вольнице – не прошло и дня, как нам предлагают стать коллективом, и кого-то ещё избирать, себе на голову. Но Лариса действовала решительно, не давая одуматься. Говорила и говорила, что нам предстоит ответственная работа в совхозе, впереди учёба, поэтому никак нельзя без комсомольского вожака.

Стало понятно – не отвертеться. Но мы почти не знали друг друга! Вчера только, можно сказать, "на ходу" познакомились, в поезде, да нынешней ночью спали в одном сарае... Оттого растерялись, отводили от Ларисы глаза, с усилием перебирая в памяти имена товарищей, на которых могло бы упасть общее доверие. Пауза затянулась.

Готовая к любому исходу "собрания", Лариса решила помочь:

– Назовите товарища, который в первый же день совместного пребывания поразил вас умением привлечь к себе внимание.

При этих словах ребята повернулись в мою сторону. За ними – девчата, и взгляд Алексея Ивановича тоже остановился на мне – вчера ему пересказали содержание последнего анекдота. Через мину-

ту в нашей группе появился комсорг. Это я! Ещё через минуту собрание завершилось, и Лариса своим приятным проникновенным голосом стала давать советы. Обещала всяческую помощь, призывала быть активным комсоргом, просила помогать ей вести "большое институтское комсомольское хозяйство". Главное в моей работе – вовремя собирать членские взносы, следить за успеваемостью и моральным обликом комсомольцев в группе. Потому что не все молодые люди ответственны за собственные слова и поступки; есть такие, кто не выписывает "Комсомольскую правду" и "Комсомолец Кубани". Их нужно охватывать политинформациями, воспитывать, призывать участвовать в студенческой самодеятельности, писать заметки в газету "За инженерные кадры". Самому же быть на виду и формировать общественную активность комсомольцев группы. В конце беседы Лариса обнадежила:

– Если у тебя всё получится – прямая дорога в комсорги курса, факультета, потом быть избранным в бюро комитета комсомола института. А дальше можно стать членом партии. Но вначале нужно пройти годичный кандидатский стаж. Вот, например, как я сейчас.

С Ларисой мы расстались чуть ли не друзьями. Она поверила в меня, а я в то, что мне по силам руководить комсомольским коллективом.

* * *

Из восемнадцати сокурсников в моей группе ребят было семеро – столь удивительная демография сложилась в те годы. Выяснилось, что всех направляли на винзавод, а девушек – собирать виноград. Им было нелегко, хрупким созданиям, под безжалостно палящими небесами вместе с представителями других факультетов проходить виноградные шпалеры, срезая секаторами увесистые грозди. Шли поутру говорливые и весёлые, работали в охотку, а к вечеру едва волочили ноги "до сеновала"... А мы на заводе перерабатывали результаты их труда...

До сих пор я не видел заводы изнутри, тем более не имел представления о технологии получения вина. По этой причине поначалу впечатлялся от хаоса переплетения труб, огромности резервуаров, от необычных шумов и непривычных запахов, от которых слегка кружилась голова. Конкретный заводской продукт, вино, по молодости лет, меня не привлекал. Видимо, по этой причине главный технолог поручал мне управление небольшим насосом, перекачивающим отжатый сок в огромные бетонные емкости. В них происходило брожение, и какое-то время хранился почти готовый виноматериал. А ещё я познакомился с различными дробилками и всевозможными фильтрами, работал при прессах в самом начале технологического цикла, когда доверху гружёные самосвалы скидывали виноград в приёмные бункеры. Оттуда шнеки толкали массу "в моё распоряжение". Работа не сложная, но зазеваешься – брак будет: слабо затянешь винты – часть урожая уйдёт в отходы; если, наоборот, лишнее прикрутишь – сок не выйдет!

Вначале винты на прессах у меня визжали, словно огромная бормашина, или плевались сочной виноградной массой. Потом управился. Но была одна проблема – мы, несовершеннолетние, выходили и в ночь и работали ненормированно. Ночью, по человеческой природе, спать хочется... По этой причине Вадик Малиновский из моей группы едва не погиб!

Когда он вышел в ночное дежурство, начальник смены поручил ему нехитрую работу – перемешивать виноградную мезгу. Это технологическая масса для выработки особого сорта вина, состоящая из раздавленных ягод, кистей, сока семян и кожицы. Делать это нужно было время от времени вручную ведровым ковшом на длинном шесте, стоя на доске наверху огромной дубовой "кадки" без крышки. По внутренней стороне "кадки" спиралью проходила медная труба с горячим паром. Мезга нагревалась, и в ней происходили нужные конечному продукту процессы. То ли Вадик надышался винных испарений от той "кадки", то ли раньше "угостился" на территории завода – неизвестно, но он оступился и упал... прямо в горячую массу! Как потом признался нам, выскочил наверх, не помня себя, хватаясь голыми руками за нестерпимо обжигающие трубы... Удивительно, при этом почти не пострадал, лишь ладони пошли пузырями и долго болели.

И тут я вспомнил об обязанностях комсомольского организатора. Явился к главному инженеру и что-то сердито говорил о трудовом кодексе и технике безопасности. На столь решительное действие меня, однако, надоумил пожилой рабочий, когда-то чем-то обиженный руководством завода. Главный инженер выслушал, и нас больше не посылали в ночные смены. Моя первая победа! Но после этого случая за нами стали присматривать, причём, не так, как хотелось.

На этот раз виновником оказался Лёша Туголуков, наш товарищ из Кропоткина. Рыжеволосый увалень, лицо в детских конопушках, весёлый и безотказный, если что попросить. Каждого, с кем он знакомился, сразу считал другом, называя непривычным для слуха словом "Кеша", за что мы немедленно дали ему такую кличку. Он охотно отзывался. Надо же так случиться, заводской сторож остановил его на выходе после смены и устроил досмотр.

Обычно охранники относились к нам, студентам из большого города, с долей уважения, приветливо встречали и доброжелательно кивали на прощание. А тут – пристрастный досмотр! Мы слышали от рабочих завода, как они ухитряются выносить вино в резиновых грелках за поясом. Зная это, задерживали только злостных несунув. Студенты под такую категорию явно не попадали, ибо выносить вино за пределы завода не имело смысла. При желании, "угоститься" можно было, где угодно, особенно в лаборатории у молоденьких ассистенток. Кому нужны были разборки с Алексеем Ивановичем?

Не в меру бдительный сторож обнаружил у нашего Кешы под рубахой... небольшую фляжку с литром портвейна. Как мы ни уговаривали сторожа, он позвонил по местной "вертушке" главному инженеру. Похоже, радостно отчитался, что задержал преступника! Дело принимало нежелательный для студентов криминальный оборот.

Вскоре на проходной появился обескураженный Алексей Иванович. При нём составили акт о хищении заводской продукции в один литр. Кеша признался, что ребята из параллельной группы, работавшие на сборе винограда, попросили принести "гостинец" на день рождения одного из них. Вручили посудину. В итоге Алексей Иванович обещал руководству завода наказать виновного. Забрал Кешу с собой, после чего до конца месяца "сослал" на виноградники. Остальные ребята продолжали трудиться на рабочих местах.

По выходным мы бегали на море, плескались и загорали вволю. Но "ничто не вечно под луной"... Наша совхозная практика подошла к концу. В последний день наш строгий "капитан" отправился к руководству совхоза, как он заявил нам, "подбивать финансовые итоги". Мы напомнили ему обещание руководителя и уже прикидывали, куда потратить сумасшедшие деньги...

Алексей Иванович не появлялся до ночи. Когда мы уже начали волноваться за его жизнь – может, напали грабители, отобрали деньги – знакомый "Запорожец" доставил его, мало похожего на себя. Нетвёрдо передвигая непослушные ноги, но сохраняя достоинство, он с нашей помощью добрался до своего "командного пункта". Благодарно повернулся к нам и только успев сказать: "По полям", упал на постель. Мы поняли, что и в Анапе задолжали государству...

Наутро, используя немощное состояние Алексея Ивановича, я приватно обратился к нему и попросил забыть историю с Кешей. Он молча кивнул.

* * *

Начались долгожданные учебные занятия по напряжённому графику, в бешеном темпе для студентов и преподавателей. Неприятное происшествие на той проходной отдалилось настолько, что мне казалось невозвратно забытым. Как вдруг меня прямо с лекции вызвали на экстренное заседание бюро комитета комсомола группы и попросили прихватить с собой комсомольца Туголукова.

Здесь уже сидел тревожно поведивший глазами Алексей Иванович, с красными пятнами на лице, видимо, от предшествующего с ним разговора. На этот раз Ларису я едва узнал – строгий взгляд, нахмуренные брови, решительный тон с резкими интонациями. Она зачитала письмо главного инженера винзавода, просившего сообщить, как наказали студента Туголукова, укравшего с завода флягу вина! Я не ослышался! Количество вина не уточнялось, зато несколько раз упоминалось – целая фляга!

Кеша, услышав обвинение, окончательно поверил в собственное отчисление из института и сразу сник. Один за другим выступали члены бюро, старшекурсники, говорили о недостойном поведении советского студента, комсомольца. Когда дошла очередь до меня, я дал волю возмущению:

– Вы можете представить, чтобы Туголуков сначала пронёс на завод порожнюю сорокалитровую флягу, а потом каким-то образом тайно наполнил вином? И какую нужно иметь рубашку, чтобы потом ухитриться спрятать флягу и в таком виде пойти через проходную? Я не могу!

– Но флягу на территорию завода могли привезти автомобилем, по сговору, а затем передать Туголукову, – задумчиво предположил кто-то из членов бюро. На что я с прежней горячностью возразил:

– Да, случай кражи имел место. Но не в таких масштабах! Речь идёт о литре, и наказание виновный пусть несёт сообразно проступку!

Лариса оставалась непреклонной, как и подобает секретарю. Продолжала обвинять моего комсомольца, несколько членов бюро поддерживали. Говорили, как недостойно комсомолу защищать расхитителя социалистической собственности. Туголуков, мол, заслуживает не только исключения из комсомола, но ещё отчисления из института.

Я ужаснулся, представив подобный исход копеечного, на первый взгляд, "криминального" дела! Так и сказал, а ещё, что знаю Туголукова много лет, познакомился в детстве в пионерском лагере – соврал, – где он проявил себя с самой хорошей стороны. И на заводе трудился хорошо, и если бы не тот дикий случай, служил бы примером для остальных комсомольцев.

Вообще, меня понесло, открылся фонтан красноречия, и вдруг почувствовал, как настроение присутствующих меняется в лучшую сторону. В конце я почти униженно попросил:

– Давайте запишем выговор комсомольцу Туголукову, можно в карточку, а я за ним слежу. Беру, как говорится, на поруки, под мою личную ответственность.

С заседания мы с Кешей возвращались морально опустошёнными, но героями.

После первого семестра наша группа заметно поредела; из-за неуспеваемости треть отсеялась. Руководство института объединило нас с другой группой, тоже пострадавшей от экзаменов. На комсомольское собрание пришла Лариса и предложила избрать новым комсоргом демобилизованного из армии Юру Плескача, из той группы. Вполне взрослый человек. Я не расстроился. С меня хватило одного хорошего поступка, с которого начался отсчёт собственной взрослой жизни...

ОЛЬГА НЕМЫКИНА

Тихорецк

Ольга Владимировна Немыкина по образованию техник-механик. В 2005 году пришла в тихорецкое ЛИТО "Родник", как начинающая поэтесса, а сегодня она – полноправный заместитель руководителя "Родника" Ужегова Генриха Николаевича. Член Союза писателей России с 2014 года.

Публиковалась в журналах "Мозаика Юга", "Дон и Кубань". Выпустила несколько сборников стихов: "Часы с обратным ходом" (2006), "Тонкая грань" (2008), "Прогулка в пятом океане" (2011), "Как же хочется жить" (2013), "Дорога к себе" (2017), поэма "Таёжный свет" (2013), а также сборник прозы: "Талисман".

О ЧЁМ БЫ Я С ТОБОЙ ПОГОВОРИЛА

О чём бы я с тобой поговорила

О чём бы я с тобой поговорила?
Об осени, что гостьей в дом войдёт.
О птицах, что уже, расправив крылья,
готовятся в далёкий перелёт.

О том, что мы домашнего пошиба –
не манят нас дороги дальних стран,
где чуждый мир, наигранно-фальшивый,
добавит нашим душам новых ран.

О чём бы я с тобой поговорила
без резких фраз, надуманных обид?
О том, что как бы жизнь меня ни была,
во мне твой свет лампадою горит.

Что в тяжкий час неверия и боли
он освещает путь передо мной.
И я смываю с ран крупинки соли
благословенной лёгкою слезой.

О чём бы я с тобой поговорила...
Бывает, лучше просто помолчать.
Молчания невидимая сила
мне помогает многое понять:

И тишину услышать, и природу,
и времени шальной незримый бег...
В тебя, мой друг, в крепчайшую породу,
я свято верю, милый человек.

О чём бы мы с тобой поговорили...
Мы искренни в молчании своём.
Веками шла к тебе, к славянской силе,
сквозь времена ведомая чутьём.

Мне ясно всё, и слов пустых не надо,
когда так выразительны глаза,
твои глаза, сияющие рядом,
глядящие в меня, как в образа.

Молчок ангела

Спокоен Пушкин... Беспокоен я –
тот, кто за ним стоял, оберегая,
и Ангела собою представляя,
не чувствовал фатальность бытия.

О, если б только бедный гений знал,
кого Господь беречь его приставил,
вручив закон и свод небесных правил,
сказал бы: "Друг мой, я тебя не звал".

Поэт не ведал, что курок взведён,
но этот миг прочувствовал подкожно.
Он мял перо губами осторожно,
В раздумьях: для чего я был рождён?

Писать стихи, вот это мой удел?
Искать ли истину и жизни смысл?
И в светлой голове роились мысли –
он то мрачнел, то вдруг лицом светлел

и был задумчив, но не удручён,
ответы – стайкой птиц над головою...
Но почему же я надрывно вою?
Никчёмный ангел, буду ли прощён?

Досадно мне, что лишь сейчас прозрел.
Казню себя, терзаю за беспечность,
за время, что уходит быстротечно,
и Пушкину готовит свой удел.

Доверил мне Творец оберегать
того, кто стал с годами мне дороже,
ответственной меня был, к чести строже,
душою чист и думами богат.

Я мог бы путь поэта изменить.
И брёл бы он тогда дорогой новой...
Но мир принять его таким готов ли,
коли в пути он лиры не узрит?

Я слышал, слышал тихие шаги –
незримо уходила жизнь поэта.
Ничтожество, я не заметил это
и вечности плачу свои долги...

Болж

Он знал не понаслышке слово "честь".
Давно не брит, не мыт и не ухожен.
Частенько было нечего поестъ,
и ветер под пальтишком щупал кожу.

Бродяга, вольный странник, пилигрим
был одинок, как лодка без причала.
Луна ночами плакала над ним.
Заботливое солнце согревало.

Однажды он увидел, как щенков
девчонка в руки людям раздавала
из коробка с названием "Смирнофф".
Сидела рядом сука и дрожала.

За каждым в руки отданным щенком
она бежала следом и скулила.
С её печалью дядька был знаком,
такое горе с ним когда-то было.

Репрессии, тогда, перед войной
мололи судьбы, ранили, крошили...
По сердцу жалость растеклась волной –
он заглянул в глаза ей и решился.

Девчонке бросил громко: "Всех возьму!" –
глаза вдруг от волненья увлажнились.
И, на щенячью умильсь возню,
сказал: "Хоть нищ, но для работы жилист."

Собаку тоже, хватит ей тужить, –
Насторожилась та, припóдняв уши. –
Ты знаешь, псина, будем вместе жить –
я счастлив тем, что стал кому-то нужен!"

Тетий Лермонтова

*К 205-летию со дня рождения
Михаила Юрьевича Лермонтова.
"Я счёт своих лет потерял".*

Сквозь время имя восходило –
шотландский рыцарь сэр Лермонт.
Его мистическая сила
поэта миру подарила,
открыв ему пророка код.

Довольно молод, но не мальчик,
не по годам пытлив и зрел.
В любви не больно-то удачлив,
и сердцем дерзок и запальчив,
но безрассудно храбр и смел.

Младому Лермонтову в тягость
была та жизнь, где правил свет,
души безмерная усталость,
её безвременная старость,
и счёт далёких древних лет.

Не в этот век ему б родиться,
он здесь не чувствовал тепла.
Большой душе пришлось ютиться
в стальной клетки пленённой птицей,
где билась, ранила крыла.

Он много ведал о грядущем,
был ум поэта прозорлив.
Знал – жизни миг ему отпущен.
Предвосхитил он век грядущий,
и смерть свою предвосхитил.

Но всколыхнул собой когда-то
всё человечество поэт,
талантом, красками богатым,
печатью раннего заката,
кончиной, возмущившей свет.

Оборван песней недопетой
туманной дали славный род.
Над местом гибели поэта
чудны и трепетны рассветы,
над ним же тенью сэр Лермонт.

И торят всё от года к году
волшебный путь передо мной,
и Демон – враг людскому роду,
и Мцыри, вспомнивший свободу,
и парус белый над волной!

Буду в золоте купаться

Сегодня пусто в голове –
куда-то мысли разбежались.
Бездумно радуюсь листве
и не давлю судьбе на жалость.

Она не может, как ни тщишь,
сойти с намеченного круга...
Иду путём с названием "Жизнь",
и осень чествую, как друга.

Себе позволив эту блажь –
всем думам с привязи сорваться –
закину скучный каранда
и буду в золоте купаться.

И спесь, и гонор – всё долой!
Хочу вкусить и эту долю:
вот спрячусь в листья с головой,
чтоб надышаться ими вволю
до новых, свежих, молодых,
как будто только что с пелёнок.
И вдруг слагаться начал стих...
Намёк прозрачен был и тонок.

Кураж бездумья улетел,
и тут же мысли полонили.
Прости мне, осень, мой удел.
Но как же мы бездумны были!

Жаль, растеряли эту блажь!
Верни дружище, карандаш!

Здравствуй, солнце!

Здравствуй, здравствуй, новый день!
Здравствуй солнце!
Утро, с кепкой набекрень, так смеётся!
Травы в росах на лугу серебрятся.

Босиком по ним бегу – мне двенадцать.
И такая благодать – прямо в сердце.
Мне бы птицей полетать и напиться.
С дедом к пасеке потом – вот отрада!

Нас бабуля пирогом встретить рада.
Я дружу с большим ежом и с ежонком,
и с ручьём, звенящим так тонко, звонко.
Жаль, что лето на закат – завтра в город.

Остаётся в шалаше кукол ворох...
Было так, из года в год я выросла.
Знала, юности моей нет предела...
Налеталось, нажилось, и напелось.

Окунуться мне пришлось в мою зрелость.
Не на пасеку бегу, а к погосту.
Лишь теперь понять могу, что мы гости.
В этой жизни суетной... плачет сердце
о поре той золотой – моём детстве.
И не вечно ничего в этой жизни,
очень краткой, от рожденья до тризны.

Но однажды, у судьбы взяв отсрочку,
в парке встретила ежа под кусточком.
Эта встреча всю тоску разметала,
будто снова в пору детства попала.
Вновь увидела, как утро смеётся!

Здравствуй, здравствуй новый день,
здравствуй солнце!

СВЕТЛАНА КУРАЧ

Омск

Курач Светлана Владимировна – поэт, эссеист, художник-график. Родилась на Дальнем Востоке, живёт и работает в Омске. Член Союза писателей России, автор восьми поэтических книг, многих публикаций в российских журналах, на сайте "Российский писатель". Стихи вошли в коллективные сборники и антологии омских и сибирских писателей. Лауреат международных, всероссийских и региональных конкурсов. В 2020 году награждена премией губернатора Омской области им. Л.Н. Мартынова за заслуги в развитии культуры и искусства.

И ПРОСТУПИТ МИР НЕЖНЕЙ И РЕЗЧЕ...

Муза

Зачем Ты здесь? Я спрятался от мира,
я не ищу ни счастья, ни борьбы.
Всё отдано! Я выжатый и сырый,
покая жажду для своей судьбы.

Но Ты ступаешь – ширится сиянье,
Твой след небесной светит бирюзой...
И думой проникается сознание,
как будто напоённое грозой!

И Ты идёшь, как рок неумолимый,
Ты ждёшь ещё чего-то от меня,
и дух бодрись во мне несокрушимый,
внушая песни света и огня!

И в час, когда напуган мир и съёжен,
и правит бал неведомый ковид,
каких энергий я отведавать должен,
чтоб оживить времён унылый вид?

Когда под маски загнаны улыбки,
ждут новостей, как осуждения на казнь.
Когда все планы призрачны и зыбки,
что делать, чтоб в отчаянье не впасть?

Чтобы душа ещё искала цели,
чтобы ещё надеждами жила?
Как Достоевский на своём расстреле –
увидеть бездну и поднять крыла!

Impression

Порой оживляют вечерние блики
Уставшего за день светила
Иконок моих золочёные лики,
и я этот час полюбила.

Закатное солнце, прощаясь, ласкает
намоленный в комнате угол.
Меня не зовите, ватсаппы и скайпы,
забудьте, и Яндекс, и Гугл.

Вечернее чудо луча золотого
иль Ангел крылом обнимает?
Есть всё в соцсетях, только Бога живого
Там нет. Нет и запахов мая...

И нет повторения видам заката,
заря каждый вечер другая.
Как нет повторенья тому, что когда-то
ты прожил, хоть ходим кругами.

И нет повторенья ни дня, ни мгновенья,
лишь тысячелетние лики
незримо коснутся души озареньем,
как вечности светлые миги.

* * *

Выпускное платье, платье голубое...
Сердцу материнскому не видать покоя!

Руки кропотливо шьют – стежок к стежочку,
Мама терпеливо поучает дочку:

"Я тебя поила чистою водою,
Я тебе скроила платье голубое.

Улетишь, голубка, крылышки расправишь,
Нежность голубиную только мне оставишь.

Путь лежит неведом – силы зря не тратим.
Не забудь советов – все придется кстати.

Будет небо ясно, будут дождь и тучи.
Дочь моя прекрасная, жизнь всему научит!"

Выпускное платье, платье голубое!
Сердцу материнскому не видать покоя.

Ностальгия

Эта тема – моя,
тут уже ничего не попишешь.
Ничего не забыть,
не вернуть, из души не избыть.
Пусть всё реже тоска,
лишь по случаю, глуше и тише,
но рисунок другой –
на дорогах других – у судьбы.

Только память корней
навсегда программирует семя,
где б ему ни упасть,
пышным деревом где б ни цвести, –
Колыбельный напев
океана –
легчайшее бремя –
будет в песне сквозить,
даль морскую с речною скрестив.

Я молюсь на восток –
да как все, но иначе, ты слышишь,
мой седой океан,
мой распадок, ручей, мой исток?
Я могу лишь писать –
тут уже ничего не попишешь, –
как туманы встают
в час, когда я молюсь на восток.

* * *

Я во сне возвращаюсь домой:
двор знакомый, где детство резвится,
дом на сопке, где виден прибой,
над портовыми кранами – птицы.

Где на мне белый бант в сентябре,
а в портфеле –
первые прописи,
где остался навек во дворе
рыжий Тобик...
А мы стали взрослыми!

Мел для "классиков", битка в кармане,
а в другом – резиновый мячик.
Игры детства – в рассветном тумане
настоящим счастьем маячат.
Со скакалкой прыгать без усталости,
на качелях взлетать без страха!
На крыльце золотом перекусывать
хлебом с маслом, посыпанным сахаром...

Я во сне возвращаюсь домой,
торопливо бегу спозаранок,
там, где в сопках июнь голубой
дарит мне огоньки и саранки!
Где поляны моих орхидей –
"башмачков" и сиреней душистых,
и в распадке звенящий ручей
утолит жажду радостью чистой!

Земляника в кульке лопуховом,
пахнут мёдом шиповник и клевер,
мчится лето тропинкой знакомой,
мир на счастье подарен – я верю...
Сопки осенью вспыхнут рябинами,
клёны будут огнями маячить,
а в порту краны с шеями длинными
в море выронят солнечный мячик!
Я во сне возвращаюсь домой...

* * *

*Плакала Снегурочка, зиму провожая...
Т. Белозёров*

1.
О чём так плакалось в последний зимний день
Снегурочке? О чём девичье горе?
О том, что всё вокруг растает вскоре?
Сегодня-завтра превратиться в тень –
и ей судьба, и некому от зноя
спасти её. И потому в разоре
душа... А время злое
спешит, спешит, и разведён костёр

любимыми подругами... И участь
её предрешена: не мучась,
стать облаком...
Лишь маленький подснежник,
слезой напитан плодотворной, нежно
проклюнется сквозь земляную темь
и озарит собой лесную сень!

2.
О чём я плакала вчера весь день?
О музыке, что душу мне тревожит?
О том, что мать уже стара и может
сегодня-завтра превратиться в тень
от облака июльского, спасая
от зноя нестерпимого меня?!
И вспомнилось, как девочка босая,
сняв босоножки, по камням ступает
в ручье, родившемся из талых горных вод,
холодных и прозрачных, точно лёд.
Журчит, звенит он меж заросших сопок,
в распадке, где огромны лопухи,
где ветер тихо зашелестит бамбуком,
в люпине шмель басит, пьянея соком,
и музыка природы ненароком
впервые проливается в стихи.

* * *

Мой дом – Вселенной уголок,
живая клетка Мироздания,
источник счастья и тревог,
что велики и многогранны.

Моя берлога... Мой полёт!
Порою – бочка Диогена...
В нём бьётся сердце, дух живёт,
клокочет Космос в тонких венах!

В нём зарождаются Миры,
что будут множиться и длиться.
В нём истины, как мир, стары.
Мечты – крылаты, словно птицы.

В нём позывные всех планет,
лучи погасших звёзд дымятся...
В нём колыбельный вечный свет –
успокоение от сумятиц.

На книжных полках – глубина,
что глубже марианских впадин.
А в окнах – вся страна видна
и знаки прожитого за день.

Урочище больших забот.
Уроки жизни, боль святая.
Молитва матери – оплот
для птиц, что по свету летают!

Родина

А ты всё та же – лес да поле...
А. Блок

А ты всё та же – всё молчишь и плачешь,
детей своих взрастив на три рубля.

Глядишь в окно, а там народы скачут,
в другом – маячат звёздочки Кремля,
а в третьем – всё темно от жаркой влаги:
то ль виноградной крови, то ль людской...
Вода студёная в иртышской фляге,
а во поле – берёзовый покой.
Уйти бы в это белое свечение,
душе хватило б леса и реки.
Но выращено в доме поколение,
и как уйдёшь от думы и тоски?
От материнской, что опять накрыла:
птенцы окрепли – скоро на крыло!
Чтоб юных душ "прекрасные порывы"
бездушие мира прочь не унесло?

О, не печалься! Свет родного дома
им будет лучшим в мире маяком,
твоя молитва – помощью искомой,
твоя слеза – их совестью людской.

* * *

Вырваться из плена городского
на тенистый берег Иртыша.
Обниматься с тёплой рекою,
жить – как плыть – упруго, не спеша,
исполнять и знать простые вещи:
кров, ночлег и пища –
дай нам днесь!
И проступит мир нежней и резче,
красота и ужас – весь он здесь!
Душу всколыхнут ночные страхи,
шёпот звёзд и шорохи зверья,
растревожат невидимки-птахи
и утешит счастье бытия...
Сотни раз закидывай удила
в реку жизни, истины ища!
Часто ли удача приходила,
серебристой стерлядью блеща?
Часто ль были рады мы наградам –
переспелой ягодке с куста?
Здесь, на берегу – немного надо:
тень листвы на белизне листа,
на котором вновь черкаешь буквы,
Рифм ища – янтариков в песке.
А костёр то вспыхнет, то потухнет,
как заката отблеск на реке.

На Илью Пророка

Мы ловили градинки руками
и дивились пенному потоку,
ливню, что шумел под облаками,
нёс прохладу, радость, суматоху!

Омск устал от жара Казахстана,
хорошо, что в небе бродят тучи!
Громыхай, Илья, пророчить станем,
чтоб настали времена получше!

Чтоб листва не корчилась от зноя,
духота и пыль исчезли сразу,
чтобы вирус бросил дело злое,
сдох, подлец, и не воскрес, зараза!

Весеннее

Поела одуванчиков в салатах
и накопала корень лопуха.
Заботы о полезности, девчата,
соперничают с темой греха.

Пока что нет таблеток в косметичке,
но всё слышнее грозные звонки
о бренности... А я внимаю птичке:
там песнь весны, без боли и тоски.

Зелёный одуванчик и крапива,
и в огороде первые ростки
меня сегодня делают счастливой
всемирной пандемии вопреки.

Неужто так для счастья надо мало?
Соскучились глаза по зеленым!
И, судя по крестьянскому запалу,
душа – по дальним родственным корням.

О, женские глубинные привычки!
И я, конечно, помню о звонках...
Но всё ж ношу помаду в косметичке
и верю в пользу корня лопуха!

* * *

Обведён алым контуром клёна лист,
в середине зелёный пока ещё...
Удивительно воздух сегодня чист –
грозовой прошумел апокалипсис.

Истомлённая зноем листва дерев
под дождём вдруг становится лаковой.
А душа удивляется, замерев:
вот и август, прохладно-ласковый!

Между мною и небом – раскрытый зонт,
телеграмма дождя: "Апокалипсис!"
И неслышно уходит за горизонт
лето жизни – моё пока ещё!

* * *

Август пахнет садом и рекою,
майского цветенья не зови.
Умиротворённостью, покоем
временем проверенной любви.

Август пахнет мёдом и рябиной,
сладких ягод в поле не ищи.
Там лишь ветер запахом полынным
над медовой сотою горчит.

Август пахнет прелью и грибами,
но не духом сенокосных трав.
Зноем опалёнными губами
он прохладу пьёт, к реке припав.

А река спокойней и мелее,
звёздный дождь, а молний не лови.
Разве не отрадней и милее
счастье всепрощающей любви?

Вдвоём в лесу

За облаками – синева,
а под ногами – жёлтый лист,
и осень здесь в свои права
вступает празднично и ярко.
Шуршит полёгшая трава,
крадутся стаи рыжих лис,
и облепиховый рассвет
зардеет к вечеру бояркой.

А мы с тобою – по грибы,
и нам попутчик ветерок.
Лежат, натруженно-грубы,
жнивья щетинистые дали...
Опят на пнях – коси, гребь!
Под прелью прячется груздок,
и мухомор, как светофор,
вдруг шляпкой яркою сигналит!

С устатку ляжем отдохнуть –
над головой плывёт кудель
такая белая, как путь,
который ангелы пророчат...
Нам вспять дорог не повернуть,
но жизнь полна простых чудес:
послушай, как шуршит трава,
как в ней кузнечики стрекочут.

* * *

Вечер тёплый, вечер мгlistый
утонул в густой тиши.
Этот вечер – словно пристань
кораблям моей души.

Опьяни меня туманом,
испарениями трав.
Кто там что сказал вчера нам,
кто там прав или не прав?

Ель из капель бусы ниже,
месяц в зыбкой пелене.
Кто обидел, кто обижен –
все забудьте обо мне!

Ночью город – словно днище
океана на земле.
Нынче тихо... Где-то свищет
ветер в листьях и золе.

Вот и осень, вот и мглы,
лишь фонарь – маяк в тиши.
Эта осень – словно пристань
кораблям моей души.

Ветрено и снег

Ноябрём проложен белый путь
среди сереющих суровых далей.
Деревя пытаются взмахнуть
крыльями, что им не дали.
Деревя мечтаются взлететь
вслед за перелётной птичьей стаей.
И на юге где-то отогреть
сердцевины... Деревя устали.
Им бы – силой жаждущих корней –
к тёплым водам, что согреют жилы.
И деревя стали б зеленеть
и шептать друг другу: "Живы, живы!"
...На реке весёлый катерок
трудится, баржy с песком толкая.
Студит воду лютый сиверок.
И вдоль всех заснеженных дорог
машут, машут ветками-руками
деревя... Пытаются взлететь.

* * *

Осенние звёзды! Всё реже и реже
я к вам обращаю мечтательный взор.
Когда я уйду, вы останетесь те же,
что вам до того, что погаснет костёр
замёрзшей рябины, что зрела и рдела,
и вот покрывается пеплом седым?

Что вам до того, что душа отболела
есенинской песней про яблонный дым?

Зимняя свадьба

Снежные полотна нитью тонкой
ткёт метель на свадебное платье...
Скоро быть невестой речке Омке!
Держит город Омск её в объятьях,
Как отец, что опекал ревниво,
в зарослях порою строго прятал.
Вышел нрав у реченьки строптивый –
крутит буруны, спешит куда-то!

Богатырь-Иртыш вдали суровый,
и гремит шугой его кольчуга.
Скоро лягут зимние покровы,
рекам подо льдом встречать друг друга...

Вот сошлись на повороте-стрелке,
сиверко навстречь, судьба иная.
И парчою новой захрустела
на невесте шубка ледяная.

Долги вьюги древние сказанья
О походах славных Ермаковых...
Омка – девка с карими глазами –
присмирела в свадебных обновах.

Бел наряд, метелью шитый тонко,
на подоле – строчки-обереги...
Так целуй супруга, речка Омка!
Вас сибирские венчают снега!

* * *

Поэту Галине Целищевой

Увидимся ли когда-нибудь?
Возможно, что и нет.
Рвутся связи, лагаются сети
переписки на "Одноклассниках"...
Я несу на прощание – свет,
благодарность за дружбу,
женскую и творческую,
как показывает опыт –
это чаще из области фантастики.
Последний твой день в Омске.
Один день – в десять лет –
нескончаемый... Время
всё же ему закончиться...
Боль твою развею на мосту,
посередь
нашей белой зимы,
пусть замерзает во льдах,
снегом на реке заносится.

Весна растопит снега,
унесёт твою боль
с речною водой,
водой снеговой, талою.
Улыбнёмся друг другу издалека,
от долгой зимы усталые.
Фото на память...
"Провожающие, покиньте..."
Покидаю вагон тринадцатый.
Алою кровью
На сером вагонном "infinity"
в бесконечность поплыли странные надписи:
то ли "РоЖДение", то ли "заРеЖьте До..."
Смерти не будет, РЖД – это надёжно.
Будет что-то новое после холодов.
Шторкой на вагонном окне
прошлое навсегда
задёрнешь ты.

Окраина

Идёшь по мягкой мураве –
ковёр!–Споришь всего лишь...
Сплетенья мыслей в голове –
с собою споришь!

Вдали – берёзовый колóк,
а в нём – кладбище.
Туда – мосток, и там – итог,
богат иль нищ ты.

И дальше – столько пустоты
под небом этим,
что ясен путь любой тщеты
на белом свете!

Но споришь: жизнь люби сильнее,
как он, спорыш,
травы всего лишь.
Что пустота? Взлети над ней!
Летишь –
и споришь.

Облако на рассвете

Золотое копыто,
серебристая грива –
белый конь на рассвете
поднимается в небо!
Переливчатый мускул,
длинной шеи изгибы...
На призыв мой ответишь,
сын удачи игривый?

Конь-восторг, сын востока,
весь пронизанный светом,
принимай седока,
коли песня не спета,
слышишь – песня моя
новый круг начинает,
видишь – горе-печаль
на печи почивает.

Ты и явь, ты и небыль,
узнаю и встречаю,
конь мой – ветер!
Летит
серебристою чайкой,
конь мой – лебедь!
Плывёт,
выгнув шею дугою.
Принимай седока!
Нынче стала другою!

Нынче время моё,
узнаю и встречаю,
принимай, дорогой,
даже если не чаял!
Золотое копыто,
серебристая грива –
белый облачный конь
поднимается в небо!

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

Калининград

Супрунова Светлана Вячеславовна родилась в 1960 году в г. Львове. После окончания ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 годы проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве "Янтарный сказ" (г. Калининград), сейчас возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета. Член Союза писателей России, автор пяти поэтических сборников.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращение

В пятиэтажном улье комнатуха.
Комод и стулья дышат стариной.
В той комнатухе кроткая старушка
встаёт чуть свет, ложится со звездой.

Я увидела дверь при тусклом свете
и, ковырнув разболтанный замок,
узнала всё: комод и стулья эти,
упрятанные кольцами дорог.

И ватное родное одеяло,
как яблочко сушёное, лицо.
"Чего так долго ты не приезжала?
Хотя бы за полгода письмецо..."

Всё слушала меня, всё удивлялась
и тут смекнула радостно: "Погодь,
что ж – насовсем? Ужель навоевалась? –
И тихо так: – Храни нас всех Господь..."

Война – оно занятие пустое,
а сердце всё же просит тишины..."
И обронила самое простое:
"Нельзя ли как-то миром, без войны?"

И сумерки надвинулись тревожно,
и я тогда подумала о том,
что без войны, наверное, и можно,
когда сердца наполнены добром.

Какая-то неведомая сила
нам раздаёт смирение и покой,
не то добра кому-то не хватило,
не то другим насыпано с лихвой.

* * *

Я как будто в глубоком тылу,
где ни брани, ни горя, ни грусти,
здесь кадушка в прохладном углу,
и в кадушке солёные грузди.

Тихо так от росы до росы.
Вишня тонкая смотрит в окошко.
А за дверью с кукушкой часы,
и до них половики, как дорожка.

Лишь трава да какой-то сорняк,
не растёт в огороде капуста,
поглядеть – ни людей, ни собак,
на единственной улице пусто.

Разрослись на погосте кусты,
пожелтевшие холмики низки.
О разлуке напоминают кресты
и о правде земной –obeliski.

То ли я забрела не туда,
То ли родина где-то за краем.
Крест упал и ржавеет звезда.
Неужели себя забываем?

Вдова

Письма, письма, горькие святыни!..
Потому и знала, что живой.
Треугольник с веточкой полыни
намекнул о жизни полевой.

Спрашивал, как дом и коровёнка.
Он писал про фронтовой концерт.
Не решалась долго почтальонка
протянуть с печатями конверт.

Прижимала лёгкого мальчонку.
День да ночь, потухшая жила,
ненавидя эту почтальонку,
что в конверте горе принесла.

На буфет приладила иконку
и ушла тихонько на покой,
и, в столе оставив похоронку,
поделилась памятью со мной.

* * *

Порой мила, порой несносна,
то тарахтит, а то молчит,
бывает, что посмотрит постно,
а иногда развеселит.

Как будто краски видит слабо,
и к жизни не расшевелить,
и впору плюнуть — что за баба,
ни так ни сяк не угодить!

По кругу словно бесы водят,
не тот вокзал, пустой перрон,
не те слова на ум приходят,
и платье с туфлями не в тон.

От мыслей чёрных потускнела,
весь мир порою не любя...
И я не в зеркало смотрела,
а заглянула вглубь себя.

Последний житель

В деревне единственный житель,
ни шума, ни звона окрест,
отшельник, а может, смотритель
суровых запущенных мест.

Весной огородик вскопает,
не страшно средь леса вдовцу,
и зайцы, и лисы, бывает,
без страха подходят к крыльцу.

Залает приبلудная шавка,
не сыщешь печальней земли —
не ходит сюда автолавка,
дороги травой заросли.

Холодные ветры всё древней,
на карте участок пустой,
как будто с ушедшей деревней
всё меньше России самой.

А он, как оставлен на страже,
сидит у могилы мертвó
и как-то не думает даже,
а кто похоронит его?

* * *

Старушка грядки прибирает
и в церковь носит все грехи.
Как хорошо: она не знает
о том, что я пишу стихи.

Что страшно мне одной в квартире,
что, света лунного боясь,
порой не сплю и в этом мире
не очень как-то прижилась.

Я для старушки лишь соседка,
идёт она, душой светла,
Бывало, скажет: "Тётка Светка,
тебе гостинцев принесла".

Придёт ко мне, пустая редко,
то яблок даст, то огурцов.
Её простое "тётка Светка"
дороже мне моих стихов.

Ей не до злых, не до богатых —
чего за них переживать?
Без этих пальцев узловатых
и строчки мне не написать.

* * *

Справа речка, а слева опушка,
а грибов-то — под каждым кустом.
Деревянная мокнет церквушка
под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
и ни певчих, ни благостных лиц,
на стенáх из журнала страницы,
и святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
позолота нигде не блеснёт,
и в поношенной рясе хозяин
в одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
за страну и за завтрашний день,
И не крестит, а всё отпевает
поколение глухих деревень.

Всё едино — дожди, завируха,
эту древнюю дверь отопрёт,
приблудится, бывает, старуха
и свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
непутёвая чья-то душа.

* * *

Бесславная, обычная, проснусь,
зажмурюсь я от утреннего света.
Я почестей и титулов боюсь –
за ними не видать уже поэта.

Когда как все земные – значит, жив.
Я сыплю одиночество по ложке,
автографы однажды невзлюбив.
Всё легче расписаться на платёжке.

Всё для души – грибами полон лес,
тропа к нему, иду себе не прятко,
и каждый день – как будто до небес
достать рукой ещё одна попытка.

Дедушка

Снова от внуков сюрприз:
быстро одели, обули,
вывели под руки вниз:
"Мы на часок". Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда,
и зажелтели окошки.

Думы – что в печке зола,
мир не становится шире.
Внуки не едут – дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
что-то нездешнее слышит,
тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

* * *

Никому не скажу и уеду,
ни друзей, ни любви не найдя,
и пойду с чемоданом по следу
полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
и ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
так душевно – один на один.
Приживусь на недели, на годы
среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
помолчит, на места поглядит.
"Как там мир?" – расспрошу осторожно.
"Да куда ему деться, стоит!".

Так ответит – легко, равнодушно,
потому и поверю ему.
Что желать? – ничего и не нужно,
если сытно и тихо в дому.

* * *

Двери тёмные, стальные.
Постучать ли, позвонить?
Я живая, вы живые,
так давайте говорить –

Всё о том, о чём хотели
говорить бы целый век,
что вчера ветра шумели,
а сегодня падал снег.

Что отпелось, отгулялось,
ни души на берегу,
что от осени осталась
россыпь яблок на снегу.

Что летят опилки к дому,
что в стволах текут года.
Пилят, пилят по живому,
расширяя города.

Вспоминать бы всё, что мило,
вспоминать под шум дождя,
как растерянно кружила
птица, ветки не найдя.

Может, вспомним, что живые,
с душ озябших смоем грим.
Все свои мы, все родные,
но об этом промолчим.

* * *

Всё где-то там, в какой-то стороне
Картавый шум и Спасские ворота.
Живые звёзды в маленьком окне
хранят меня от злобного кого-то.

А мне бы этот час приколдовать,
когда душа не просится на паперть,
и нет обид, и некого прощать,
и под тарелкой праздничная скатерть.

Цветы сегодня ярче за окном.
мой тихий дом как будто ближе к бору,
и шлёпаю, укутавшись платком,
по длинному, как память, коридору.

Как много мне надарено с утра
и запахов, и света за порогом.
Душа чиста – всё вымели ветра,
и я осталась с Родиной и Богом.

* * *

Сосед галичанский, скажи,
зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи –
мне страшно, когда убивают.

Не видеть бы хаты в огне,
и ссоры не хочется, в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
тому, кто лежит под прицелом.

И страшно уже за страну,
где каждый четвёртый – калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

Смерть старушки

Часы, минуты – как их мало,
и думы, думы о былом...
Всё снимки прошлые искала
в комодке стареньком своём.

Нехитрый скорб перебирала,
как утешалась от обид.
Невестка толстая ворчала,
что много света нагорит.

Она задумалась немного,
рукой махнула на дела
и в новом платье, у порога
оставив тапочки, ушла.

И странной виделась разлука:
стоит комод, но из угла
уже ни шороха, ни звука.
И снова день... Она ушла.

Как будто соль купить забыла
или ещё чего купить
и дверь тихонечко закрыла,
чтоб никого не разбудить.

Шесть соток

Как будто отпустили беды,
в полях и в небе мирный гул.
Он рано встал и в День Победы
друзей ушедших помянул.

Летели годы, шли парады,
опять то ливни, то пурга.
В шкафу солдатские награды,
в чужой земле – его нога.

И в доме не было излишка,
но радость всё-таки была:
шесть соток – грядки и домишко,
и всё дела, дела, дела...

Хозяйка рядом, помогала,
потом Господь её прибрал.
Земля цвела, земля дышала,
а он мотыжил и копал.

В рубахе белой, без пилотки
ходил к колодцу в суховой.
Оборонял он эти сотки –
кусочек Родины своей.

* * *

Всё поля вокруг да огороды,
парится в заварнике чабрец.
Кольцами стянули сердце годы.
Сколько же осталось тех колец?

Голова под шапкой всё белее,
снова снег и лужи у крыльца.
Вот ещё кольцо, и тяжелее
под лопаткой левой от кольца.

Для чего-то копятся печали,
и земным печалям нет конца,
и смотрю в заоблачные дали,
и боюсь последнего кольца.

Каждый год, увы, всё разудалей.
Всё больнее выстраданный стих.
Наверху не может быть печалей.
А смогу ли, грешная, без них?

ФАИНА КУЗНЕЦОВА

Краснодар

Фаина Андреевна Кузнецова родилась 21 апреля 1939 года в селе Приморском Гудаутского района, Абхазия. Окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета. Работала учителем русского языка и литературы; внештатным корреспондентом газеты "Комсомолец Кубани", экскурсоводом в Краснодарском краевом художественном музее им. А.В. Луначарского (в настоящее время им. Ф.А. Коваленко).

Стихи пишет с детства. Автор сборников: "Тёплый ветер", "Зелёная калитка", "Детские стихи", "Шелковица". Печаталась в журнале "Родная Кубань", в поэтических сборниках "Духовности святое озаренье", "Окрылённые словом", в газетах "Кубанский писатель", "Труд", "Рассвет", "Золотая лестница".

Член литературного объединения "Верность" при Краснодарском региональном отделении Союза писателей России с 2010 года.

ПЕРВЫЕ ШАГИ. СВИДАНИЯ... С ЭЛЬБРУСОМ**I**

Несколько лет назад по горячей путёвке я приехала в хороший санаторий в Ессентуки. Первое впечатление самое заурядное: довольно пустынное высокогорное плато Большого Кавказа, редколесье, далеко не пышные рощи и парки. К тому же – резкие перепады температуры: то в сарафане жарко, то в утеплённом плаще холодно. И это в июле!

Но чистый, какой-то особенно вкусный воздух. Но искрящиеся целебные источники... Выпьешь залпом стакан этого прохладного, чуть пощипывающего пузырчатого-звёздного бальзама и покажешься себе такой лёгкой, что летать хочется!

И, наконец, Эльбрус – безотказно, безоговорочно покоряет воображение. С десятого этажа санаторного корпуса я каждое утро, если ясно, люблюсь величественной картиной: на бледном рассветном небе в лучах ещё не взошедшего солнца, словно заново, нарождается двуглавый великан. Это видение так грандиозно, просто дух захватывает: ты весь превращаешься в зрение – боишься пропустить мгновение.

Солнце любовно вырисовывает, как бы высвечивая изнутри каждую складочку, каждый гребень, каждую грань гиганта, и он быстро растёт на глазах и, как зачарованный, поднимается к солнцу. Торжественный и величавый, он несколько секунд один царит на восточном небосклоне, занимая собою весь горизонт.

Но вот уходящие ночные туманы начинают укрывать его могучее подножие, и словно отрываясь от земли, Эльбрус устремляется ввысь и... бледнеет.

Через несколько минут потоки голубого золота заливают огромное видимое пространство, поглощая это великолепие, и всё вокруг становится обыденным – великое действо окончено. Но всё утро душа наполнена какой-то таинственной музыкой.

В санатории для меня всё было необычным: и утренняя отрезвляющая (не кубанская) зябкость, и жёсткий распорядок дня (опоздаешь на минуту – везде останешься с носом), и молчаливые, какие-то не проснувшиеся очереди у бювета.

Почему-то в тот год было много мужчин – совершенно уникальное явление в нашей жизни. Обычно куда ни пойдёшь – одни женщины: на базаре, в магазине, в трамвае. Ну, а на работе, в школе, мужчины вообще редкость музейная – вполне хватает пальцев одной руки, чтобы сосчитать своих мужественных коллег.

А тут, за столиками – одни мужчины; и только кое-где между их крупными стриженными головами изящная женская головка.

За моим столом их было трое: очень вежливый старичок с прилизанными волосиками (он обращался ко мне только со словами "наше украшение", от чего мне всегда становилось неловко); плечи-

стый шахтёр в тесной тёмной рубашке (казалось, что он ни наденет, всё будет трещать); и очень высокий молодой грек, с тёмным до синевы горбоносым лицом Сулы и зорким, и одновременно хитро косящим взглядом.

В столовой обычный холодноватый этикет: "спасибо", "пожалуйста", "до встречи" – и все разбегаются, кто куда. Привычка говорить, постоянно поддерживать диалог была во мне так сильна, что я страдала от этой официальной вежливости. А тут ещё эти свидания с Эльбрусом.

После очередного, когда в душе ещё звучала его удивительная музыка, я вместо слов приветствия выпалила:

– Эльбрус я утром видела!

Меня услышали все трое.

– Э-э, – начал было старичок, но его решительно перебил шахтёр:

– Здесь я уже дней десять, и не видал, и не слыхал об Эльбрусе... Давайте на спор – ставлю бутылку.

– Нет, нет, – испугалась я.

– А, мало?! Значит, две... "Столичной", если проспорю. А нет, вы проспорите, в воскресенье нам компанию составите. На озеро поедem купаться.

Я была ошарашена таким напором, и это, по-видимому, отразилось на моём лице. Не успела я возразить, как тему подхватил щедущий старичок.

– Ну что вы? Дама, конечно, фантазирует. Ей скучновато, хотелось бы внимания, общения, а вы "Столичную" предлагаете. Женщины – тонкий народ, нужен тонкий подход, особая философия, – с лукавинкой улыбнулся он.

Его перебил грек. На чистом русском (учился и получил высшее образование в Советском Союзе, в Казахстане, куда Сталин отправил не имевших советского подданства греков), но жил и заколачивал доллары на Кипре, расхваливая свои заработки. Однако лечиться приехал на "плохую" родину (по его словам, нигде за границей не лечат так хорошо и так дёшево), вставил своё:

– Говорите, фантазёрка? Уверен, что это так. Я не первый год приезжаю сюда, но Эльбруса не встречал..., и он меня тоже, – довольно громко рассмеялся он своему неуклюжему каламбуру. – Ведь к нему по прямой километров сто, не меньше.

Я сидела, слушала и не возражала, удивляясь одинаковости проявлений мужской психологии. Собравшись с духом, обратилась к самому молодому (по возрасту он мог быть моим учеником, а с ними мне всегда проще общаться):

– Мне понятно, почему вы до сих пор не видели Эльбруса. Рядом с вами всегда какие-то красавицы. Но всё равно я всем вам бросаю вызов: нужно встать в шесть утра, обязательно в шесть, выйти на балкон, конечно, в ясную погоду... Вы обязательно проиграете.

– Две бутылки поставлю, – напомнил шахтёр.

– И выпьете свою водку сами, – совсем рассердилась я, но спохватилась и взяла себя в руки. – За проигрыш отдадите мне ваши фрукты к обеду... Съем их с большим удовольствием.

Три дня небо было в тучах. Моросил мелкий противный дождь, и мужчины чуть язвительно подтрунивали надо мною. Теперь меня встречали словами "наша фантазёрка" и "трусиха". Я вступила в эту игру и отшучивалась, как могла: да-да, трусиха, поэтому и с тучами договорилась. Мужчины забавлялись пару дней (всё-таки какое-то развлечение), а на третий, когда к вечеру тучи торопливо скрылись за горизонтом, а воздух стал чистым-чистым и каким-то особенно прозрачным, что довольно часто случается в горах, спорщики мои сникли, и я больше не вспоминала о договоре.

На завтраке следующего дня мужчины торжественно преподнесли мне несколько крупных полупрозрачных слив с просвечивающейся косточкой.

– За избавление нас от невежества, – галантно молвил старичок, а шахтёр добавил:

– Я бы водочки не пожалел по такому случаю.

– Убедились? – спросила я.

– Ещё бы, – за всех односложно ответил шахтёр.

II

Струна напряжённости, возникшая в первые дни, лопнула. Общаться стало легко и просто, и когда кто-то из мужчин предлагал мне прогуляться, старичок (он назвал себя Василием Никанорычем) напоминал:

– У нашей дамы свидания по утрам... с Эльбрусом...

Время моего пребывания в санатории подходило к середине, когда из-за соседнего столика, что стоял наискосок, поднялся мужчина и, коротко извинившись, обратился прямо ко мне:

– Позвольте задать вам вопрос... Вы бывали на Дальнем Востоке?

Плечистый шахтёр грубовато опередил меня:

– Дальний Восток – бо-о-ольшой...

Я окинула взглядом незнакомца: высокий, лет 40-45, вопрошающий взгляд зелёных глаз, грубый шрам справа, чуть ниже виска, прикрытый чёрными с едва заметной проседью волосами.

А незнакомец настойчиво продолжал:

– В Кангаузе, в школе, вы работали?

– Да-а-а, – чуть помедлив, протянула я.

– Простите, я не помню вашего отчества. Но имя помню. Оно у вас необычное, – и улыбнулся. Что-то знакомое мелькнуло в его улыбке. – Фаина-Фаина – поётся в песне. Это так?

– Предположим... А кто вы?

– Я Александр Васильевич Агапов, ваш ученик.

У меня дрогнуло сердце... Боже мой! Саша Агапов! Неужели это он?

Вечером, в санаторном парке, после коротких вопросов: кто? где? почему? Александр Васильевич весело спрашивал:

– Помните мышку?

– Конечно. Такое не забывается.

– Я вас по голосу узнал. Пару дней назад мне поменяли столик. Упирался. Столик крайний, спокойный, вид на рощу. Но приказ есть приказ – и я здесь. И вдруг ваш голос за спиной. Вслушался – и всё завертелось в памяти: детство, школа, у доски вы в валенках.

Я слушаю Сашу, Сашку Агапова. Что он только не вытворял! Каждый день только и слышалось: Агапов, Агапов, Агапов. А он то лягушку в рукаве принесёт, то большущую гусеницу с пучками острых иголок по бокам, то жука тянет за длинный ус, а жук упирается, издавая высокий жалостливый писк. При этом у Саши самая невинная рожица с большим весёлым ртом.

А Александр Васильевич продолжает:

– Два дня слушал вас, потом увидел и понял: не ошибся. Как видите, я прав. Я вот всё думаю: почему вы так перепугались мышки?

И прежняя детская улыбка заиграла на его лице. Она начисто стёрла остатки моих сомнений, и я увидела и смородиновое поле, и себя в дешёвом спортивном костюме, и Сашку, именно Сашку Агапова с мышонком в руке – свои первые шаги в учительстве.

III

А дело было так. После долгой Сихотэ-Алинской зимы с бесконечными вьюгами и морозами, с трёхметровыми снежными заносами, когда посёлок просто утонул в снегу, и его выручали из снежного плена бульдозеры с тигрового хозяйства, в конце апреля в Кангаузе враз открылась... весна.

Мутные потоки с грохотом срывались в широкое русло реки. Сопки вспыхнули розовым пламенем душистого багульника. А в школе прозвучал весёлый приказ: "Все на смородину". И что тут началось! Шум, гвалт. Побок книжки, тетрадки! Все в поле. Долгие месяцы зимы она крепко спала под тёплым одеялом земли и снега, а сейчас проснулась и томится взаперти, просится на волю.

Возбуждение, суета, смех. Саша Агапов с большой деревянной рогаткой – вилами. В глазах мечутся огоньки. В предвкушении каких-то чудес он широко улыбается.

Вот смородиновое поле. Оно всё в небольших чёрных бугорках. Над ними чуть колеблется лёгкий пар. Это дышит весенняя земля, будоражит ребят.

Освобождённые от земли побеги смородины упруго распрямляются, издавая сильный чудесный запах. Саша Агапов появляется то здесь, то там.

– Мышиное гнездо! – весело кричит он на всё поле. Ребята собираются вокруг него.

Подхожу и вижу: Саша быстро, обеими руками разгребает бугорок и вытаскивает совершенно голенюшкового мышонка с розовыми, просвечивающими на солнце, растопыренными пальчиками лапок.

Это маленькое существо молча дрожит, беспомощно болтается в цепких пальцах Сашки. Он оборачивается, подходит ко мне и со словами:

– Посмотрите, какой он ма-а-аленький, – резким движением подносит его к моему лицу.

Меня словно током ударило. Я сорвалась с места и, не помня себя, кинулась бежать. Не чуя под собою ног, бежала по огромному полю, а Сашка гнался за мною с громким криком: "Он же совсем ма-а-аленький!". Этот крик словно подхлёстывал меня и гнал всё вперёд и вперёд.

И вдруг крик оборвался. Это наш физрук Андрей Николаевич остановил озорника, бросившись ему наперерез. Я без сил опустилась на ближайший бугорок и расплакалась. Ребята молча окружили меня. А Сашка не прятался. Он стоял впереди всех и, спрятав за спину руку с мышонком, растерянно улыбался, машинально повторяя: "Но он же совсем маленький", – ему совершенно была непонятна причина моего испуга.

Да и сама я до сих пор не могу понять этого. Что-то тёмное и злое мерещится нам в этих существах, жителях ночи, пока какая-то случайность не перевернёт наших представлений.

...Как-то поздним вечером проверяла я тетради на припечке. Тускло светила керосиновая лампа.

– Пожадничала хозяйка, не заправила лампу, – сердилась я, – мучайся теперь с этими тетрадками!

Я была на кухне одна. Моя коллега, "англичанка", давно спала в нашей светёлке. Бабушка, хозяйка, уехала к сыну во Владивосток. Это в первый раз мы остались одни в её просторной низкой хате. Она на самом краю посёлка и как бы замыкает его. За окном сплошная глухота и чернота – большая кухня окнами в упор смотрит на сопку. Сопки, невысокие горы Дальнего Востока, всегда мне представлялись живыми существами. Они почти правильной конической формы и по сравнению с нашими кавказскими серьёзными горами выглядят просто игрушечными, безобидными и совсем домашними. Их даже погладить хочется.

Наверное, миллионы лет назад их насыпали дети титанов-великанов, играя в домики, как это делают наши детки в песочницах. Но эти картинки воображение рисует днём. А вот ночью сопка выглядит совсем иначе. Я одна, со всех сторон меня обступила темнота, и сопка кажется рассерженным ве-

ликаном, издаёт какие-то подозрительные звуки, и чудится, что она с недобрым умыслом вплотную придвинулась к окнам. А тут ещё длинные лохматые тени от гаснущей лампы движутся по стенкам.

И вдруг какой-то шорох и притом совсем рядом со мною. Я замерла, прислушалась. Опять что-то зашуршало, и я разглядела в тёмном углу припечка ещё более тёмного мышонка. Он не сводил с меня блестящих бусинок глаз. На этот раз я несколько не испугалась. Напротив, близость живого существа как-то приободрила меня. Может быть, это тот, уже подросший мышонок, которого я так испугалась раньше.

Может, он только один и выжил из всего семейства, и нет у него ни братьев, ни сестёр, нет никого-никого на свете, и он ищет моей дружбы?

Я снова немного подкрутила фитилёк лампы. Свету стало больше, тени на какое-то время отодвинулись дальше... Никто больше не царапался в окно. А я всё раздумывала: что же привлекло мышонка – уютное тепло русской печи, вкусные запахи кухни или мой огонёк и шелест страниц?

В школе я рассказала о мышонке.

– Да-да, – затараторили ребята. – Мышки, они очень умные и совсем-совсем не страшные.

И наперебой стали рассказывать о своих встречах со зверьками. А Саша слушал всех молча, а на перемене авторитетно заявил:

– Это тот же мышонок, вы помните? Он хочет с вами дружить. Насыпьте ему жареных семечек или ещё чего-нибудь вкусного – мышки очень любят солёное сало – и мышонок станет совсем ручным.

Я так и сделала: каждый вечер, сокращая чуть-чуть расстояние между собой и мышонком. И мышонок вскоре совсем перестал меня бояться, у меня на душе немного потеплело.

Дело в том, что я очень тосковала по друзьям, родному дому, любимому Ленинграду. И хотя я много ходила с ребятами по их удивительному краю: и к пузырящимся горячим источникам; и в посёлок Тигровое, по пути к которому едва не столкнулись с медведем-подростком; и в кипящие пеной цветения черёмуховые заросли; и на самую высокую сопку Воробей к метеорологам, откуда я увидела бесконечную густую синеву дальневосточных морей и Тихого океана (даль как бы спрессовывается и уходит в бесконечность, всё время отодвигая горизонт), и я прямо кожей ощущала громадность расстояния между собой и родным домом, – тоска моя не убывала...

Каждую ночь мне снились родные люди, родной дом, слышались родные голоса... И в июле я уже навсегда уезжала из Кангауза. Среди провожающих был и Саша Агапов с бурундучком в клетке, милым забавным зверьком. Он тут же выпустил его на волю – я не могла взять с собою этот подарок.

Саша очень огорчился.

– Зачем вы уезжаете? Вы же любите животных? И они вас любят. Оставайтесь. Мы здесь с вами цирк устроим. Ведь мы больше не встретимся? – не то спрашивал, не то утверждал он...

Но мы все-таки встретились... Бывают же на свете чудеса! С волнением я ловила каждое слово бывшего ученика, озорника и защитника животных Сашку... Нет, теперь уже Александра Васильевича.

– Я зоотехником стал, – рассказывал он. – Работаю в охотничьем хозяйстве. Если бы вы знали, как интересно в лесу. Это совершенно другой мир... И знаете, чем больше мышей, тем больше лисы, куницы, соболя... Да вот теперь браконьеры жить не дают. Зверя убивают и нас задевают.

Движением головы он откинул волосы со лба, и я увидела длинный грубый шрам, идущий к правому уху, чуть выше глаза.

– В глаз метили. Но пуля только чиркнула, поцарапав висок. Мать говорит: "Это звери, которых ты любишь, смерть отвели".

Я вглядываюсь в своего бывшего ученика, вслушиваюсь в его глуховатую неторопливую речь. Негромкий голос, едва заметный наклон всего торса вперёд, сторожкая походка – всё выдаёт в нём лесного человека.

– Саша, а если вам уехать куда-нибудь? Не думали об этом?

– Думал. Как не думать? Дочь нас с матерью в город зовёт... Да как я лес оставлю? Времена сейчас лихие... Да и сын по моим стопам пошёл. Вместе леса наши выхаживать будем.

Его речь становилась всё медленнее. Казалось, ему трудно говорить о самом главном. Чуть помолчав, он добавил со вздохом:

– Только наши ли они сейчас?

Сделав ударение на слове "наши", он посмотрел мне прямо в глаза, как смотрят ученики средних классов – открыто и чуть недоверчиво.

И я ничего не смогла ответить на его вопрос...

Я поняла вопрошающий взгляд Александра Васильевича. В его голосе, глазах чувствовалась неподдельная тревога, задевшая и мою душу.

ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ

Орёл

Геннадий Николаевич Майоров родился в воинской части под Ленинградом 3 июля 1953 года в семье офицера-фронтовика.

Журналист, член Союза журналистов России (1976), с 2000 г. член Международной федерации журналистов и писатель, член Союза российских писателей (2014). Председатель Орловского регионального отделения Союза российских писателей и Орловского Союза журналистов.

Автор 17 книг: "Без вести пропавшим не считать" (1985), "Обнажённые нервы войны" (2005), "Пенальти" (1994, 2017), "Глаза цвета зимнего моря" (2003), "Здесь оглохла зима от обстрела" (2013), "Георгиевский крест" (2015), "Сквер артиллеристов" (2015), "Засекреченная война" (2017) и других.

Публиковался в журнале "Молодая гвардия", альманахе "Подвиг" и др. Лауреат премий: имени И.С. Тургенева; Ленинского и Орловского комсомола; журнала "Молодая гвардия".

В настоящее время живёт и работает в г. Орле.

КИСЕЛЬ СО ВЗБИТЫМИ СЛИВКАМИ

Рассказ

Туманилось небо. Воздух насыщался вечерней сыростью. Загущались сумерки, наступало время, как удачно подмечено в народе, – "между волком и собакой", когда день уже закончился, а ночь ещё не приблизилась.

Андрей Соколов бесшумно вошёл в бодрящее море, легко оттолкнулся от каменистого дна и мощными рассекающими движениями тренированных рук устремил своё тело торпедой под волну. Первую сотню метров он преодолел легко, оставив далеко позади ограничительные буйки. В наползающей тёмной дымке стремительно растворялся горизонт. Андрей обернулся: очертания берега замутились, погода закусилась; опытный пловец кожей ощутил перемену погоды – пора было возвращаться. Про себя с удовлетворением отметил, что он всё ещё в хорошей форме. И тут же вынырнули из подсознания грустные воспоминания о том, как в канун летних олимпийских игр в Монреале получил нелепую травму на эскалаторе в торговом центре и вместо бассейна оказался на больничной койке с растяжением связок. Неприятный экскурс в прошлое уколол: задубилось дыхание, Андрей пропустил ударную волну и хлебнул изрядную порцию солёной воды... Ну, ничего, через год московская Олимпиада, домашняя, уж тут-то я свой шанс не упущу.

Подгребая к берегу, Андрей заметил на узкой тропинке прямо под отвесной скалой два едва различимых женских силуэта. Девушки полностью обнажались, собираясь поплавать нагишом. Он отметил их точёные фигурки, особенно у темноволосой. Блондинка оголилась первой, с шумом плюхнулась у берега и завизжала:

– Ой, Наташка, водичка что надо!

– Ты не очень-то резвись, Анюта, – ответила подруга, – и далеко не заплывай: смотри, как быстро темнеет.

Андрей отплыл в сторону, бесшумно, стараясь остаться незамеченным, выбрался на берег и прокрался к камню, под которым оставил свою одежду.

Но бдительная Анюта заметила нежданного гостя и завопила:

– Ой, смотрите, воры!

– Да вы чего, девчонки, – стушевался парень, – я своё беру.

И демонстративно стал натягивать шорты на мокрые плавки. С гор повеяло прохладой. Где-то на небесах громыхнуло.

– А вы бы не задерживались, – наставительно сказал Андрей, – вот-вот дождь начнётся. И совсем стемнеет. Как выбираться будете?

– И то правда, поздно вато мы с тобой, Натали, пришли. Завтра докупаемся, – Анна без стеснения вышла из воды, полагая, что её почти не видно, и стала одеваться.

Подруга слегка замешкалась, и Андрей предусмотрительно отвернулся. Нашупав в своей сумке фонарь, он скомандовал:

– Ну что, собрались? Тогда быстренько выбираемся на дорогу.

Анна подошла, бесцеремонно смирив взглядом незнакомца.

– А вы что же, не боитесь в одиночку плавать ночью?

– Да нет, я привычный. Идите вперёд, я буду вам путь освещать.

Блондинка, демонстративно покачивая бёдрами, двинулась по мелкой гальке, но не удержалась, поскользнувшись, ойкнула. Подоспевший кавалер успел удержать её за руку.

– Мерси, молодой человек, – кокетливо заворковала Анна, – может, вы ещё нас и проводите?

Темноволосая ступала чуть сзади, не поднимая головы.

– А вы где живёте? – спросил Андрей.

– В гостинице "Орлёнок".

– Так мы соседи.

– Вот здорово! – Анна совсем разошлась, провожатый – высокий мускулистый парень – ей явно импонировал. – Раз мы соседи, давайте знакомиться. Меня зовут Анна.

– Я уже слышал. Меня кличут Андрей. А подруга ваша, наверное, нема?

– Что вы, – засмеялась белокурая, – Наташа у нас просто благовоспитанная.

Вышли на дорогу. Девчонки остановились.

– Устали? – ухмыльнулся Андрей.

– Как вспомню, что нам на горку подниматься, ноги отнимаются, – завздыхала Анна.

– Да не такая уж тут крутая горка. И для тренировки мышц полезно. Ну ладно, отдохните, если...

Андрей не договорил. Откуда-то сверху камнепадом грянула музыка, а чуть позже вспыхнула неоновая вывеска: ресторан "Нептун". Анна тут же отреагировала:

– Вот где надо отдыхать! Кстати, и ужинать пора. А потом – танцы.

Она вопросительно посмотрела на парня, тому ничего не оставалось, как согласиться:

– Да, поужинать не помешает. Надо только переодеться. Что ж, через двадцать минут встречаемся у входа.

В гостиничном номере Андрея в нетерпении ждал сосед – Юрий Громов, работник центрального аппарата комсомола. Ему на черноморском побережье поручили провести семинар по организации в регионах ярких пропагандистских мероприятий в честь предстоящей Олимпиады. Пригласили комсомольских и профсоюзных работников. Кому, как не им воодушевлять и направлять народ на благое дело.

– Старик, где ты ходишь? – худощавый Юрий облачился в тёмный заграничный костюм, от него благоухало дорогим парфюмом. – Думаешь, легко целый день делами заниматься, а во рту ни маковой росинки...

– А ты куда так вырядился? – удивился Андрей, которого Громов специально пригласил на семинар как живую легенду отечественного плавания.

– Собирайся скорей, – скорчил гримасу комсомольский вожак, – я уже столик в ресторане заказал, хотя сегодня выходной, желающих – пропасть. Давай, давай, а то у меня в горле пересохло.

В отличие от Соколова, равнодушного к спиртному, но имевшего слабость к женскому полу, за что не раз получал замечания от кураторов в штатском, особенно за границей, Юрий как раз наоборот, любил выпить и покуражиться после работы. Дамы всех возрастов его боготворили за весёлость и бесшабашность – в компаниях он был незаменим. Но всегда сохранял дистанцию, признавшись как-то, что дважды наступал на одни и те же грабли, всё – достаточно.

– А девчонок можно с собой пригласить? – уже в дверях задал вопрос Андрей.

– О, молодец! Ты где уже успел их подцепить?

– На море. Представляешь, только от берега отплыл, подходят две феи, раздеваются полностью, что нудисты, и прыг в воду... Ну, пришлось их вызволять из плена волн, до дому проводить.

– Хорошо, давай своих девчонок, – Юрий нахмурился, увидев толпу страждущих возле входа в ресторан, и тут же начал энергично работать локтями, пробиваясь к двери. Скороговоркой что-то шепнул на ухо меланхоличному швейцару и обернулся: – Ну, ты где, Андрюха?

– Мы здесь, – вместо него ответила Анна, ловко лавирующая в людском море, за ней едва успевала темноволосая подруга.

На лестнице комсомолец бесцеремонно представился:

– Я Юрий Викторович из ЦК ВЛКСМ.

– Да, мы вас заметили на семинаре, – уверенно ответила Анна. – Хорошо всё организовали, умело.

– А вы, простите, откуда? – Громов, преобразившись, с интересом оценил собеседницу.

– Я Аня из Воронежа, профсоюзный работник. А это Наташа – ваша коллега из Сибири, из обкома комсомола.

Тут только Андрей обратил внимание, что часть лица Натальи скрыта под большой прядью волос. И всё же он успел разглядеть, что вся правая половина изуродована то ли шрамами, то ли ожогами. Юрия же это ничуть не смутило. Он легко подхватил девушек под руки и увлёк в зал, по пути рассказывая какую-то смешную историю.

Подошла пышная официантка с крашеными волосами и варварским макияжем, подала меню, собираясь отчалить.

– Подожди, родная, – заторопился Юрий, – пока мы будем изучать ваш ассортимент, принеси сразу бутылочку водки хорошей, желательной охлаждённой...

– Могу только четыреста грамм, – равнодушно ответила официантка.

– Почему четыреста? – глаза Юрия вылезли из орбит.

– Положено по сто грамм на человека, – заученно произнесла кормилица. – Вас же четверо...

– Мы водку не пьём, Юрий Викторович, – серьёзно заметила Анна, – нам что-нибудь полегче.

– Хорошо, – сразу поскущел комсомолец, – сейчас разберёмся.

Он открыл солидное меню и начал вслух читать:

– Ресторан "Нептун". Отведайте наши фирменные блюда. Они приготовлены с большим искусством. Да, судя по началу, что-то я засомневался. Ладно, читаем дальше. Фирменные блюда. Напиток "Перинги", не пойму точно, как называется, авторучкой написано. 200 грамм, цена 18 копеек. Ну, это нам неинтересно. Так, коктейль "Курортный" – рубль 89 копеек, этот, видать, с крепостью. Отбивная "Туапсе" за рубль сорок пять. На этом всё.

Теперь холодные закуски. Валованы с икрой; сёмга, лососина; шпроты, сардины с лимоном; сельдь натуральная; сельдь с гарниром; осетрина, судак заливные; ассорти рыбное; куры с гарниром; ветчина с гарниром...

– А что это за валованы? – поинтересовалась Анна.

– Во-первых, это пишется через "о", а не как у них через "а" – волованы, – многозначительно произнёс искушённый в таких делах Юрий. – А во-вторых, это пикантная закуска французского происхождения. Ничего особенного: небольшого размера выпечка из слоёного теста в форме башенки с несладкой начинкой, обычно из мясного, рыбного или грибного рагу. Но главное, друзья мои, – он неодобрительно зацокал языком, – против всех этих названий нет цены, стало быть, нам их не попробовать.

Ладно, хоть почитаем натошак... Язык заливной; язык с гарниром (нет цены). Говядина холод. за 63 копейки (цена зачёркнута карандашом). Яйцо под майонезом (нет цены). Свинина холод. за 90 копеек (зачёркнута карандашом). Салат с крабами (нет цены). Ага, вот нашёл. Салат столичный есть, цена 1,23 р. Салат мясной – 0,81 р. Салат из помидор – 0,29 р. Куры холод. – 0,69 р. Сыр – сто грамм за 34 копейки и масло сливочное 9 копеек за 20 грамм... Нет, так дело не пойдёт, – с Юрия мгновенно слетел весь его аристократический лоск, он вскочил и решительно направился к столику с дежурным администратором.

Девчонки притихли, заёрзали на стульях.

– Да ну его к чёрту со всеми этими изысками, – занервничала Аня, – мы не привереды.

– Юра полмира объездил, по всем статьям подкован, так что голодными не останемся, – Андрей, чтобы скоротать время, взял в руки отложенное меню. – А теперь я почитаю, может, что-нибудь стоящее найду... Супы пропускаем. Рыбные блюда тоже, потому что и севрюга, и осетрина, и судак ценой никак не помечены. О, да тут прочерков и в овощных, и в мясных блюдах предостаточно. Тогда посмотрим на сладости, я их жуть как обожаю.

– Вы сладкоежка? – потупив взор, спросила Наташа.

Но тут вернулся радостный Юрий с официанткой, которая несла на подносе запотевший графинчик и какую-то овощную нарезку. Не спрашивая никого и ничего не объясняя, Юрий наполнил себе фужер и смачно выпил. Откинувшись на спинку стула, блаженно закрыл глаза и прошептал:

– О, как хорошо!

Заиграла музыка. Он очнулся, расплылся в добродушной улыбке и увлёк Анну на танцпол, по пути крикнув:

– Сейчас всё принесут! Не скучайте.

– Так вы сладкоежка? – тихо повторила Наташа.

– Организм, видимо, требует. Мы же много калорий расходуем на тренировках.

– А вы каким видом спорта занимаетесь?

– Наташ, что ты мне выкаешь. Мне всего двадцать шесть, мы же, наверное, ровесники. Давай будем попроще.

– Хорошо, – девушка улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. "Она ведь была красивой до этого..." – сделал вывод Андрей и поспешил углубиться в изучение меню.

– Торты, печенье, шоколад, – монотонно читал, едва шевеля губами, но неожиданно запнулся. – Вот интересное блюдо – кисель со взбитыми сливками. Что это такое? Никогда не пробовал.

– О, это очень вкусно, – ожила Наташа. – Сначала перебираем, промываем клюкву, давим ложкой в кастрюле. Заливаем получившееся пюре холодной кипячёной водой, размешиваем, процеживаем. Потом кипятим с сахаром. Добавляем крахмал в кипящий отвар, затем – сок. Охлаждаем в холодильнике. Получается великолепное натуральное мороженое. А в конце взбиваем жирные сливки и выкладываем сверху. Обьединь! Неужели не пробовал?!

"Хорошая, должно быть, девчонка, – подумал Андрей, – как же ей не повезло с внешностью, а ведь какой замечательный характер и фигурка что надо..."

Вернулись танцоры. Сразу двое официантов накрыли на стол. Юрий тут же стал хвастать:

– Они мне объяснили, что тоже готовятся к Олимпиаде, к иностранным гостям, поэтому отрабатывают солидное меню. Но в силу того, что у местной публики спрос пока невелик, ряд блюд оставляют в резерве. Но я заказал и солянку овощную на сковородке, и омлет с ветчиной и колбасой, и осетрину жареную, и бифштекс по-деревенски...

– Юра, наш студенческий бюджет это не выдержит! – Аня шутливо сложила на груди руки и зашмыгала носом.

– Не бойсь, Анюта, сегодня я угощаю. У нас святое правило – день приезда, день отъезда за счёт организаторов! Так что плакать вам не придётся.

Все засмеялись, довольные произведённым эффектом. Наполнили бокалы сухим вином, Юрий себе налил водки и произнёс тост:

– Хорошо сидим, ребята! Главное – на свободе.

Повеселились от души. Вечер удался на славу. Прощаясь, Наташа отвела Андрея в сторону.

– Я ведь совсем не умею плавать. Ты меня научишь?

– Нет проблем! Только я смогу вечером, как сегодня. Так что после семинара и приходи на то же самое место.

– Спасибо, – она упорхнула счастливая...

Андрей едва дождался окончания семинарских занятий. Да ещё, как назло, его выступление поставили последним, а вопросам, казалось, не будет конца. По дороге к морю он разминал облепившиеся мышцы, разогревал рваными пробежками, приседаниями и отжиманиями. Небосклон стремительно тускнел, предвещая вчерашнее ненастье. Парень юркнул в фиолетовые волны, ощущая мышечную радость и безмятежность во всём теле. На горизонте молодой лунный месяц повторял движения пловца, синхронно выныривая из пучины перед его носом и так же игриво погружаясь в морскую зыбь. Любопытные звёзды, протискиваясь сквозь просветы расползающихся туч, перекрашивали их в шафранный и иссиня-васильковый цвета. Угомонился и вольный ветер, засыпая на затухающих серебристых волнах.

Андрей перешёл на спокойный брасс и, повернув голову к берегу, увидел женскую фигуру. Прижавшись спиной к каменной стенке, Наташа с восхищением следила за упражнениями пловца. Он издала помахал ей рукой и крикнул:

– Раздевайся, сейчас начнём заниматься.

– Как здорово у тебя получается, мне так вовек не научиться, – она шагнула в воду, покачиваясь на неприветливых камушках.

– Всё получится, – Андрей подплыл и сказал: – Ложись на живот, я тебя снизу подхвачу и проведу по мелководью, а ты только медленно, без рывков, отводи от себя воду руками и ногами одновременно. Ну, начали.

Андрей просунул ей руку под живот, страхуя от полного погружения в воду, и его словно шарахнуло электротоком. Упругое трепещущее тело девушки, вздрогнув, отозвалось жгучим желанием. Он едва успел сделать несколько шагов, как неведомая сила вытолкнула обоих из воды, сплела в объятиях. Они замерли в сладостной пульсирующей истоме, а потом стали медленно сползать на гладкие камни, влекущие своей прохладой. Звёзды искрились на волнах, увлекая в заманчивое путешествие. Окружающий мир остался за гранью сознания. Они растворились во Вселенной...

Четыре семинарских дня пронесли стремительно. Громов выглядел слегка уставшим, но не теряющим бодрости духа.

– Ну вот, слава Богу, всё закончилось. Сегодня, Андрей, у нас прощальный ужин, день отъезда, так сказать, – Юрий грустно перебирал свой гардероб, наконец, обрадовался, найдя последнюю чистую рубашку. – Собирайся, попрощаемся с "Нептуном"...

– Честно говоря, не хочется никуда идти, – вяло сопротивлялся Андрей, – может, в номере посидим, так сказать, по-домашнему.

– Ещё чего! Нельзя нарушать традицию, – менторским тоном возразил комсомолец. – Давай-давай, живо собирайся. Анна, наверное, уже заждалась... Хорошая девчонка, надо бы ей помочь продвинуться по профсоюзной линии...

Аня ждала у входа в ресторан. Выглядела она великолепно, только вот настроение где-то потеряла. Юрий, не обращая на это никакого внимания, болтал без умолку, хотя его дежурные шуточки сегодня не сдабривались аплодисментами благодарной публики. Андрей то и дело ловил на себе затаённые и насторожённые взгляды Анны. Он хотел было задать вопрос об отсутствии подруги, но Юрий опередил:

– Анюта, а что же Наташка не пришла?

– Так она только что улетела. Билетов на завтра не оказалось, пришлось спешно собираться. Передавала всем пламенный привет, – Аня безучастно оглядела богатый стол, на предложение Юрия потанцевать ответила отрицательным кивком головы. Громов не смутился и произнёс:

– Тогда выпьем за то, что хорошо кончается, – и, не дожидаясь сотрапезников, рывком опрокинул рюмку в рот. – А ты, Анюта, когда отчаливаешь?

– Утром. Я на поезде.

– Мы тоже утром в аэропорт. Так что прощаться завтра будем.

Натужно досидев до конца ужина, Андрей ощутил неимоверную усталость. Начинала побаливать голова, веки, словно налитые свинцом, стали непроизвольно смыкаться. Он торопливо простился и поплёлся отдыхать. А неугомонный Юрий отправился провожать Анну. По пути встретил знакомых, которые потребовали от организатора семинара "подвести итоги"...

Проснулся Андрей от шума в номере. Из ванной комнаты доносились песенные рулады вперемешку с дикими воплями – Юрий таким образом избавлялся от похмельного синдрома. Заметив открытого глаза соседа, живчик преобразился.

– Вставай, старик, нас ждут великие дела! – Он раскинул руки, имитируя зарядку, но потом плюнул и покачал головой: – О, как хорошо с утра холодный душ принять... И что-нибудь вовнутрь... Кстати, для тебя есть сюрприз.

– Какой ещё сюрприз? – Андрей пытался побороть прицепившуюся зевоту.

– Я же вчера пока всех семинаристов обошёл, типа узнать, всё ли в порядке, какие просьбы-пожелания имеются, естественно, усугубил, – Юрий заученными движениями принялся собирать свои вещи в огромный чемодан. – В общем, хорошо посидели. А потом я к Аньке зашёл. Да нет, ты не подумай ничего плохого. Она, как и я, тоже не по этому делу... Просто поговорили по душам. Тут она мне и сообщает, что Наталья тебе подарочек приготовила. – Андрей напрягся. – Вот, в холодильнике стоит. С утра полезительная вещь, я тебе доложу! Она в двух экземплярах подарок приготовила, вот какая умница, знает, что и друга нельзя обойти. Так вот я свою долю скушал. Оттягивает, доложу тебе...

– Да ты не томи, – Андрей откинул одеяло, присел на кровати.

Жестом фокусника Юрий распахнул дверцу холодильника и извлёк бокал с красновато-белым содержимым.

– Ты же ей заказывал кисель со взбитыми сливками?

– С чего ты взял? – Андрей нахмурился, рот его перекосило. – Да и не люблю я всякие кисели...

– Да ты попробуй! – настаивал Юрий. – Это же настоящее мороженое, только ещё вкусней.

– Да не буду я, – отмахнулся Андрей, взял полотенце и направился в ванную.

– Не пропадать же добру, – весело изрёк комсомолец, – а я с удовольствием поправлю здоровье.

Через час спустились в холл с вещами. Анна прогуливалась у входа на ступеньках.

– О, привет, подруга, – подскочил к ней Юрий, чмокнул в щёчку. – Ты мне свои координаты оставь, я из Москвы попробую поработать по твоему вопросу.

– Да не надо, Юрий Викторович, – натужно улыбнулась Аня, – стоит ли утруждаться?

– Анюта, я слов на ветер не бросаю, – начальственно заявил Юрий. – А ты что, уже уезжаешь?

– Да, заказала такси. Жду.

– Я тоже пойду позвоню, – засуетился Громов, – нам-то аж до Адлера надо ехать.

Он побежал к телефону, оставив Андрея охранять вещи. Анна подошла и буквально просверлила пловца колючим взглядом.

– Ничего не хочешь мне сказать?

– О чём ты, Анюта? – озадаченно нахмурил лоб Андрей.

– Попробовал подарок от Наташи?

– Нет, я всё больше компоты, соки употребляю...

– Понятно, – Анна прикусила губу, не зная как продолжить разговор. Подумав, решительно потянула парня за рукав. – Похоже, ты так ничего и не понял... Знаешь, какой она красавицей была до того, как в детстве случайно не опрокинула на себя кастрюлю с кипящими щами? Я фото видела, Наташка показывала. Всю правую сторону спалила; на теле, ладно, не очень-то заметно, а вот на лице, сам видел, шрамы на всю жизнь остались... Она, конечно же, закомплексовала. Лет в восемнадцать какой-то ухарь, поспорив с друзьями, подкатил к ней, уверяя в светлых чувствах. Попользовался девственным телом, а потом разболтал на всю округу... Представляешь, какой удар по её психике?! И она замкнулась, в себя ушла. Поняла, что замуж ей уже не выйти. Но с годами вырастало изнутри материнское чувство. Решила завести ребёнка, чтобы был красивым, здоровым, сильным... Только вот с кем?.. Тебя увидела, аж затряслась вся. Но как подойти, объяснить, что ей нужно... Я ведь знаю, что у вас произошло там, на берегу. Она этого сильно желала, а тут темнота ей как бы в подмогу... Знаешь, Андрей, я молю Всевышнего, чтобы у неё всё получилось. Она этого заслуживает, замечательная девочка... И уехала она, не простившись, только потому, чтобы никто не узнал о её тайных желаниях. Видишь, никаких координат не оставила и твоих не попросила... Это я, дура, не утерпела, всё тебе разболтала. Разозлилась, потому что ты её подарка не оценил. А Наташка ведь после первой нашей встречи бегала на рынок, накупила там всякого, уговорила кухню ресторана ей помочь приготовить то, что ты так и не попробовал. Эх, вы, мужики...

И она отвернулась, чтобы не расплакаться. Выскочил на порожки Юрий, распорядился:

– Вот наше такси. Грузи, Андрюха, вещи, времени в обрез, по дороге пробки будут...

– Пап, ты открытие Олимпиады в Турине будешь смотреть? – раздался голос дочери из кухни. – Это двадцатые игры, а почему тогда в Москве, в восьмидесятом, прошли двадцать вторые?

– В Москве были летние игры, а здесь зимние, они свои позже начали проводить, – ответил Андрей, отложил спортивную газету и включил телевизор. Своим вопросом дочь Оксана просыпала соль на рану, ведь ему так и не удалось выступить на московской Олимпиаде, замучили травмы, пришлось завершить спортивную карьеру. Тренером так и не стал, пошёл работать инструктором в спортклуб. Хорошо, хоть не спился, как многие неудачники, не сломался. Втянулся в жизненную колею простых тружеников, женился на бывшей пловчихе, вот дочь-студентка радуется, в семье вроде всё в порядке.

– Ты знаешь, – опять затараторила дочь, – мне Машка-соседка дала классный рецепт сладкого десерта. Ты же у нас сладкоежка, вот я тебя сейчас и побалую в честь Олимпиады. Не суди строго, всё же первый раз готовлю.

Оксана торжественно вошла в комнату с подносом. На нём красовались два стакана с малиновым содержимым и белыми шапками сверху.

– Вот, попробуй, оцени.

Андрей взял чайную ложку, подцепил студенистую мякоть, медленно разжевал.

– Слушай, дочура, это действительно потрясно, – искренне восхитился отец. – Никогда не ел ничего подобного. А как это блюдо называется?

– Кисель со взбитыми сливками. Правда, здорово?! Я теперь тебе всегда его буду готовить. По случаю...

КОНСТАНТИН ЧИГАНОВ

Анапа

Чиганов Константин Андреевич родился в 1980 году в Красноярске. Окончил Сибирский федеральный университет – юрист, магистратура СФУ – педагогика и психология. Автор нескольких научных статей.

Номинант шорт-листа всероссийского конкурса "Новая детская книга", участник литобъединения "Авангард" г. Анапа. Победитель краевого литературного конкурса "Семья", 2021 год.

РЫЖАЯ-БЕССТЫЖАЯ

Рассказ

Кому как, а мне всегда нравилось ладить что-то вручную. Пусть небольшое, такое, чтобы легко уместилось на полку с книгами. "Сережка, погуляй иди", – говорила бабушка, "Сереж, лучше бы побегал вокруг дома", – говорил папа. А я сидел и вырезал что-нибудь из картона и дерева. Планер там или ветродвигатель. Ну, бегать тоже бегал, но рождение нового под твоими руками мне нравилось ещё больше. Бегать ума не надо.

Тот кораблик я, впрочем, сделал без всякого рабочего места и даже почти без инструментов. Отломил кусок сосновой коры в парке и, прямо шоркая ею по асфальту у дома, выточил-вышоркал или как там сказать, корпус с острым носом, гладкие круглые бока и закруглённую корму. Дома осталось только довести красновато-бурую кору до ума, просверлить в палубе пару дырочек и вставить мачту и бушприт из соломинок, а на них поставить пару парусов – прямой и треугольный. Слово "бушприт" я выговаривал с удовольствием. Бушприт! В пять лет это очень важно, знать и уметь выговаривать сложные взрослые слова, да ещё морские.

Был март, и ручьи уже пробивали снежные остатки, солнце светило не по-зимнему, радостно, а мне приходилось к куртке (вместо шубы, наконец-то!) надевать резиновые сапожки ярко-жёлтого цвета. Я бы предпочёл охотничьи сапоги с отворотами, но их у нас не продавали на мой размер... О детях вообще мало думают, делая интересные и серьёзные предметы.

Я вышел во двор многоэтажки, прищурился на солнце, играющее в ресницах, и уже хотел брести искать ручей поглубже, когда меня и кораблик заметила та девчонка.

Она была рыжая, очень рыжая, прямо как Пеппидлинныйчулок, только гораздо красивее. В белой курточке, белых резиновых сапожках, очень чистых, в розовой шапочке с помпоном, "пумпошкой", говорили в детсаду. И у неё был яркий румянец, немного веснушек и вот такенные голубые глазищи. Рыжие локоны выбивались из-под шапки, хоть и заплетённые в подобие косы.

– Эй, мальчик! Стой, это кто тебе сделал?! – крикнула она на весь двор и побежала ко мне.

Вот только я терпеть не мог девчонок, ещё больше – нахальных девчонок, и ещё больше – нахальных девчонок, хватающих мою работу без разрешения невымытыми руками.

– Тебе папа сделал, да? Дай посмотреть! Дай!

– Сам сделал! – крикнул я, – лапы убери! Сломаешь!

– Сам ты лапы! Врёшь, небось! А ну!

– А ну! – мы начали толкаться, поскользнулись и, сцепившись в объятиях, растянулись на коварном мартовском ледке. Я приложился носом и теперь со страхом ощущал, как по подбородку бежит горячая струйка и капает красным, но обиднее всего, что кораблик, мой кораблик, валялся со сломанной мачтой и бушпритом, вырванным с мясом, паруса порвались и смялись.

А эта лахудра (так плохих тёть называла бабушка) уселась прямо на землю и закричала на меня же!

– Придурок! Жадюга! Сам всё испортил! Зачем сломал, балда косорукая! Красиво было!

– Это я сломал? Сама придурка! Чего полезла! Не умеешь ничего, а туда же! Корова рыжая, бесстыжая!

Как-то у меня получилось так срифмовать, не знаю. Тут она увидела кровь на моём подбородке.

– Ой, у тебя кровь!

– А я не знаю будто! Твоя работа, балда! Девчонки все тупые!

И, подбирая разбитый кораблик со слезами ярости и жалости, я добил её окончательно:

– Рыжая ты коза драная! Рыжая дура бесстыжая!

Она так и осталась сидеть, кажется, готовясь заплакать. Ну и хорошо. Так и надо с этими... бабами. Тупая, да ещё и рыжая. Политесы ей.

А кораблик я дома починил, корпусу ничего не сделалось, и ходил пускать в ручьях, пока не потерялся он где-то под колючими кустами. Я оглядывался, не идёт ли противная девчонка, и облегчённо вздыхал – не идёт. Но что-то мешало радоваться, какая-то тень сожаления, что эта рыжая корова криворукая ничего не увидит.

А потом, в начале лета, я снова увидел её. Она меня узнала. Но её вела за руку красивая высокая женщина в зелёном платье, чуть рыжеватая, но не настолько, и с такими же глазами. И сделать гадкая девчонка ничего не могла – в чистеньком голубом, в горошек, платьице и белых сандалиях при маме не забалуешь и драться не полезешь. А я хотел швырнуть в неё грязью... но только крикнул: "Эй, ты, сопля рыжая-бесстыжая!"

Она дёрнулась, я видел, но мама что-то строго сказала, и девчонка стихла, только показала мне кулак. Очень забоялся!

Её, сказали соседские пацаны, звали Злата, такое вот выпендрёжное имя. Хотя ей подходило. С намёком на золото. Только я при встречах не забывал крикнуть "рыжая-бесстыжая"! Она в ответ показывала противный розовый язык или плевалась. И никакого золота я не находил. Медная проволока вместо волос, да ещё скрученная.

Говорят "прошли годы" – не знаю, скорее, протекли, незаметно, как весенние ручьи, убежали. В детстве каждый год особенный, выпуклый, памятный, потом всё сливается, уже к старшим классам в памяти остаются важные события... а иногда и пустяки какие. Как когда я встретил её после выпускного – училась она в другой школе, а тут все выпускники в сладком дурмане свободы высыпали на улицы. Девицы в школьной форме, укороченной, с лентами через плечо, да ещё в туфлях на каблуках – не то конкурс красоты, не то цирк!

Но она шла в длинном синем платье, облегающем, с разрезом сбоку, переговариваясь с подругами, довольно противными. И опять мы друг друга узнали. Подошла ко мне, наплевав на то, что все смотрят, оглядела голубыми глазищами, скривила яркие губы и сказала (а высоко уложенные волосы полыхали огненно над открытым белым лбом):

– А, враг мой, знатный кораблекрушитель Серёжка? Ну что, в мореходку пойдёшь, моряк-с-печки бряк?

– И пойду! Уж лучше, чем бумажки разгребать, как ваша сестра. Завидуешь, рыжая-бесстыжая? Ах, прости, я уже забыл, как там тебя... Золушка?

– Иззавидовалась, селёдкин хвост! Потопнешь – не возвращайся, капитан Врунгель.

И уплыла, пока я сообщал, что сказать.

Когда меня собирали в мореходное, дым в доме стоял коромыслом – мама печёт блины и всплещивает руками – не забыли ли чего, бабушка перебирает уже уложенные вещи "для Серенького вот ещё носочки, сыро ведь там", просто "спасайся кто может", хорошо, отец на работе и в панике на палубе не участвует.

На звонок открывать пошла бабушка, там слышался молодой женский голос, дверь хлопнула... Бабушка, с немного растерянной улыбкой, внесла в комнату пакет, перевязанный синей ленточкой. "Серёж, там какая-то киноактриса тебе передала". Актриса!

Я разорвал пакет. Скоро форменку новую примерять, тут какие-то девицы...

Там была отличная тельняшка моего размера. И конверт без марки и подписи – из него выпало цветное фото – так, десять на двенадцать.

Всё такая же рыжая, только в зелёном коротком платье, на фоне пальм и синего моря – на юге, конечно, шевелюра как огонь горит, локоны на открытых плечах, но лицо, вот странно, не нахальное, как в ту встречу, скорее загадочное. Любят на себя смазливые девицы напускать этакий джокондовский вид. И не загорела почти – только веснушки ярче видно. Так ей и надо, ходи крапчатой.

А на обороте: "Сергею Врунгию от бесстыжей, на короткую память моряка". И адрес, отчетливо выведенный красивым круглым почерком.

Ну, я написал, злорадствуя немного, но без грубостей. Чего старое ворошить. Завидуешь мореманам в своей обыденной житейской луже? Вот и хорошо, вот и расскажу поподробнее, как ходили курсантики в первый рейс на знаменитом нашем "Крузенштерне" аж до Сицилии. И как на вахте стоять и увидеть стаю дельфинов у полубака, на розовом рассвете. Да и про всякие забавные случаи из курсантской жизни.

Она, как ни странно, написала в ответ – про жизнь студентки-биолога. Биолог! От одной масти все тигры разбегутся. Довольно ехидно прошлась по моим бескозыркам-клёшам. И подписалась – "Рыжая-бесстыжая".

В общем, курсантская жизнь не так уж течет молоком и мёдом. И бывает тяжело и одиноко, казарма есть казарма, не для Вертеров жизнь. Куприн не даст соврать. А её письма, словно огоньки вспыхивали каждый месяц. "Серёга, тебе от твоей красотки, пляши!". Фото, конечно, мне не удалось утаить. Ребята завидовали – не будешь же объяснять, что мы просто старые верные враги.

И родным, когда приехал в отпуск, не будешь же объяснять, почему тебя встречает у вагона такая... такая, в блестящем костюме, словно с обложки. Просто "подруга моя, Злата".

Там уже в отпуске я морально обязан был приглашать её на концерты или в кино... Нет, я не расстроился, бродить с ней было куда приятней, оказалось, чем в одиночку. "Врунгель" и "Бесстыжая".

Да, мой самолет объявляют, точно. Как у нас говорится, не стой на комингсе, сюда или отсюда. Закругляюсь. Знаете, вы мой номер запишите, будете у нас в Питере, дивный город, скоро белые ночи, вы позвоните, я вам экскурсию на "Красина" организую. Первый наш ледокол, у меня там кореш с мореходки. И в Морской музей бесплатно проведу. Жена моя своей фирменной наливкой угостит. Я ведь её наедине так и зову иногда – "рыжая-бесстыжая".

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТЕЯ

НАТАЛЬЯ ПОКОЛОДА

ст. Родниковская

Маме

Алых маков лепестки
осыпает утро,
и осыпаны виски
серебристой пудрой...

Мама, мамочка, не плачь!
Я с тобою вечно.
Пусть промчалось детство вскачь
мячиком беспечным.

И сменяются ветра –
летний на осенний.
С нами будут вечера,
я уткнусь в колени:

Всё поведаю тебе
в тихую минуту.
 Попрошу в своей мольбе,
Чтоб настало утро.

Улыбались чтобы нам
Лилии и розы.
Я тебе любовь отдам,
мама, вытри слёзы.

ИГОРЬ ЩЕРБАНЬ

ст. Тбилисская

Детство

Занималось утро и, лаская крыши,
солнца первый лучик из-за леса вышел.
А потом, сияя, молодое солнце
к нам всплыло, как рыба белая, в оконце.

За окном листвою клён шумит игриво,
у печи волшебница – бабушка Арина.
С мёдом и блинами осушивши кринку,
я целую нежно милые морщинки.

И навстречу ветру к речке говорливой
по росе бегу я, юный и счастливый.
И звенит, искрится воздух над рекою,
я бегу на встречу со своей судьбою.

ДМИТРИЙ БЛЕДНОВ

Лабинск

* * *

Мой друг, теперь ты не умрёшь
под факелом ночного света...
Ты Дух и Разум свой вдохнёшь
с последним вздохом тела детям.

Поверь в бессмертие души:
твой мир – наследие потомкам.
И, путь земной свой завершив,
воскреснешь ты в груди ребёнка...

Мой брат, теперь ты не умрёшь –
ты плавно растворишься в этих
кристально чистых, словно дождь,
веках, что дарят твои дети...

И всю ту силу, что Господь
нам даровал – не трать напрасно:
бессмертен Дух, но тленна плоть –
успей детей осыпать Счастьем!

ЛЮДМИЛА КАРПЕНКО

Краснодар

Отчий дом

Дом родной из далёкого детства,
часто вижу тебя я во сне.
И огромных акаций соседство –
здесь и кашка цвела по весне...

В палисаднике – буйство сирени,
а за синими ставнями – свет.
Вспоминаю просторные сени –
их когда-то построил мой дед.

Щебет ласточек, вестников мая,
целый день услаждает мой слух.
Пирогов ароматы витают
и узвара фруктового дух.

Нам казалось, что всё будет вечно –
будут нас и жалеть, и любить.
Хлопотала бабуля у печки
и старалась внучат накормить.

Отчий дом! В наших комнатах пусто.
И вокруг перевозданная тишь.
Ты глазами окон так грустно,
с молчаливым укором глядишь.

Мы вернёмся! Я знаю, я верю!
И за стол всех родных соберём.
Мы откроем широкие двери
и на праздник гостей позовём.

Ты холодным осенним ненастьем
одари нас покоем, теплом.
И душа переполнится счастьем,
снова солнцем наполнится дом!

* * *

*Посвящаю моей маме
Черкасовой Александре Ивановне*

Среди житейской суеты
храню в душе, как дар бесценный,
лица любимого черты
и голос необыкновенный.

Звучал он музыкой земной,
я засыпала безмятежно.
Он мне дарил тепло, покой,
и мама обнимала нежно.

Под Новый год – машинки стук:
костюм мне шьёт из ткани белой.
На ёлке я в кругу подруг
вмиг стала Снежной королевой.

Был пирогами дом богат,
по вечерам соседи пели.
Пьянил сирени аромат,
и дед построил мне качели.

Цветами был украшен зал,
И скатерти крахмальной свежесть.
Сияли мамины глаза,
дарили мне тепло и нежность.

Оборвалась души струна,
и счастье замели метели.
Осталась мама молода,
а во дворе скрипят качели...

ОЛЬГА НОВОЖИЛОВА

Краснодар

Снова с дедом идём на парад

Снова с дедом идём на парад –
не по улице, а в Интернете.
Мы в онлайн, и всемирные сети
аплодируют блеску наград.

Полк Бессмертный! Мы снова в строю.
В юбилейный год, в семьдесят пятый.
И полощется, дедом поднятый,
Флаг Победы, назло бытию.

Пламя Вечное ярко горит
в миллионах свечей павшим в битвах.
Нет! Никто и ничто не забыто
от развалин до мраморных плит!

А весна распустила сирень
и запела военные песни.
Будто лица в портретах воскресли
в этот мирный и солнечный день.

Мы сегодня за праздничный стол
Сядем. Внуки и правнуки – с дедом.
Тост поднимем за нашу Победу!
За Бессмертный наш памятный полк!

ГАЛИНА УФИМЦЕВА

Горячий Ключ

Младенцу

Дитя свободно, будто птица.
Условности – не про него.
Не зная жизни, не боится
оно пока что ничего.

В глазах ребенка – мудрость мира.
Он слышит то, что шепчет Бог,
и грудка слабая пунктиром
трепещет, предваряя вздох.

Комочек, тёплый и безгрешный,
без спроса вырвался на свет.
А свет, он ждёт его? Конечно!
И вариантов просто нет.

Какое крохотное чудо...
Но станет ли оно большим,
покажет время. А куда
расти, малыш! Мы не спешим.

Уходит детство...

Уходит детство – дальше, дальше...
Почти невидимо, оно
живёт без зависти, без фальши,
без спроса бежит в кино.

В болячках голые колени,
но лечит всё счастливый смех...
А тот, кто носит имя Ленин,
он – просто дедушка для всех.

По вечерам в соседнем парке
играют танго и фокстрот.
А платица легки и ярки –
сатин, поплинчик, шевинот.

Там мамы молоды, нарядны.
Нам бабушки пекут блины.
И все мы бесконечно рады,
что Мир и Май, и нет войны.

Уходит детство, прячась в память –
там удивительно тепло.
Там можно выплакаться маме
и строить домик – под столом.

Тихонько подступает мудрость,
лучась морщинками у глаз...
Нам, бывшим детям, очень трудно,
а мамы молятся за нас.

Счастье было рядом

Счастье тихо было рядом,
словно лодка у причала...
Но, скользя по счастью взглядом,
я его не замечала.

На рассвете, просыпаясь,
всё смотрела вдаль с надеждой –
не мелькнёт ли алый парус
или, ладно, белоснежный.

Но с годами поумнела,
как ни странно, стала взрослой...
Вижу – лодочка без дела.
Раздобыла якорь, вёсла...

Словом, выправила снасти
и, с причала сняв сиротку,
написала сбоку "Счастье"
и плыву... Спасибо, лодка!..

* * *

Ты сложила усталые руки...
Ой, ну что ты!.. конечно, не старость!..
Знаешь, жизнь – презабавная штука...
Мы споем тебе – я и гитара.

Пробегу по ладам и настрою.
Ты забудешь про то, что устала.
С нами песня, а значит, нас трое.
Уверяю, для счастья – немало!

Будут звёзды светить в наши окна.
И Луна, примостившись на троне,
разовьёт свой серебряный локон
и на землю случайно уронит.

Постучатся к нам добрые гномы –
и такое случается чудо!
А мы кстати окажемся дома
и гостям очень рады мы будем.

Зазвучат, заволнуются струны,
и свеча вспыхнет заревом алым.
На неё я тихонечко дуну...
Понимаю – устала, устала...

ОЛЬГА БЕЗЛЕПКИНА

Ейск

* * *

В этот месяц дождей и туманов
перед долгой морозностью дней
в гости сумерки просятся рано,
Заблудившись в огнях фонарей.

Клёны зябнут без жёлтых перчаток –
их, упавших, не в силах поднять,
лишь оранжевых дней отпечаток
пятипалые листья хранят.

Хорошо вечерами согреться,
к дорогому прижавшись плечу.
Просто слушать, как бьются два сердца –
я иных благ земных не хочу.

РОЗА ВОЕВОДИНА

Ейск

* * *

Стены в обоях бумажных,
кадка с огромным цветком.
Кот растянулся валяжно,
лапкой играет с клубком.

Солнца рассветные искры
в маминых пляшут глазах,
спицы мелькают быстро –
руки всё время в трудах.

"Вот и готовы носочки,
Утро впустую не трать!"
И вывожу я крючочки,
крепко прижавши тетрадь.

Смотрит с портрета беспечно,
бравый и юный отец,
стал он звездой Млечной,
Армии Красной боец.

И всё же он будто бы с нами,
он в курсе всех наших дел.
Желтеет портрет с годами,
а папа мой не поседел...

АНАТОЛИЙ СИМОНОВ

Анапа

Лиса и Куропатка

Не разгадать порой загадку,
Когда в её основе лесть...
Лиса поймала Куропатку
и собиралась птицу съесть.

– Мой Бог, навек благословенный,
Лису за это не карай –
закончила я путь свой бренный
и отхожу в небесный рай!

И ты восславь, сестричка, Бога,
чтоб в этой жизни не пропасть!
Лиса подумала немного,
присела и раскрыла пасть:

– Молитвы неба пуще магий,
и мудрость Божия гибка –
тебя я славлю, Боже благий,
ведь трапеза моя сладка!

Лиса Осанну затянула,
нешадно путаясь в строках,
а птичка вещая вспорхнула
и растворилась в облаках.

Всю ценность данного итога
Лиса пыталась огласить:
– Мне, прежде чем восславить Бога,
сначала надобно вку-си-и-ть!

Лев и Лиса

Лишь хитрецы не ценят дружбу...
Лев взял Лису к себе на службу.

Лев говорит Лисе с любовью:
"Смотри в глаза мне, не дрожи.
Когда они нальются кровью,
ты мне об этом доложи!
Прошу, кума, цени работу,

ведь это знак – начать охоту!"
Они работали, любя,
и даже кумушка польстила:

"Кем я была бы без тебя?
Я не жила, а лес коптила!
С тобою стала я Лисой,
Теперь мой мех блестит росой!

Как дивно всё произошло,
ведь на пути то ёрш, то шило!"
И у дуэта так пошло,
да не пошло, а покатило:
Лиса насытиться смогла
и стала гладка и кругла.

Жизнь никогда не упрощай
ни с правой стороны, ни с левой.
Лиса сказала Льву: "Прощай,
хочу быть Рыжей Королевой!
Меня идея долго грела,
но, слава Богу, я созрела!"

И по лесу пошла молва,
что у Лисы со Львом нет толка,
и что Лиса забыла Льва
и приняла на службу Волка.
"Мой серый друг, ты так угрюм,
но, как-никак, а ты мне кум!

Что понимаешь ты в азах
всех наших дел? Не хмурь же брови!
На мой вопрос "Есть кровь в глазах?"
ты отвечай: "Да, много крови!"
Прощу тебе любой изъясн.
Ты будешь весел, сыт и пьян!"

Бегут олени – пыль столбом,
Лиса их ждёт, а их немало,
и в миг один с разбитым лбом
Лиса без памяти упала.
Лежит с растрёпанной косою,
и Волк склонился над Лисою:

"Ты львиному служила прайду,
Лев – царь зверей, он всем гроза!
Вставай, кума, теперь и вправду
красней чем кровь твои глаза!
Нас ужин ждёт, в нём сыр и сало,
ведь ты нашла всё, что искала!"

ПОЭЗИЯ ЗВУЧИТ КАК КОЛОКОЛ

Очерк

В России всегда находятся талантливые поэты, которые тесно связаны со своим народом. Выражая свою любовь и преданность Родине, они призывают бороться со злом в обществе и высказывают личные переживания за судьбу своего Отечества.

Лучшие образцы гражданской лирики становятся песнями, которые помогают Человеку Трудя преодолеть жизненные испытания, и музыка усиливает восприятие текстов.

На одном из сайтов, где обсуждалась поэзия, один из пользователей написал: "Жизнь без гражданской лирики бледна и уныла, как без пения птиц, весенней капли и осеннего багрянца, благоухания цветов, без любви и красоты. Стихи, разумеется, не нужны всегда как хлеб, воздух, вода. Это пища, только особого рода – не для желудка, а для души. Ведь в настоящей поэзии аккумулировано добро, красота, правда". Лучше и не скажешь.

Все мы наследники Прошлого и заложники Будущего. Гражданский поэт – это глашатай общественных настроений и чувств; причём, он не только заявляет о требованиях Времени, но и призывает к действию.

Литературоведы утверждают, что гражданская лирика имеет существенное влияние в своё время и переживает сравнительно быструю утрату своего значения впоследствии. Этот вывод справедлив, если рассматривать поэзию усреднённого уровня, в которой преобладает публицистическая нота. Речь сильна, когда слова весомы. Мы видим немало и таких строк гражданской лирики, которые живут десятилетия. Вспомним слова из монолога Чацкого:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве...

Разве не актуальны сегодня эти грибоедовские строки, написанные двести лет назад? Ответ на этот вопрос очевиден: достаточно взглянуть, как живут абрамовичи, сечиные, шуваловы...

Наши поэты-классики остро чувствовали свою ответственность перед обществом, что и отразилось в их гражданской лирике. Именно поэтому набатные голоса Пушкина, Лермонтова, Некрасова слышны нам и сегодня. Не будем цитировать их стихи – они общеизвестны. Лучше обратимся к нашему времени.

Стоит посмотреть на холёных вожаков "Молодой гвардии Единой России", и сразу же вспоминаются строки из стихотворения Евгения Евтушенко "Памяти Есенина", написанные полвека назад:

Когда румяный комсомольский вождь
На нас,
 поэтов,
 кулаком грохочет
и хочет наши души мять, как воск,
и вылепить своё подобье хочет,
его слова, Есенин, не страшны,
но тяжело быть от этого весёлым,
и мне не хочется,
 поверь,
 задрав штаны,
бежать вослед за этим комсомолом.

Разве эти строки поэта-шестидесятника устарели?

Та катастрофа, которую пережили народы России за последнюю четверть века, рано или поздно будет отражена в романах на художественном уровне наших классиков; пока таких произведений у современных прозаиков мы не встретили. А вот поэты уже оставили блистательные по своей художественной выразительности и эмоциональному накалу пронзительные стихотворения.

Хорошие стихи гражданского звучания можно прочитать у Валентина Сорокина, Владимира Шемшученко, Валерия Хатюшина, Надежды Мирошниченко, Светланы Сырневой, Анатолия Аврутина и у немногих других известных поэтов.

Но вот какая штука: наиболее талантливую гражданскую лирику мы находим у поэтов, чьи произведения, к сожалению, не заполняют страницы литературных изданий. Одним из таких поэтов, не оценённых при жизни, является Михаил Всеволодович Анищенко.

В полной мере ощутив "прелести" жизни в новой России, Анищенко в стихотворении "Отчаяние" пишет:

Тянет гниющей травой из лога,
Дождик косой, как сапожник, идёт.
Родина горькая, словно изжога,
Мучит ночами и спать не даёт.

Проходили десятилетия, но для основной массы населения России мало что менялось. Не изменилась к лучшему и жизнь поэтов, даже выдающихся. Вот, например, отрывок из стихотворения того же Анищенко "Вот и ты живи...":

Не сдавайся, брат, не кисни,
Не стреляйся на плацу.
Я и сам бежал по жизни,
Словно слёзы по лицу.

Я и сам плутал в тумане,
По вокзалам стыл и дрозд;
И меня твои дворяне
Не пускали за порог.

Эта же тема звучит и в его стихотворении "Круги":

Двадцать лет темнота над родимой землёю,
Я, как дым из трубы, ещё пробую высь...
Но кремнистый мой путь затянулся петлёю,
И звезда со звездой навек разошлись.

Истошилось в писаньях духовное брашно,
Я устал и остыл. Я лежу на печи.
Умирать на земле мне почти и не страшно,
И весь ужас скрывается в этом "почти"...

А поэт Леонид Григорьян перед смертью, характеризуя новую эпоху, написал такие строки:

Я сизмальства чужд твоему правезу,
Мне до смерти мерзко лицо твоё волчье.
Но ты остаёшься. А я – ухожу.
Без тени надежды. Печально и молча.

Гражданская поэзия обладает способностью вызывать отклик не только в сердце, но и в сознании любого человека, задумывающегося о настоящем и будущем своей Родины. Это происходит потому,

что творцы своей правдой бросают власти вызов и «глаголом жгут сердца людей». Не потому ли жизнь многих русских поэтов обрывается трагически?

А вот строки из стихотворения Станислава Золотцева "К 20-летию начала смуты":

На что ушло двадцатилетье это? –
На стыд, на бред, на бойню, на развал.
Хозяева страны пред целым светом
устроили кровавый карнавал.

И мы стоим теперь среди обломков...
И надо нам собрать остаток сил...
Не то – позором станем для потомков.
И предки проклянут нас из могил...

В стихотворении "Как смола ядовитая тянется" Золотцев высказывает веру в свой народ, в будущность России и тем самым пытается добавить нам душевных сил:

... Что, душа моя, вечная странница,
Тяжко в стуже звенеть соловьём?
Всё пройдёт... А Россия – останется!
Ради этого мы и живём.

В последние годы я прочитал немало откровенно слабых стихотворений Валерия Дударева. Но это обстоятельство несколько не снижает его авторитет как поэта в моих глазах, потому что ранее он написал вот это стихотворение:

Сгорают звёзды, люди, царства...
Испепеляющий конец! –
И нет на свете государства,
В котором умер мой отец.
И словно он в сороковые
И не выигрывал войну –
Так быстро справили живые
Себе отдельную страну.
И словно не было державы,
Свалившей гордого врага.
И там, где город русской славы,
Теперь чужие берега.
И там, где время сохранило
Могины русских казаков,
Теперь степная правит сила
Чужих очей, чужих подков.
И там теперь чужие страны,
Где гибли русские полки,
А горстку русских ветеранов
Добьют латышские стрелки...

Это стихотворение достойно занесения в хрестоматию "Поэзия новой России", так как в нём множество смыслов, оформленных рукой мастера.

Есть поэты, которые способны на должном уровне переосмысливать трагические парадоксы эпохи, наступившей после крушения Советского Союза. И один из них, вне всякого сомнения, Марина Струкова, которая страстно и очень точно иллюстрирует жизнь обычных россиян:

Пуста казна, пусты карманы,
Не отобрали лишь души...
А люди смотрят на экраны
И верят в оправдание лжи.

Особое место в гражданской лирике поэтессы занимают строки, которые сразу запомнились любителям поэзии:

В час восстания грозный, дикий
по колено в крови гулай,
но запомни закон великий:
Русский, в Русского не стреляй.

Есть у нас и Николай Зиновьев, который пишет гражданскую лирику в своей, только ему присущей манере. Его пронзительные строки уже заслуженно стали широко цитируемыми. В стихотворении "В степи, покрытой пылью брэнной..." говорится о том, что в степи сидел и плакал человек, а мимо проходил Бог, который обратился к этому человеку:

"... Я знаю много слов заветных.
Я есмь твой Бог. Я всё могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?".
И человек сказал: "Я – Русский",
И Бог заплакал вместе с ним.

Когда знакомишься с цифрами "Росстата" и узнаёшь, что численность русских за последние восемнадцать лет сократилась на семь миллионов человек, то это стихотворение приобретает и дополнительный смысл: всем нам надо не плакать, а что-то делать с этой властью. Тем более что количество долларовых миллиардеров за последние восемнадцать лет увеличилось в 15 раз!

События в последние годы на Украине всколыхнули наше общество. Иначе и не могло быть: братский народ оказался в беде. И, естественно, наши поэты откликнулись на потрясения, выпавшие на долю украинского народа. Пустые надежды наполняются вздором. Когда стихотворение Анастасии Дмитрук "Никогда мы не будем братьями..." стало гимном последнего украинского майдана, российские поэты ответили ей немалым количеством гражданской лирики. Лучшими строками было, бесспорно, стихотворение Леонида Корнилова "Ответ украинке", которое имеет такое окончание:

И за счастье твоё, украинка,
Я пойду на твою войну.
Ты нашла во мне виноватого.
Я желаю тебе добра.
Никогда ты не станешь братом мне,
Потому что ты мне – сестра.

Таким образом, мы видим, как русская поэзия изо дня в день бьёт в набат, собирая народ в годы потрясений и испытаний под знамёна Правды и Справедливости.

Валерий Румянцев,
Сочи

ВОЗМЕЗДИЯ... УКРАДЕННЫЕ И СВЕРШИВШИЕСЯ

(читаем автобиографическую повесть Константина Пуликовского "Украденное возмездие")

Украденные и совершившиеся возмездия, и другие удивительные художественные особенности документального повествования, судьбы и жизни генерала Константина Пуликовского

Русский язык... в смыслах русского слова – раскрываются смыслы русской жизни.

На портале издания "День Литературы", к 25-летию начала первой чеченской военной кампании, опубликована автобиографическая повесть Константина Пуликовского "Украденное возмездие". Повесть впервые вышла к читателю гораздо раньше и... и осталась не прочтена, не понята в её и трагической и жизнеутверждающей правде.

Пушкин на все времена сказал нам о нас: "мы ленивы и не любопытны". Но русская литература – не любопытства ради, а ради – точность чувства Александра Твардовского – "ради жизни на земле". Но повесть Пуликовского – документ. По какому праву может быть отнесена она к русской литературе? По праву Правды. Пуликовский пишет правду. Правда – бесценный состав повести "Украденное возмездие". Правда о войне? Да, и о войне тоже – правда, но военная правда, лишь часть основного состава повести. "Украденное возмездие" – это правда о человеке, о жизни человека на земле, о смысле жизни, о долге и чести, о Родине и любви.

Повесть "Посвящается защитнику Отечества русскому солдату Алёше". Старшему лейтенанту Алексею Константиновичу Пуликовскому. Сыну генерала Пуликовского. Даже бы и не после точки, Сын здесь надо писать с большой буквы, а генерала с маленькой, потому что защитник Отечества, Алексей, он Сын России, Родной земли, рода Пуликовских, а потом уже – да, Сын генерала. Не "генеральский сынок", а Сын генерала, – разные в русском языке понятия, а, ведь, не в русском языке, а в русской жизни – разные.

Я уверен, что повесть генерала, генерал-лейтенанта Константина Пуликовского должна прийти к молодому читателю, войти в молодежные аудитории школ, библиотек, вузов. Именно молодому поколению важна и необходима правда о жизни, и даже правда жизни, сказанная Пуликовским.

На внимание и интерес молодого читателя и рассчитаны те удивительные открытия, которые мы сейчас, вместе, писатель и молодой читатель, откроем в тексте, обычном, вроде бы, документальном, но, в том-то и дело, что Правдивом, высшей правдой жизни.

О чём эта правда? О том, что жизнь человека на земле исполнена смысла. Наполнить свое бытие смыслом – задача каждого, вступающего в мир жизни человека. Но! Есть ещё и смысл каждой, каждой! человеческой жизни, который каждая жизнь несёт, содержит в себе. Этот смысл сообщается каждой жизни свыше, даётся каждому человеку в дар. Правильно определить эти два смысла – собственный и высший – это Путь к себе, к своему сердцу, к своей душе. Это путь к тому, чтобы быть счастливым вне зависимости от внешних обстоятельств.

Как раз об этом многое может поведать нам правдивая повесть жизни генерала Константина Борисовича Пуликовского.

Возмездие – и награда, и кара... (одновременно?).

Название повести Пуликовского – "Украденное возмездие". А что такое возмездие?

Молодому читателю: остановись здесь, не читай дальше, попробуй вслух сформулировать своё понимание смысла слова "возмездие".

Сравним с Владимиром Ивановичем Далем, его Словарём, живаго, – то есть живого – Великорусского языка. Живого, язык наш и сейчас живой, а вот мы для него – мертвы. Войди в Словарь Даля, причастись живой воды русского слова – и будешь жив.

ВОЗМЕЗДИЕ ср. возместье стар. возмestка ж. воздаяние, награда и кара, плата по заслугам, вознаграждение; возврат, отдача. Возмездный, воз местный и возмestный (мзда, месть и место), служащий возмездием, заслуженный; возмещающий. Возмездник, возмestник, возмestник м. -ница ж. кто вознаграждает, жалуется и карает по заслугам. Возмездничать, верстаться, платить добром за добро, злом за зло. Возмездиться, вознаграждаться. См. возмещать.

Честно признаюсь, что и для меня самого полный смысл слова "возмездие" стал открытием.

Удивительно это – "награда и кара", антонимы, вроде бы, противоположные по смыслу слова, в смысловом составе одного слова (!) Разве не удивительно? И ещё очень важно: "плата по заслугам". Настолько важно, что сначала, через запятую – как ещё один смысл, а потом односоставно – "кто вознаграждает, **жалует и карает по заслугам**".

По заслугам, а если не – по заслугам, значит, не возмездие, а что-то другое?

Вот что такое Возмездие. И задумаемся, можно ли украсть Возмездие? Пуликовский отвечает: можно. Отвечает убедительно и правдиво аргументирует. И я автору верю.

Но не всё так просто и с текстом, и с правдой текста... с **художественной правдой документального** текста. Не всё так просто. Но тем и интересно. ... Нет. "Интересно" – нехорошее... не подходящее здесь слово... "Важно", вот точное определение... тем и важно – понять, что есть художественная правда документального текста.

Месть или Возмездие?..

Рассмотрим Возмездие – первого плана повести, то, что в содержании текста. Пуликовский правдив и точен. По-воински краток: "Август 1996-го. Грозный". Чёткая рубленая фраза заглавия. Заглавия – чего? Главы? Вступления в повесть? Ремарки нет. А это преддверие повести и её кульминация – одновременно. И смысловая концентрация "украденного возмездия" – разрешается здесь.

Бандиты, наводнившие город Грозный. Кольцо Пуликовского. Возможность полного уничтожения основных сил боевиков. Точка в затянувшейся войне. Приезд генерала Лебеда. Хасавюрт. Позорный "мир", который, конечно, никаким миром не был, что и подтвердила вспыхнувшая через несколько лет вторая война. Была политическая сдача позиций, сговор – украденное возмездие, одним словом.

Всё – здесь. Но всё ли?

Вот Лебедь о Пуликовском: "Он собрал нас всех снова и сказал, что Пуликовский мстит за погибшего сына. Что у него на этой почве просто помутнение рассудка и "поехала крыша", поэтому он так неадекватно воспринимает все вопросы. Мол, все свои действия он подчиняет только одной мысли: отомстить за убитого Алексея".

Задумаемся по-человечески, почему бы и нет?

Но – нет.

Пуликовский говорит: нет, не месть. Возмездие – по заслугам точно, прямо здесь в тексте генерал говорит: "И у нас, в Ханкале, обстановка и без того была накалена до предела, на следующий день предстоял, возможно, последний и решающий бой. Последний, и, стало быть, самый трудный. Но мы ни за что бы не дрогнули. Мы выполнили бы свой долг до конца, долг перед Отечеством, перед павшими товарищами, их безутешными матерями... Перед тысячами россиян, вынужденных стать беженцами в своей стране".

Это не месть, это именно Возмездие.

Да, но ведь это всего лишь слова. Даже и из уст боевого генерала, все равно – слова.

И... Пуликовский это понимает.

И чтобы убедить нас в том, что нет, что это – не просто слова, а простая и жёсткая Правда Возмездия, Пуликовский пишет целую повесть, автобиографическую повесть. Наполняет эти громкие (по содержанию, по смыслу) слова о Возмездии Правдой жизни.

Так ли это?

Очень важно понимать при этом, что, скорее всего, никакой такой задачи автор, генерал Пуликовский, перед собой не ставил. Но творчество, а любая деятельность человека, не только создание текста, а изготовление табуретки, к примеру, на уроке труда – это творчество.

Творчество... и тайна Творчества, за семью замками сокрытая, – это Любовь. Любовь к своему делу. Любое дело с Любовью – *делаемое*, есть Творчество. Дело, осенённое Любовию, – всегда не только дело человеческое, но и Божие дело. Именно от Любви в Творчестве начинает работать душа человека. А работу души человек полностью не контролирует, так, Слава Богу, человек устроен. Другое дело, что есть творчество живое, оно-то и есть подлинное творчество, а есть – мёртвое, без души, без Любви – видимость творчества, подделка. Душа человека эту разность сразу чувствует, сразу понимает.

В прозе Пуликовского душа работает, и работает удивительным образом. Работа души всегда удивительна, надо только уметь её почувствовать, увидеть. А для этого необходимо свою душу раскрыть, разрешить ей работать. Чтение – это тоже творчество.

Итак, предполагаем – главный содержательный состав повести: показать, что генералом движет не месть, не обида, не личная боль... да, все человеческие чувства здесь присутствуют, но они вторичны.

А по существу, даже и сам генерал, командующий войсками, окружившими Грозный, он – лишь орудие... не слепое орудие, а избранное (подготовленное к своей миссии) высшей силой орудие... – орудие Возмездия.

Но в этом случае, как можно украсть Возмездие?

Поищем ответы в повести, которая начинается главой первой. Первой главой автобиографии.

Пасхальный гимн: Жизнь всегда больше смерти (по первой главе "Военная география" повести Пуликовского)

Первая глава открывает нам род Пуликовских, дворянский род, потомственно служивший Отечеству на воинском поприще и вставший на защиту родной земли в Великой Отечественной войне. В первой главе открывается нам и главная боль повести, становится понятно посвящение – русскому солдату Алёше. Преддверие автобиографии нам ничего не объясняло. О "мести за сына" мы слышим от генерала Лебеда и можем только догадываться, в чём тут дело.

Обратим внимание на то, как построен рассказ Пуликовского, каким содержанием наполнен:

"Мой отец – Борис Пуликовский – прошёл всю войну и закончил её в звании капитана, а мама, Анисья Федоровна, в девичестве Татарникова, родом с Алтайского края, была старшиной роты связи, воевала на многих фронтах Великой Отечественной.

Никогда не забуду юбилей моего дорогого отца. В 1994 году мы всей семьей праздновали его 80-летие. Все собрались за одним большим столом, во главе которого сидел юбиляр и его верная боевая подруга – наша мама. Пришли три сына и пять внуков. Много добрых и теплых слов было сказано. И вот настал черёд моего сына, лейтенанта Алексея Пуликовского (он только что закончил военное училище). Алёша встал, обвёл нас всех тёплым взглядом и с тихой грустью проговорил:

– Дед, вот если бы все трое твоих братьев, погибших на войне, были бы всё-таки живы, сколько бы у них было сейчас детей и внуков, пришлось бы нам ещё несколько столов здесь ставить...

Крепко призадумались мы все в тот вечер, но никто и помыслить не мог, что трогательная речь молодого офицера окажется на самом деле прощальной... Ровно через год Алексей Пуликовский, уже в звании старшего лейтенанта, героически сложит свою голову за нашу великую Родину в бою на нежданной-негаданной войне – Первой чеченской.

Никто не ведал тогда, что снова будут погибать русские офицеры и солдаты прямо в границах Российской Федерации, отброшенной в 1991 году в границы России середины XVII века..."

Это удивительное свидетельство и состав его художественный. Сама жизнь здесь предстаёт творцом событий в их осмысленной связи и последовательности. Логика повествования Пуликовского уже на этом этапе обретает художественный (то есть осмысленный, имеющий внутренние связи и логику) состав.

Конечно, центр тяжести этого эпизода сосредоточен в словах Алексея. О чём он говорит? О великой трагедии исчезновения с лица земли одной единственной человеческой жизни. Исчезает не одна жизнь, исчезает не один человек. Вместе с драгоценным прекрасным миром человека, единственном в своём роде миром – ведь душа неповторима (!), исчезает возможность жизни, возможность рождения в свет целых поколений (!). Это невозполнимая, невозполнимая ничем брешь Бытия.

Послевоенного поколения поэт Николай Дмитриев скажет (цитирую по памяти):

С отцом я вместе выполз, выжил,
в каких бы обитал мирах,
когда бы снайпер батьку выждал
в чехословацких клеверах.

Алексей об этой трагедии говорит, другими только словами, но этим существом события трагедии. У Алексея ещё и более, чем в поэтической строке, взят масштаб и невозможная невосполнимость потери.

И посмотрите, как "расположены" слова Алексея. Самой жизнью расположены, ведь Пуликовский не сочиняет, он о жизни говорит, рассказывает о жизни. Алексей говорит о трагедии гибели человека, это его личное открытие, понять – значит пережить. И мгновенно (в тексте) собственная его гибель. Так же как и в Великой войне – гибель за Отечество. "За нашу великую Родину", – уточнит отец солдата, генерал Пуликовский.

Попробуйте поставить "великую Родину" в другой контекст – почти неизбежно в словах зазвучит фальшь. Но только не в этом рассказе, здесь всё на месте. И ещё – трагедия гибели человека, и вместе с ним целых поколений, только что осознанная читателем вот этим определением – великая Родина, вдруг выравнивается в масштабах. Одно стоит другого! Гибель за Родину не напрасна. В ней есть высший смысл. Эта гибель, во всей её трагичности, оправдана.

И тут же парадокс: "великая Родина" и "Российской Федерации, отброшенной в 1991 году в границы России середины XVII века...". Как же совместить? Надо не совместить, надо понять, что говорит Пуликовский: Родина, для нас – это Россия, всегда больше любых её общественных институтов и государственной власти в том числе.

В какой "месте" можем мы заподозрить человека, который мыслит такими категориями и так мыслит. Месть – это другое измерение, другой масштаб мирозерцания. Возмездие – да, это масштаб тот самый, сопоставимый.

Но по силам ли человеку, одной (пусть нескольким в совокупности) человеческой воле, уму, характеру, по силам ли осуществление Возмездия именно?

Оставляем этот вопрос и запоминаем его.

Жизнеутверждающий состав повести генерала, здесь же – в первой главе, рассказ о встрече с многочисленной роднёй в Приморском крае, встрече с племянником:

"Вдруг открывается дверь, и входит второй Мишкин сын, Сергей. Он зашёл, а мы с Верой Ивановной обмерли. Показалось нам, словно Алёшка наш, погибший в Чечне, вошёл в комнату. Волосы, лицо, брови – всё Алёшкино... А когда я с ним обнялся, вдохнул запах его волос, то и вовсе растрогался.

Запах был тот же – сына моего!"

Иди-ка, сочини вот так! – это к вопросу о художестве и документе. Сила текста Пуликовского – это художественная сила, и правда жизни вдруг проступает как художественная правда. Как "мастерство" автора, когда бы это была не запись жизни. И мастерство такого уровня, что разве Льву Николаевичу Толстому было бы по силам. Понятно, что слова здесь не совсем те, но чувства-то те! "Запах тот же" – это "золотая" (бесценная, точнее) деталь правды, но правды не сочинённой, не придуманной, а действительной.

И здесь не нота, здесь гимн Пасхальный звучит, гимн торжеству Жизни над смертью.

И так созидается художественная правда документального повествования (но! не повествования же – жизни самой!). Что сказано в содержании этого эпизода? Сказана великая правда жизни: Жизнь всегда больше смерти. Всегда – здесь нет вариантов. Да, Алексея не вернуть, но даже и он продолжается в мире земном, это очень сложно понять, почувствовать надо, но это так. Жизнь всегда больше смерти, это надо твёрдо помнить читателю молодому, да и любому живущему на земле человеку.

Возненавидеть "четвёрки"... Согласование судьбы со свободой человека – уму недоступно (продолжаем чтение первой главы).

Да... так созидается художественная правда... а как созидается жизненная правда? Как созидается судьба человека? И ведь удивительно! – есть, есть какое-то высшее и подлинное художество в каждой человеческой судьбе.

В судьбе Пуликовского – это художество обострённо, подчёркнуто, словно...

Пуликовский – потомственный военный. Вроде бы и путь у него один – Служение Отечеству. Но Отечеству можно служить и выбрав мирную профессию.

И юный Пуликовский именно это пытается сделать. Пытается выстроить свою судьбу по личным лекалам. И что? "...пришёл к некой крамольной мысли для потомственной семьи офицеров и решил попробовать себя в электронике. Но хотелось, конечно, стать и хирургом, и космонавтом. Поступал в

Зеленограде в Московский институт электронной техники. Однако не добрал один балл, троек не было, у меня их вообще никогда не было. И, тем не менее, одного балла не хватило. Быть может, в те дни, когда, конечно же, переживал, я возненавидел четвёрки так же, как некоторые относятся к тройкам, что и позволило наверняка мне в последующем окончить танковое училище и две академии с золотыми медалями" (Пуликовский, конец цитаты).

Здесь прямо целый узел жизненных уроков и смыслов. Выбор института или рабочей профессии... вообще любой выбор, любой деятельности после окончания школы для человека – это судьбоносный выбор, выбор, который определит твою дальнейшую жизнь. Выбор пути после школы – это определение всей будущей жизни. Важнейшая точка судьбы. И в этом выборе нельзя ошибиться, надо хотя бы понимать важность этого момента в судьбе. И если судьба поправляет тебя в твоём выборе, то можешь или настоять на своём, или пойти по линии судьбы. Пуликовский вроде бы не выбирает – он идёт по судьбе. Но как идёт! Он возненавидел четвёрки!

Секрет жизненного успеха или даже формула жизненного успеха от Пуликовского. Вот почему и говорю, задача наша довести до юношества книгу (рассказ о жизни) Пуликовского, помочь раскрыть содержание – это будет содержание жизни: возненавидь тройки сначала, потом четвёрки возненавидь. Это поможет тебе максимально реализоваться в той сфере (подняться там), где поставила тебя судьба... Или в той сфере, которую, вроде бы вопреки судьбе, ты сам себе выберешь.

Ещё интересно: здесь же рядом с ненавистью к четвёркам по другому совсем поводу о сокурсниках по танковому училищу:

"Четыре года в училище: служба тяжёлая, зато друзья, мужская дружба – были настоящими. Да мы и сейчас встречаемся с сокурсниками, помогаем друг другу. Собираемся на день танкиста в Москве. На чины не смотрим (мало кто дослужился до генеральского звания)".

"Мало кто дослужился" – здесь не только судьба, но и личный выбор: "возненавидеть четвёрки".

И ещё непоступление в институт. А если бы поступление, то тогда возмездие как награда, по заслугам именно – троек ведь не было. Но нет, непоступление. Тоже украденное возмездие?.. В какой-то мере так. Пуликовский и сам разъясняет: "Судьбе было угодно не разрывать военную династию".

Судьбе... а судьба – Суд Божий... А суд по Далю – Суд Божий, рок, судьба; женитьба; поединок, испытание огнём и пр. (...) Участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения; что суждено, чему суждено сбыться или быть. Согласование судьбы со свободой человека уму недоступно. Не судьба крестьянскому сыну калачи есть. Всякая судьба сбывается ("судб" и "сбуд" – перестановка букв). Всякому своя судьба. Не привела меня судьба в те места. Судьба руки свяжет. От судьбы не уйдёшь. Такая судьба, судьбина его, так ему суждено. Судьба моя, судьба, судьбинушка злая песня. Детинка не без судьбинки.

И ещё отметим: "И зачем было судьбе кинуть меня..." (Лермонтов, "Тамань"). И "судьбе было угодно" (Пуликовский)... Дословная переключка двух голосов – документ и художество...

Мы приняли друг друга такими, какими были, как приняли и окружающий мир (читаем вторую главу "Боевая подруга, дорогая моя Вера Ивановна")

Отметим интересный момент. Пуликовский рассказывает свою воинскую биографию последовательно, по порядку событий. Но вот особенность. Центр тяжести первой главы – Сын генерала Алексей. Центр тяжести главы второй – супруга генерала, но это ведь он сейчас генерал, а выбор свой жизненный Вера Ивановна сделала, глядя не на лейтенанта ещё даже, а на курсанта военного училища.

И опять на заметку молодому читателю, рецепт важнейшего состава жизни: "Неустроенный быт гарнизонов, полное отсутствие культурного досуга... Многие семьи распались, но наша – выстояла. Ни разу мы не впали в уныние, никогда не страдали от безысходности и отчаяния. И теперь Вера Ивановна говорит, что самое главное – это то, что мы приняли друг друга такими, какими были, как приняли и окружающий мир".

Это ведь не сочинённое, это в прямых формулировках – один из секретов человеческого счастья, счастье двух сердец. Не бытовым комфорт укрепляет семью, а доверие друг к другу, взаимопонимание. Как по православному так это: носите тяготы друг друга. Да, но будущий генерал тяготы воинской службы нёс, и ему того хватало, а вот супруга две тяготы несла и всей семьи заботы и труд мужа сердцем разделяла, поддерживала.

Недаром и завершена глава честным признанием: "Да, позади трудные годы. И перелистать даже первые страницы своих воспоминаний о былом даётся порой ох как нелегко. Но любая половина моих больших генеральских звёзд – её".

В этой же главе и первое "генеральство" Пуликовского – воинское звание: генерал-майор.

"В 39 лет мне было присвоено звание генерал-майора. Всего-то за 17 лет – от лейтенанта до генерала. Отметить это нам в те дни так и не удалось". Болезнь и смерть мамы Веры Ивановны тому причиной".

Обратим внимание, возмездие, как награда по заслугам – воинское звание и "отметить не удалось". Вновь "украденное возмездие"? Жизнь – "судьбе было угодно", как бы уравнивает радости и горести?

Очень сложный до сих пор вопрос... (глава 16, "Живая кровь")

Пуликовский пишет правду. Правду пишет о том, как достались ему и перестройка, будь она неладна (глава 3, "Перестройка... Будь она неладна!"), и Краснодар неласковый (глава 4, "Неласковый Краснодар"), и Чечня (глава 8, "Кровавые половинчатые решения"). Пишет правду "Об офицерах и шаркунах" (так называется глава 9). Пишет правду о 131-й Майкопской бригаде (глава 11, "Моя правда о 131-й героической бригаде"). Пишет правду о войне и жизни. "Хочу подчеркнуть, в настоящем повествовании говорю лишь о том, что видел лично и участником чего был сам" (глава 8). И именно потому, что он честен, правда Пуликовского преодолевает границы судьбы отдельного человека, личные границы, становится правдой о жизни Страны, о времени и о вечном, вневременном в человеческой жизни.

И только к шестнадцатой главе своего повествования, к главе, когда и жизнь и война, и мир и смерть, и обретения и потери человеческой судьбы развернуты перед глазами читателя, Пуликовский подходит к главному вопросу и своей личной, и каждой человеческой жизни.

"Верю ли я в Бога?" – спрашивает Пуликовский. Здесь центр тяжести всей его повести; здесь "украденность" возмездий – и наград по заслугам, и по заслугам наказаний. И в этом вопросе – ответ: невозможность эти самые возмездия украсть. Это вне власти человека. Кто предлагает Возмездия человеческой судьбы, Тот им, возмездиям, и Хозяин.

И Возмездие... на самом деле – одно и единственное. На каждую судьбу человека – одно, своё, лишь тебе назначенное Возмездие (и награда, и ответ – по Далю).

Человек в эту сферу вмешаться не может. Человек может либо принять свою судьбу, либо жить во внутреннем противоречии между своим внутренним существом и внешними обстоятельствами жизни.

Пуликовский принимает. И удивительное совпадение документально подтвержденной судьбы со Святоотеческим Илиотропионом (о согласовании воли человека с Волей Божией) митрополита Иоанна (Максимовича). Именно поэтому я в первую очередь обращаюсь с моим удивлением повестью Пуликовского к молодому читателю.

Дело здесь не в том, что – "юноше, обдумывающему житьё, решающему, делать жизнь с кого..." (В. Маяковский)... Нет. Делать жизнь надо не с кого-то. Человек неповторим. Каждая личность – исключительна. У каждого человека свой дар, талант и своя ответственность перед Богом, за то, чтобы не зарывать талант в землю. Так говорит Святоотеческое наследие. Так вторит Святоотеческому русская литература (рассказ, своего рода духовное завещание, Ивана Бунина "Бернар", 1952).

Так раскрывается перед нами повесть Пуликовского. Повесть Пуликовского – это опыт русской жизни.

Не худо было бы молодому читателю прочесть и понять этот опыт. Получится ли? Не знаю.

Мы, русские, не умеем учитывать опыт своего рода, народа, просто жизненный опыт. Мы не умеем принять, не умеем учиться на чужих ошибках. Только собственный разбитый лоб обогащает нас опытом. Разбитый лоб – не беда. Но, открывая заново уже обретенное предыдущими поколениями знание, можно не только лоб разбить, но и голову потерять.

Сколько русских голов потеряли мы на этом не то чтобы даже неумении, а нежелании учиться...

Я сам это хорошо, собственным не выученным, а лбом проверенным опытом, понимаю.

Поэтому и поражен правдой жизни Пуликовского, поэтому и кладу сейчас силы, поэтому и к молодому, в первую очередь, читателю обращаюсь.

"Верю ли я в Бога?" – задайте себе этот вопрос сейчас. Этот вопрос, стоивший генералу Пуликовскому и жизни и смерти, и войны и мира.

Сейчас спросите себя: "Верю ли я в Бога?" И честно попытайтесь себе ответить.

А ответ Пуликовского честен. Вчитайтесь:

"Верю ли я в Бога? Очень сложный до сих пор вопрос... Честно скажу: никогда в прежние годы я и не пытался хоть как-то повернуться к Нему. Хотя моя бабушка была глубоко верующей. Отец был крещёным, а мать – нет. И я не был крещён. Рос в офицерской семье, и то, что бабушка была такой верующей и меня маленького постоянно брала с собой в церковь, мне не нравилось. Первый раз я повернулся к Богу только тогда, когда пошёл на войну. А когда увидел эту кровь, трупы в грязи, в перемешанном в кашу чёрном снегу – бандитов, наших солдат, гражданских людей, женщин, детей... Не поймёшь сразу, кто лежит в этой грязной жиже, и не дай Бог кому-то это видеть. Особенно, если тело погибшего пробито ножичковыми осколками – из него всё бежит, всё вытекает. Это страшно..." (конец цитаты).

"Очень сложный до сих пор вопрос...". Здесь максимум правды.

И далее в своей повести Пуликовский раскрывает в двух главах, "Живая кровь" и "Алёша", всю сложность вопроса, ответа, выбора, воли, судьбы... Я даже слово не могу подобрать, сложность *чего* свидетельствует Пуликовский живой кровью своего русского, отцовского, солдатского сердца..

И вновь правда Пуликовского совпадает с Божией правдой о человеке, с православным святоотеческим совпадает. Новомученик Илларион (Троицкий) и его работа "Христианства нет без Церкви" говорит о том, что нет и быть не может Веры в Бога без разделения – без участия человека в Таинствах Православной Церкви.

И Пуликовский в попытке ответить на сложный свой вопрос говорит о своём пути в Церковь.

Для него этим путем стал Свято-Ильинский храм Краснодара. И путеводителем – батюшка отец Николай (Щербаков), в миру – майор запаса, бывший летчик.

Жизненная правда Пуликовского – он возвращается с войны... Возвращается, внимание: не в мирную жизнь возвращается, а возвращается в мир, который о войне ничего не знает и знать не хочет. Вот где правда и серьёзнейший момент – свидетельство неправильности устройства нашей жизни, жизни нашего общества.

Отдельный рассказ о том, как он возвращается. Вылететь из Чечни в Краснодар невозможно. Идёт транспортный самолёт до Ростова. И Пуликовский договаривается с лётчиком, что тот зайдёт на посадку в Краснодаре и тут же, *выгрузив* Пуликовского с адъютантом через *грузовой* люк, уйдёт на взлёт.

Читая, я подумал: вот поэтому нас, русских, и невозможно победить.

Но мы сами побеждаем себя, сами рушим своё внутреннее тем, в том числе, что принимаем ложь о нашей внешней жизни и живём ложью как правдой. А это – подспудная работа разрушения человеческого внутреннего мира.

Вот что говорит об этом Пуликовский. Точнее он не об этом говорит, вообще не об этом, он свидетельствует. Но он говорит правду. И вот что из этой правды следует:

"Едем, и я не пойму, где нахожусь. В Краснодаре всё цветёт, музыка играет, женщины ходят красивые. И такое ощущение, что нет нигде никакой войны. Мы полгода провели в крови, в грязи, там бойня настоящая. А тут жизнь, оказывается, есть, идёт своим ходом. И от контраста такого у меня даже в голове помутнело. Не в себе я был в тот момент. В таком состоянии я и вернулся домой..." (конец цитаты).

А правда в том, что так быть не должно. Да, я понимаю, моё утверждение – это максимализм. Но если где-то гибнут сыны Отчизны лучшие, потому что гибнут всегда лучшие, то общество не может (может, но не должно!) жить, как ни в чём не бывало. Иначе гарантирован слом внутреннего мира человека, слом человеческой души.

Но – к храму... Для Пуликовского это путь к храму.

Война не отпускает генерала. Бессонные ночи, пустые рабочие дни в штабе корпуса. И однажды подчинённому вручен орден, по офицерской традиции "обмыли", Пуликовский возвращается домой, и вдруг вместо дома в десять часов вечера уже заходит в православный храм, Свято-Ильинский.

"...заходит отец Николай. Очень симпатичный мужчина, представительный, с красивой бородкой. Спрашивает: "Ваше высокопревосходительство, что вас сюда привело?". Смятение души, говорю, вот только несколько дней как с войны. Нахожусь в таком состоянии, что ничего не могу понять: там вой-

на, здесь мир, а я где-то посередине. Душа не на месте. Мне надо с кем-то поговорить. Жене не могу рассказать, потому что она ничего не поймёт. На работе – там вроде бы все военные, офицеры, генералы, но они не были на войне, и поэтому тоже вряд ли поймут. Это совершенно разная жизнь – там и здесь. Другой ритм, другое восприятие. Мне очень тяжело. "Идёмте, идёмте, – говорит и подводит к скамеечке в уголочке. – Садитесь, сейчас поговорим...". Я замялся, говорю, что мне как-то неудобно и прошу меня извинить. А он в ответ такой мягкой скороговоркой: "Сиди, сиди. Раз душа тебя привела сюда – сиди" (конец цитаты).

Душа привела. Научиться слушать свою душу – важнейший человеческий опыт!

Не умеем...

И у автора повести не получается... Исповедь спасла, стало легче... И он забывает о своём обещании креститься... Забывает... до следующего напоминания...

Здесь сейчас очень сложные смыслы... Сложнейший момент уже не Пуликовского, а моего повествования.

Что? Прими тогда Таинство Крещения генерал Пуликовский, и сын бы его, Алёша, остался жив?

Нет... Эти события соединены в судьбе Пуликовского, но соединены особой, не причинно-следственной, связью... Иным образом соединены...

"Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших". (Исаия, 55:8-9).

Промыслом Божиим о человеке соединены эти события.

И Владимир Иванович Даль вторит: (Суд Божий) – счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения; что суждено, чему суждено сбыться или быть. Согласование судьбы со свободой человека уму недоступно.

Мы к этой словарной статье Даля уже обращались, но не могли ещё тогда в полной мере осознать точность определений русского языка и точность... не точность, а сочетание русского языка, смысла русского слова со смыслом русской жизни. А сейчас, удивившись совпадениям судьбы Пуликовского, отметим "счастье" и "неминуемое в быту земном". В одном ряду смыслов. Но "неминуемое", в интонации, это не счастье – это испытание, какое-то, горе неминуемое...

И далее, важнейшее: "Согласование судьбы со свободой человека уму недоступно".

Уму не доступно...

Это не человека дело – понимать Божий Промысл... А рождение человека и уход человека из мира земного бытия – это Божия Воля, Божий Промысл. И суетно, и глупо даже искать причины рождения и смерти человека в видимом пространстве жизни. Здесь, в случае каждой человеческой судьбы – Тайна. И это не тайна человека, это Божия Тайна.

А в *видимом* пространстве земного мира русский солдат Алёша, сын генерала, в гибели своей за Отечество сопричтённый уже роду Пуликовских, там, в Небесных Обителях...

Поверим наше прочтение повести опытом русской литературы: "Шло уже отпевание, и лик этот, с его обострившимся носом, чёрной сквозящей бородой и такими же усами, под которыми блестели плоские слипшиеся губы, был уже могильно увенчан пёстрым бумажным венчиком. Я смотрел, думая: он похож теперь на древнего великого князя, он теперь навеки приобщён как бы к лику святых, к сонму всех праотцев и прашуров наших... Над ним уже пели: "Блаженны непорочнии, в путь ходящий в законе Господне"... (И.А. Бунин, "Жизнь Арсеньева").

Опыт совпадает. Алексей, приобщённый к сонму всех праотцев и прашуров рода Пуликовских, берёт своего отца за руку и ведёт к Таинству Крещения...

Так ли? Судите сами:

"Когда хоронили Алёшу, вспомнил я об отце Николае – священнике Свято-Ильинской церкви, и пригласил его отпевать сына. Он пришёл, исполнил обряд отпевания, но мне ни словом не напомнил о прежнем нашем разговоре. Потом, когда я его позвал на девять дней, на кладбище на панихиду, он тоже пришёл. На этот раз мы пригласили только узкий круг, родственников в основном, была Люба, Верина сестра, всего человек десять. Когда обряд закончился, отец Николай подошел ко мне и говорит: "Ваше Высокопревосходительство, Вы помните, что у меня так и не покрестились?". "Да, говорю, помню". А он продолжает: "Слава Богу, хоть Алёша крещённый, душа его будет принята. Дай Бог, чтобы ничего больше плохого не случилось. Едем креститься прямо сейчас, немедленно! (...) Так я и покрестился. Случилось это 25 декабря 1995 года. Должен сказать, крещение принесло душевное ус-

покое... " (глава 17, "Алёша"), – скупое свидетельство генерал Пуликовский, завершая эту, кровью солдатского отцовского сердца выведенную буквами главу повести "Алёша"...

Земное и Небесное...

Больно мне, по-человечески больно продолжать сопереживание судьбе генерала Пуликовского... Правильно он пишет: "живая кровь". Это не литературные герои, это – живая кровь. И тем достовернее. Но тем и Не допустимо, чтобы повесть судьбы генерала оставалась не прочтенной, не учтенной молодым поколением России, а уж для молодёжи Краснодарского края, что и говорить! Можно ведь – и необходимо! – включить повесть Пуликовского в дополнительную школьную региональную учебную программу. Можно встречаться и беседовать с автором в школах, вузах, библиотеках...

Можно, но надо понять опыт, жизненный опыт Пуликовского, надо помочь учителям, библиотекарям поставить вехи что ли, прочтения повести...

Поэтому и пишу, поэтому продолжаю...

Как понять, как объяснить удивительные совпадения в судьбе генерала?

"В 39 лет мне было присвоено звание генерал-майора. Всего-то за 17 лет – от лейтенанта до генерала. Отметить это нам в те дни так и не удалось. У Веры Ивановны в тот год умерла мама. Мы только переехали в Советск, а супруге сразу же пришлось уехать к маме в Пензенскую область: мама болела, и Вера Ивановна ухаживала за ней все последние дни её жизни".

Сознательно повторяю цитату. Первое, честно заслуженное генеральское звание и горькие обстоятельства жизни, не позволяющие в полную меру торжествовать и радоваться. Соединяющие, сочетающие – так что ли? – в судьбе генерала радость и печаль.

Второе генеральское звание и самое страшное сочетание не печали уже – горя, человеческого горя...

"Эта война оказалась для нас самым тяжёлым периодом в жизни. Ни один из эпизодов того времени практически не принёс радости. Наградили меня орденом Мужества. Указ был подписан 31 декабря 1994 года. Я знал, что награжден за участие в миротворческих событиях в Северной Осетии и Ингушетии – именно тогда меня представляли к награждению. Но получил-то я орден в самые трагические моменты штурма Грозного, когда и награждать-то было не за что: жестокие бои, большие потери. Поэтому от той награды на всю жизнь остался горький осадок в душе.

14 декабря 1995 года я получил звание генерал-лейтенанта – был указ. Меня специально вызвали в Краснодар, чтобы вручить новые погоны, дали краткосрочный отпуск. А мне в тот же день сообщают, что погиб Алёшка... с тех пор я и форму не могу носить, и погоны генерал-лейтенантские всё время мне напоминают, что когда мне их дали, погиб сын. И страшно было в те дни, просто невыносимо. Отовсюду звонили, поздравляли: не все знали, что Алёшка погиб, но всем было известно, что указ о присвоении нового звания подписан. Жена тоже ничего не знала. Бегают на каждый звонок, гостей встречают: "Что, Костю пришли поздравлять? Заходите, садитесь, давайте шампанского...". А люди, кто уже знал, потопчутся в дверях, помолчат и уйдут. И я не мог никак ей сказать об этом" (конец цитаты).

Нелепый и неуместный орден, но ведь заслуженная награда, по заслугам награда и совсем не вовремя...

Это сам автор Пуликовский соединяет в тексте: неуместный по времени вручения орден и заслуженное, вытуженное, но ещё более не вовремя полученное генеральское звание.

То есть мы сейчас, читая, не досочиняем, не придумываем, мы идём по тексту человеческой судьбы вместе с автором и просто раскрываем смыслы не столько текста даже, сколько бытия земного, жизни человека на земле. Эти смыслы и сам автор мог не замечать, не видеть... Ведь его повесть – это не художество, а документ. Главная ответственность документа – свидетельствовать правду.

Правда звучит здесь сквозь боль, которая застит и сердце, и душу, звучит в этом трагическом сочетании жизни (звание) и смерти – гибель сына... Звучит не просто как правда жизни, звучит как Правда человеческого Бытия, звучит в полную силу.

Вновь вспомним "Жизнь Арсеньева" Ивана Бунина. Вспомним потому, что Бунин в этой книге вывел русскую литературу на те высоты, с которых правда ежедневного человеческого русского быта открывается как правда бытия человека на земле.

"К вечеру Великой субботы дом наш светился предельной чистотой, как внутренней, так и внешней, благодатной и счастливой, тихо ждущей в своём благообразии великого Христова праздника. И вот праздник наконец наступал, – ночью с Субботы на Воскресенье в мире совершался некий дивный перелом, Христос побеждал смерть и торжествовал над нею. К заутрене нас не возили, но всё же мы просыпались с чувством этого благодетельного перелома, так что, казалось бы, дальше не должно было быть места никакой печали. Однако она даже и тут была, даже в Пасхе. Вечером в тихих и розовых весенних полях слышалось отдалённое, но всё приближавшееся и всё повторявшееся с радостной настойчивостью: "Христос Воскресе из мертвых" – и через некоторое время показывались "Христоносцы", молодые мужики без шапок и в белых подпоясках, высоко нёсшие огромный крест, и девки в белых платках, – эти несли в чистых полотенцах церковные иконы. Все шли с торжествующим пением, входили во двор и, дойдя до крыльца, радостно и взволнованно, с сознанием чести честью завершённого дела, замолкали, затем братски, как равные с равными, целовались со всеми нами мягкими и тёплыми, очень приятными молодыми губами и осторожно вносили крест и иконы в дом, в зал, где в тонком полусвете весенней зари мерцала в главном углу лампадка, и ставили иконы на сдвинутые под лампадку столы, на новые красивые скатерти, а крест в меру с рожью. Как прекрасно было всё это! Но, увы, было и грустно и жутко немного. Всё было хорошо, успокоительно, лампадка в весеннем чуть зеленеющем сумраке горела так нежно, миротворно. А всё-таки было во всём этом и что-то церковное, Божественное и потому опять соединённое с чувством смерти, печали. И не раз видел я, с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами..." (Бунин, "Жизнь Арсеньева", конец цитаты).

"Казалось бы, дальше не должно было быть места никакой печали. Однако она даже и тут была, даже в Пасхе". Здесь ключ к повести и судьбе генерала Пуликовского, к русской судьбе, к смыслу русской жизни – Земное всегда побеждается Небесным...

Но!.. Важнейший момент, важнейший!.. В личной судьбе Земное всегда побеждается Небесным, но победа зависит от нашего личного выбора; выбора того, на какую сторону мы сами встанем – земную или небесную...

И второе, нет победы без боли... День Победы – самый верный тому свидетель. Можно и не знать, что 9 мая 1945 года пришлось на Дни Пасхальной Светлой Седмицы, но каждый год этот День осеняет душу человеческую Пасхальным сочетанием печали и радости; неразрывными печалью и радостью... Прислушайтесь к своей душе в этот День. Это Русская Пасха – душа человеческая знает об этом.

Пасха Воскресение Христово... Христос Воскрес! Победил смерть... Но невозможно не помнить о том, что накануне Воскресения была страшная Страстная Седмица, вместившая в Себя и Предательство, и Взятие под стражу, и Неправедный суд, и Бичевание, и Несение Креста, и Распятие... И... смерть... Смерть Бога... Какая пропасть здесь. А потом – да... Победа над смертью. Но может ли душа не знать о цене, заплаченной за победу...

Именно это чувство цены и горчит в радости... И Пасха – да!, но и Русский День Победы тому свидетель.

Свидетель тому и генерал Пуликовский, просто и честно рассказывающий правду о своей жизни, о своей судьбе...

Звания, награды, Возмездия даже (!) – всё это Земное; уход человека из мира земного бытия – это Небесное.

Но "ухода" нет. Смерти – нет. Будь смерть всевластна, *кто* бы тогда взял генерала Пуликовского за руку и привёл в Православный храм ко Крещению?

Судьба словно смиряет Пуликовского, не даёт ему торжествовать и радоваться о земном, всегда трезвит генерала напоминанием о Небесном.

Ведь и награды, и звания он получает заслуженно. И в этом тоже судьба. А вот отметить, даже и просто порадоваться земному успеху, не получается в силу обстоятельств той же судьбы.

И Пасхальная нота, и гимн, даже Пасхальный, они не в том, что совпадает вручение заслуженных наград и невозможность гордиться наградами и званиями.

Нет. Пасхальный гимн, сочетание печали и радости в том, что радость родителей воспитать и вырастить такого сына, каким был Алексей Пуликовский, и горе родителей о его безвременном уходе из мира земного бытия.

И "украденность" главного возмездия, "Кольцо Пуликовского" (разработать такую операцию – честь; запрет на её выполнение – трагедия), она здесь, в этой Пасхальной Логике.

Объяснить я эту Логiku не умею – "уму недоступно" (Даль).

Но видеть и знать, пытаться понять и прочесть, насколько это возможно, Логiku устройства и осуществления человеческой жизни, судьбы важно и необходимо.

Важно понимать – во всем есть смысл. Есть смысл и в радостях, и в горестях, и в победах, и в поражениях, и... даже в украденных возмездиях – есть смысл.

Как есть и смысл в тех Возмездиях, которые украсть невозможно (!) Возможно было бы "украсть" и эти возмездия, да Пуликовский (в случае своей жизни) не позволил там, где была возможность и где лишь от него зависело.

Вытуженное Возмездие... награда, которую "украсть" не получилось...

Здесь просто цитата из повести, она красноречивее (нет, не точно), убедительнее любых рассуждений:

"Взять того же полковника Ивана Савина – командира Майкопской бригады. Я рассказывал о нём, но повторяюсь. Он героически погиб, и его посмертно представили к званию Героя России. Но указа не последовало: погибшего комбрига обвинили в неоправданно больших потерях. Причём наша пресса хорошо постаралась-поспособствовала. Да, бригада понесла большие потери, и сам комбриг сложил свою голову. Но именно последний бой офицера Ивана Савина позволил другим армейским частям с меньшими потерями войти в Грозный и занять его. Ивана обвинили в том, что он плохо воевал, и задержали представление к награде. Пришлось мне десять лет доказывать, что он и его бригада совершили по-настоящему героический подвиг. Поднимал все приказы, другие материалы. И в 2005 году, когда я обратился с просьбой к самому президенту Владимиру Владимировичу Путину, комиссия провела расследование. Мы представили все документы, только после этого, наконец, признали, что полковник Иван Савин действительно воевал героически. Правда восторжествовала!" (Пуликовский, глава 21, "Медалью ордена...", конец цитаты).

Десять лет Пуликовский добивается заслуженного возмездия (Награды) для Ивана Савина, доходит до Президента РФ и – "Правда восторжествовала!". Это – рукотворное торжество и рукотворное возмездие. И это опыт жизни – иди до конца, чтобы Правда восторжествовала. Правда не всегда торжествует. Но ты иди до конца. "Лично мне, уже в ранге полномочного представителя Президента в Дальневосточном Федеральном округе, было поручено вручить супруге погибшего комбрига Ивана Савина и его дочери звезду Героя России» (глава 11, "Моя правда о 131-й героической бригаде").

Так месть или возмездие? Возмездие...

Мсть – это ненависть... Возмездие – это миссия... Возмездие – вне личных эмоций...

В Чечне со стороны России было вооружённое противостояние с бандформированиями, захватившими саму систему государственного управления, но не с чеченской культурой, не с национальным языком, не с традиционной верой чеченского народа.

То есть, главные ценности каждого народа – вера, язык, культура, оставались неприкосновенны. Вот свидетельство Пуликовского:

"Народ всегда достоин самого глубокого уважения. И потому приказываю – сам выдвигаюсь на место".

Это рассказ генерала о том, как ему сообщили, "что в местечке Саясан среди паломников прячутся отчаянные головорезы" (глава 19, "Мы все хотели мира").

И "Если бы мы "купились" на ложную, как затем стало ясно, информацию, и нанесли бы огневой удар по Саясану, я бы потом никогда себе этого не простил. Мы бы уничтожили небольшую, но древнюю, быть может, самую почитаемую мечеть в Чечне, мавзолей сына пророка Магомеда, старинное кладбище и десятки ни в чем не повинных людей... Можно только представить себе тот взрыв негодования среди местных жителей и их единомышленников по всему миру, который непременно последовал бы за этим, в общем-то, вполне очевидным решением в условиях войны".

Пуликовский лично проверяет информацию. Здесь и ответ о возмездии. Будь сердце генерала в затмении мести, не только мести за сына, но и за Отечество, и за поруганную армию, то он мог вполне принять это "в общем-то, вполне очевидное решение в условиях войны".

Нет, и за Сына, и за Армию, и за Отечество полагается Возмездие, миссия, а не месть.

Мечь вообще противна (в смысле противоположности) русскому сердцу, русскому мирозерцанию.

"Саясан – место действительно необычное. Оно навевало серьезные мысли, ответы на которые приходили самые неожиданные. Почему мой Алексей пошёл служить офицером? Да потому, что на нашей общей родине нас воспитывали патриотами, в духе любви к великой Отчизне, которая создала и сеяла разумное, доброе, вечное... в истории человечества нет другого такого примера, когда бы метрополия вкладывала в колонии значительно больше средств, нежели в собственную экономику. Поднимала культуру целых народов на европейский уровень. Стало быть, дружба народов была не показушная, а реальная! И страна была единая. Но кто-то сказал, что наша цивилизация пока не придумала никакой защиты от предательства..." (глава 19, "Мы все хотели мира").

Отметим, повторим: "Народ всегда достоин самого глубокого уважения".

Пуликовский говорит: "я советский генерал". Это уже после перестройки, в ответе на вопрос не в "новой Туркмении" ли получал он высокое звание. Советское звание, звание настоящее, заслуженное, вытравленное.

Но я читаю повесть Пуликовского и спрашиваю себя – это записки советского генерала или генерала русского?

И вот ведь – это записки советского русского генерала. Потому что кроме Без-Божия нет никакого (принципиального) различия в мирозерцании меж "русским" и "советским", таким, как оно сложилось в годы до и после Великой Отечественной Войны; да, а в конце семидесятых годов двадцатого века произошла деформация русского в советском...

А Пуликовский личное своё Без-Божие преодолевает трудом – трудно преодолевает. Преодолевает невозможностью совместить в своей душе войну, которая всё ещё жива в нём, и мир, который вокруг него.

И насколько важно. Бабушка водила в церковь, и будущему генералу это не нравилось, и по-детски, и по-советски, в том числе, не нравилось. Но зато, когда он дождался до неразрешимых вопросов своей души, он знал, куда надо идти. Благодаря бабушке знал, куда надо идти. В Церковь, Бабушкиной тропкой...

Православная Церковь позволяет Пуликовскому совместить, умирить в душе человеческой эти непримиримые явления – войну и мир. Также, как умирят Православие-Церковь в сердце человека непримиримые в обычных бытовых измерениях Распятие Христа и Воскресение Христа.

Обретать опыт

В повести генерала Пуликовского ещё много и много смыслов русской жизни, много и много опыта русской жизни... Повесть надо читать молодому человеку, в первую очередь надо читать... Да, это нелёгкое чтение: всё-таки документ – не художество... а зато – правда жизни... Поэтому читать и, может быть, не соглашаться с автором этих замет и с автором повести – не соглашаться... Пусть и не соглашаться, но обретать опыт, опыт жизни...

Алексей Смоленцев,
Республика Марий Эл

ВДОХНОВЛЁННЫЕ СТЕПНЫМ РАЗДОЛЬЕМ

Новопокровский район всегда славился своими творческими людьми. С чем это связано, трудно сказать: то ли с особенностями удивительной, своеобразной природы бескрайних северных кубанских степей, то ли с особой любовью местных жителей к литературе, музыке, живописи, но на нашей земле и в дореволюционные годы, и в советское время всегда были художники, музыканты, писатели, поэты. Особенно славится наша благодатная Земля своими литераторами.

У нас родились и жили писатели Гавриил Алексеевич Солодухин, Николай Емельянович Заев, Иван Афанасьевич Зубенко, Светлана Николаевна Макарова-Гриценко. В Новопокровской прошло детство известного советского писателя Аркадия Алексеевича Первенцева. В эту станицу приезжал в детские годы с отцом и матерью наиболее значимый поэт XX века Владимир Владимирович Маяковский. Его мама была двоюродной сестрой Любови Андреевны Первенцевой (матери А.А. Первенцева) и племянницей псаломщика Николаевской церкви Андрея Никоноровича Афанасьева. В семье Афанасьевых (их дом теперь занимает историко-литературный музей имени А.А.Первенцева) и гостиwali с большим удовольствием Маяковские. Володя бегал со станичными парнишками по новопокровским улицам, купался в Ее, лакомился его любимыми вишнями в саду Андрея Никоноровича. И, может быть, именно здесь проснулась в нём казачья сила духа.

В хуторе Новоивановский (с 1912 года станица Новоивановская) в конце XIX века (1898 год) работал писарем кубанский кобзарь Александр Ефимович Пивень и писал удивительные стихи, наполненные неповторимым кубанским колоритом.

События, происходящие в станицах и хуторах, расположенных теперь на территории нашего района, описали в своих знаменитых произведениях Фёдор Иванович Елисеев, Роман Борисович Гуль, Фёдор Андреевич Щербина, Антон Иванович Деникин, Семён Михайлович Будённый, Ока Иванович Городовиков, Гавриил Иванович Мазаев, Георгий Георгиевич Степанов, Василий Алексеевич Попов. Станицу Новопокровскую в "Тихом Доне" упоминал лауреат нобелевской премии Михаил Александрович Шолохов.

Книги известных писателей дают ценный материал для изучения важных исторических событий, быта и нрава, обычаев и традиций предков. Их произведения – важная основа для патриотического воспитания молодёжи, для возвращения общества к родным истокам. Потому и неудивительно, что писатели эти по-прежнему востребованы читателями, что снова возрождается интерес к их творчеству, жизни.

У местных жителей всегда были популярны произведения Аркадия Алексеевича Первенцева. В пятидесятые-шестидесятые годы мои ровесники зачитывались "Кочубеем". Почти в каждом доме была эта книга. У нас в семье сохранился томик "Кочубея", изданный в 1965 году Краснодарским книжным издательством. Эту искреннюю книгу о трагических событиях гражданской войны и о знаменитом на Кубани казаке Иване Антоновиче Кочубее читал я, потом мои дети, а сейчас – внуки. Ей уже больше полувека, но она в хорошем состоянии. Я уверен, что и последующие поколения нашей семьи с удовольствием прочтут произведение о доблести казачьей, о романтике борьбы за новый призрачный, но манящий революционным пафосом мир.

Аркадий Первенцев и его жена Вера

Большую лепту в пропаганду произведений этого писателя внесли работники библиотек, исследователь, литературовед О.А. Штратникова. Ольга Алексеевна была знакома с Аркадием Алексеевичем. Она сподвигнула районное руководство на создание музея этого писателя в доме, где прошло его

детство. В музее теперь хранится много документов, книг и личных вещей, подаренных писателем Ольге Алексеевне. На протяжении сорока лет она собирает материалы о творчестве Аркадия Алексеевича, регулярно публикует статьи о нём. Ею подготовлена и издана замечательная монография о творчестве Аркадия Алексеевича Первенцева.

Большим открытием для местных жителей стали наши публикации о жизни и деятельности знаменитого земляка, писателя-эмигранта Гавриила Алексеевича Солодухина (*на фото изображён молодой казак Г.А. Солодухин – ред.*). Он родился в 1900 году в станице Ильинской. В 10 лет остался без отца. Из-за бедности семьи рано бросил обучение и не смог попасть в казачьи кавалерийские войска (у матери не хватило средств для покупки коня), а стал пластуном. Отслужив службу, пройдя через горнило первой мировой войны, Гавриил вернулся в родную станицу, где его любимый дядя возглавлял большевистский Совет. Дядя попытался его привлечь на свою сторону, и он вначале согласился. Но вскоре ушёл к белогвардейцам. После их разгрома начались скитания казака по Европе и Америке. Он даже снимался в Голливуде. Прожив долгие годы на чужбине, Гавриил Алексеевич всегда надеялся увидеть родную землю, грезил ею. Под влиянием ностальгии и постоянных дум о прожитых годах Гавриил Алексеевич начал писать своеобразную, достоверную, полную событий и тревог летопись жизни кубанского казака. В этой замечательной книге он запечатлел также быт и нравы жителей Ильинской, богатейшую

природу, неповторимую красоту степных просторов. Закончив свой труд, он показал рукопись своему знаменитому земляку из станицы Кавказской, казачьему полковнику и писателю Фёдору Ивановичу Елисееву. Фёдор Иванович высоко оценил книгу своего друга и единомышленника, исправил грамматические ошибки, но сохранил великолепный, неповторимый стиль автора. И его первая и единственная книга "Жизнь и судьба одного казака" после издания, благодаря удивительно красивому русскому языку, мастерству бытописания, искренности автора быстро завоевала популярность в среде русских эмигрантов и принесла славу нашему земляку. В России её впервые начал публиковать журнал "Кубань" в 1991 году – через 21 год после смерти Гавриила Алексеевича Солодухина.

Несмотря на известность этого самобытного и признанного писателя, мы с трудом собираем материалы о его жизни и творчестве. Удалось найти лишь первые публикации, книги, изданные в России, несколько фотографий. А в 2015 году в станице Ильинской обнаружили дом, в котором в детстве и юности подолгу бывал и даже жил Гавриил Солодухин. Он неплохо сохранился, несмотря на то, что ему уже более ста лет. В Кавказском районе отыскали его внучку Галину Борисовну Костину, которая рассказала о переписке с писателем, о его заботе об их семье. Мама Г.Б. Костиной Мария Ивановна была дочерью брата Гавриила Алексеевича – Ивана Алексеевича. Мы продолжили поиски информации об этом самобытном бытописателе казачьих традиций, судьбе казаков, расставшихся с родной землёй после братоубийственной гражданской войны.

На основании этого нами были опубликованы несколько публикаций о творчестве писателя. Мы надеемся, что на них обратят внимание дальние родственники Солодухина, которые, без сомнения, есть в Ильинской, а, возможно, и в других населённых пунктах Кубани.

В последние годы в Новопокровском районе и на Кубани начали проявлять большой интерес к изучению творческого наследия советского писателя Ивана Афанасьевича Зубенко. О нём опубликовано немало статей. Мы с председателем районной организации "Ветераны Комсомола Кубани" Юрием Михайловичем Тихомировым много раз ездили в станицу Плоскую, где он родился в 1937 году. Побывали в школе, в местной библиотеке, встретились с людьми, которые знали его мать и отца, и самого писателя. Но собрали тогда о нём, к сожалению, совсем немного сведений. А фотографию отца Ивана Афанасьевича пришлось переснять с могилы на местном кладбище. Позже мне привезли копию фотографии хаты, где жили писатель, его брат и мама, воспоминания о нём земляков.

У Ивана Афанасьевича было трудное детство. Его и брата Анатолия местные жители считали незаконнорождёнными, станичники осуждали за это их мать – инвалида с детства, да и детям жилось несладко. Потешались некоторые злые станичники над матерью будущего писателя, из-за её инвалидности дразнили "кривой галкой". Всё это нашло отражение в творчестве писателя, в его особой чувствительности при описании психологии одиноких, находящихся в духовном кризисе людей (в рассказах "Любовь человеческая", "Посвящение маме", "Подробности при встрече", "Дети Филиппа", "Сатана").

Наш земляк Иван Афанасьевич Зубенко – талантливейший писатель. Высокую оценку ему давали признанные авторитеты советской литературы. Особой похвалы он был удостоен от Чингиза Торекуловича Айтматова, который отмечал его редкий дар. "Он, – писал Ч.Т. Айтматов, – хорошо чувствует природу и умеет передать её в красочном слове".

Встреча с писателем Иваном Афанасьевичем Зубенко в ст. Новопокровской

Книги И.А. Зубенко "Тополя в соломе", "В деревне дождь", "Начинаю жить", "Яблоки в траве", "На краю осени", "Портрет матери", "Судите сами", "На солнечной стороне" есть в наших библиотеках. Особенно много их собрали в его родной станице Плоской. Их до сих пор с интересом читают и взрослые, и дети.

Мы по праву гордимся своей, наделённой высоким природным дарованием, знаменитой в литературных кругах землячкой, председателем Союза писателей Кубани, секретарём Союза писателей России, поэтом и прозаиком Светланой Николаевной Макаровой-Гриценко. С годами всё больше и пристальней интересуются её творчеством земляки. Каждая новая книга привлекает внимание новых читателей, новых поклонников её таланта. Она часто бывает в районе. Встречается с любителями русской литературы, школьниками, учителями, работниками культуры, рабочими. Под её влиянием у одарённых земляков пробуждаются жажда созидательной деятельности, желание приносить пользу обществу. Она помогает им советами, прокладывает путь к познанию большой русской литературы.

Уже много лет в районе ведётся работа по глубокому изучению творчества Светланы Николаевны. Проводятся творческие встречи, публикуются статьи о её новых произведениях. Большой интерес у наших читателей вызвала блестящая книга С.Н. Макаровой-Гриценко "Навигатор", которую по достоинству высоко оценили земляки и профессиональные критики.

Немало в советский период было неизвестных за пределами района, но довольно одарённых людей. Им, к сожалению, в силу ряда причин, не удалось издать свои книги, посвящённые историческим событиям в родных хуторах и станицах, но ценные рукописи В.У. Самохвалова, А.Е. Урянского, Н.П. Павлова, И.Т. Дудия, А.П. Русаковича, Я.В. Спичака хранятся в музеях, и их с интересом читают наши земляки. На эти труды опираются в своей общественной деятельности краеведы, педагоги, люди, занимающиеся патриотическим воспитанием молодёжи.

Замечательные книги издали новопокровские краеведы Виктор Владимирович Михайличенко, Виктор Семёнович Бахтинов, Григорий Николаевич Радзивило, Анатолий Александрович Штратников, поэты Георгий Тимофеевич Кунич, Евгений Иванович Бараковский, Андрей Юрьевич Шелудько. К литературному творчеству тянутся молодые дарования. Им есть на кого равняться, у кого поучиться.

Большую работу по поддержке талантливых земляков, по пропаганде их литературного творчества ведут глава администрации района А.В. Свитенко, краевые газеты "Вольная Кубань" и "Кубанские новости", районная "Сельская газета", историко-литературный музей имени Первенцева, краеведы.

Новопокровскому району повезло с творческими людьми. Мы пока не в полной мере раскрыли их благотворное влияние на судьбы людей, на все стороны развития общества. Но к этому стремимся и надеемся, что наша земля не оскудеет талантами.

Иван Бойко, краевед,
станция Новопокровская

АННА ШАРАПОВА

Анапа

Анна Шарапова родилась в городе Ленинск-Кузнецкий. С детских лет живёт в Анапе. Закончила Днепропетровский инженерно-строительный институт и Московский государственный открытый университет.

Публиковалась в сборниках "Новые сказки", "Внеклассное чтение", "Восторг души", "В контакте с Пушкиным", "Первая отметка" и др., а также в литературно-художественных журналах "Мост", "Страна Озарение", "Парус", "Союз писателей".

Дипломант международных литературных фестивалей-конкурсов, в том числе: "Интеллигентный сезон", "Чеховская осень"; международного Корнейчуковского фестиваля детской литературы.

Германским Международным литературным конкурсом "Лучшая книга года-2017" награждена специальным дипломом "За лучшую книгу для самых маленьких".

Член Союза литераторов России, трижды лауреат программы "Новые имена современной литературы". Автор поэтических сборников.

Гостя

Кустарник сирени стоял в зимней шапке,
морозной зимы изучая повадки,
как вдруг на него приземлилась снежинка,
изящная, лёгкая, будто пушинка!

От счастья она возбуждённо блестела
и звонко смеялась: "Ура! Долетела!
Давайте знакомиться! Как вы прекрасны!
Я вижу, проделала путь не напрасно!

Здесь всё интересно и всё по-другому,
завидую вашему счастью земному:
гирлянды, игрушки и ёлка большая!..."
И куст не стерпел: "Ты откуда такая?".

"С той тучки! – Снежинка на небо кивнула, –
она, пролетая над вами, чихнула.
А я путешествовать с детства привыкла,
слетев, во владения тайно проникла.

Люблю поглазеть на сады, буреломы...
Мы с солнышком даже немного знакомы!..."
Но куст перебил: "Извини, это странно,
учесть попрошу, не терплю я обмана!

Как может снежинка с огнём подружиться?
В правдивости слов разреши усомниться!
Возможно, ты просто, малышка, не знаешь?
Чуть солнце пригреет, ты тут же растаешь!

Короткий твой век, так что будь осторожна!
Запомни, пропасть в нашем мире не сложно"...
Но гостя невольно в ответ рассмеялась:
"Я солнца, мой друг, никогда не боялась!

Готова своим поделиться секретом:
я с солнцем как раз познакомилась летом!..."
Не выдержав, куст закачался от злости:
"Ты брось сочинять! – рассердился на гостью,

– Снежинки живут исключительно в стужу!
От солнышка вмиг превращаются в лужу!
К чему эти враки, скажи, попрыгунья?
На землю стряхнуть не мешает мне лгунью!..."

"Зачем же так злиться, мой добрый приятель?
Как будто весной вы не видели капель!... –
Снежинка вздохнула, отпрянув от края, –
Конечно же, я под лучами растаю!

Потом под землёй просочусь быстро в реку,
с друзьями отправлюсь по белому свету,
а солнце пригреет лишь только лучами,
вернусь я на облако, к папе и маме.

И вновь путешествовать буду по небу
и с ветром вести бесконечно беседу,
летая над морем, над лесом дремучим...
Покуда не станет то облако тучей.

А с севера ветер вернётся суровый,
и я к приключениям буду готова,
снежинкой сверкающей стану мгновенно,
на землю вернусь в Новый год непременно!

Вот так пребываю я в круговороте,
не зря происходит всё это в природе...
Клянусь, я сказала чистейшую правду!
Сломаем же к искренней дружбе преграду!"

И куст, устыдившись, воскликнул смущённо:
"Твой жизненный путь интересен, бесспорно!
Такие курьёзы мне даже не снились!.."
И в ту же минуту друзья помирились.

Спор

К бабуле приехала внучка Арина,
Нарушена тут же была дисциплина!
Был счастлив и весел звериный народ,
ведь девочку ждали они целый год!

Встречать вышли все – от цыплят до собаки,
кивая, цветы подавали ей знаки,
кудахтели куры и, радуя слух,
кричал возбуждённо довольный петух!

Сам пёс Енисей, поприветствовав гостью,
ей тапки принёс вместе с сахарной костью!
А после завёл во дворе разговор,
который и вызвал бессмысленный спор.

– Соседи, – надменно протявкали, – согласны?
Арина хозяйшкой стала прекрасной!
Признаюсь, я рад бесконечно, друзья,
что девочка любит всё больше меня!

– Позвольте! – Петух возмутился мгновенно,
– В любви вы не знаете толк совершенно!
Увы, согласиться я здесь не могу!
Чем пёс лучше курицы? Кукареку!

Мы девочке дарим и яйца, и мясо...
Нас кормит Арина совсем не напрасно!
Что можете вы, разрешите спросить?
Едите да спите! За что вас любить?

Пёс даже подпрыгнул и взвизгнул от злости:
– Советую вам поберечь ваши кости!
С малышкой гулять что ни день выхожу,
Играю, а ночью весь дом сторожу!

Ежу даже ясно, – оскалился Сеня,
– Я лучший! Вне всяких куриных сомнений!
За это хозяйка мне рыбку даёт! –
закончил торжественно пёсик отчёт.

– Ко-ко... ты не прав! – закудахтали куры,
– Зачем задаёшься? Ну что за натура?..
Прицыкнул петух: "Курам лучше молчать!..
Но те стали громче в ответ верещать.

Квохтали, галдели... Рычала собака...
Петух нападал, вызывая на драку...
Но тотчас притихли и куры, и пёс...
– Чего раскричались? – раздался вопрос.

На спорщиков глядя довольно угрюмо,
малышка вздохнула: "К чему столько шума?
Не надо сердиться, сейчас покормлю,
ведь я же всех вас очень сильно люблю!"

Смутившись, петух поспешил удалиться,
а пёс Енисей перестал тут же злиться...
И спор прекратился, ненужный, пустой,
вернув в одночасье и мир, и покой...

И жизнь с той поры потекла безмятежно,
Ариша о каждом заботилась нежно,
кормила, гуляла... В народе не лгут,
когда говорят, что любовь – это труд!

ИТОГИ КРАЕВОГО ФЕСТИВАЛЯ-КОНКУРСА "СЕМЬЯ"

Подведены итоги краевого литературного фестиваля-конкурса "Семья", учреждённого Краснодарским региональным отделением Союза писателей России при поддержке Министерства культуры Краснодарского края. Благодарим всех участников за интерес к столь важной теме (поступило более 300 работ) и поздравляем победителей!

Лауреаты и номинанты краевого литературного конкурса "Семья" (ПРОЗА)

В возрастной группе 14-17 лет:

- 1 место – **Черкашина Виктория** за рассказ "Всё могло быть иначе".

В возрастной группе 18-35 лет:

В возрастной группе 36-59 лет:

- 1 место – **Чиганов Константин** за рассказ "Рыжая-бесстыжая";
- 2 место – **Гегер Наталья** за сказку "Невероятные приключения маленькой Ники";
- 3 место – **Полякова Инга** за рассказ "Бабушка".

В возрастной группе 60 +:

- 1 место – **Людмила Байкалова (Саркисова Людмила Александровна)** за цикл рассказов;
- 2 место – **Симонов Анатолий Фёдорович (Анапа)** за рассказ "Кос-Коль";
– **Сонин Сергей Сергеевич** за рассказ "За лесом поле";
- 3 место – **Долголенко Елена Витальевна** за рассказ "Моя мама лучше всех";
– **Барановский Леонид Николаевич** за рассказ "Пугачёвский клад";
– **Ишунькина Любовь Павловна (с. Юровка)** за рассказ "Шальная пуля".

БОЛЬШАЯ ПРОЗА

- 1 место – **Шкодина Вера Ильинична** за повесть "Антонида".
- 2 место – **Сапфирова Эльвира Ивановна** за роман "Крик шёпотом или Девочка ищет отца".

Номинанты:

Номинация "За духовность и нравственность"

Семенюк Лидия (ЛИДКА) за роман в двух томах "Так уж суждено...".

Номинация "За сохранение семейной и исторической памяти"

Нимчук Елена за повесть "Вопреки".

Широкая Евгения Борисовна (Евгения Ляшко) за повесть "Капалик и Казачий патруль".

МАЛАЯ ПРОЗА

Номинанты:

Номинация "За духовность и нравственность"

Жаворонкова Анна за рассказ "Последние минуты счастья".

Князева Анна за рассказ "Рождественский подарок".
Мишин Иван Афанасьевич за рассказ "Наташа".
Субботина Вера Васильевна за рассказ "Добро не лихо, ходит тихо".
Чекменёва Людмила Алексеевна за рассказ "Везунчик".

Номинация "За любовь и бережное отношение к природе"

Булгакова Валентина Ивановна за рассказ "Чик".
Веретинская Татьяна Валентиновна за рассказ для детей "Волк тряпочный".
Грищенко Татьяна Ивановна за рассказ "Лебеди".
Диденко Антонина Михайловна за рассказ "Сердце материнское".
Кивраиди Анатолий Юрьевич за сказку "Старый забытый пенёк".
Поколода Наталья Алексеевна за эссе "Наши дубки".
Сапрыкин Владимир Михайлович за сборник рассказов "Дачные приключения".

Номинация "За сохранение семейной и исторической памяти"

Воеводина Роза Шарифовна за рассказ "Рядовой Великой Отечественной войны".
Волков Вячеслав Павлович за рассказ "В июне сорок первого".
Железниченко Мария Фёдоровна за рассказ "Батько вернулся!".
Калинцев Александр за повесть "Мамина война", рассказ "Две мамы".
Ничипорюк Сергей Антонович за цикл рассказов "От детей к внукам".
Ралот Александр (Петренко) за цикл рассказов "Дворики нашего детства", цикл исторических повестей.
Седунова Анна Дмитриевна за рассказ "Утро".
Шелепень Сергей Владимирович за рассказ "Шляпа".

Номинация "За гражданскую позицию в публицистике"

Быкова Людмила Яковлевна за очерк "Вековой юбилей Любавы...".
Палиева Зинаида за очерк "Есть такая семья".

Лауреаты и номинанты краевого литературного конкурса "Семья" (ПОЭЗИЯ)

БОЛЬШАЯ ПОЭЗИЯ

- 1 место – Ужегов Генрих
- 2 место – Худякова Ольга
- 3 место – Симонов Анатолий

МАЛАЯ ПОЭЗИЯ

- 1 место – Казаченко Михаил.
 - 2 место – Поколода Наталья, Щербань Игорь.
 - 3 место – Барановский Леонид, Бледнов Дмитрий, Карпенко Людмила, Новожилова Ольга, Уфимцева Галина.
- Номинанты: Безлепкина Ольга, Жаворонкова Анна, Мерший Галина, Прохоренко Виктория, Чечулина Светлана.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

- 1 место – Шарапова Наталья.
- 2 место – Гарбузов Владимир, Мельников Сергей.
- 3 место – Гегер Наталья, Ефименко Татьяна.

Номинант – Мелихова Марина.

Жюри конкурса: В.В. Дворцов, С.Н. Макарова-Гриценко, Л.Д. Бирюк,
Т.П. Немчинова, Л.К. Мирошникова, Н.А. Широбокова.

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 4(6), декабрь 2021 г.

Корректор Лидия Железовская

Подписано в печать.....15.12.2021.

Дата выпуска20.12.2021.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес типографии: г. Краснодар,
ул. Рождественская Набережная, 3

**Лауреаты
премии журнала "Краснодар литературный" за 2021 год**

Сергей Зубарев

Генрих Ужегов

Нина Орлова Маркграф

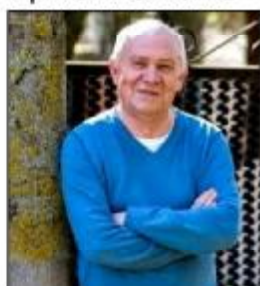
Ирина Иванченко

Владимир Гаврилович

Виктор Логачёв

Николай Ивеншев

Геннадий Пошагаев

Дмитрий Нестеренко

Татьяна Немчинова

Валерий Латынин

Татьяна Штейник

Иван Бойко

Владимир Нестеренко

Ты, солнце свечное, гори!
Как эта лампада блещет
перед искрами восходов зари,
так пофкажи мудрость мерцает и тлеет
перед солнцем бессмертных укан
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

(А.С. Пушкин)

